АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический
журнал № 5 (68) май, 2022

Содержание журнала для лиц старше 12 лет

12+
старше 12 лет

СЛОВО РЕДАКТОРА

9 МАЯ ПОБЕДА!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Представляем вашему вниманию майский, «победный» номер литературно-исторического журнала «Александръ». С первых страниц «победного» номера мы погружаемся в военную историю нашей великой страны. Выражаем слова благодарности адмиралу Владимиру Комоедову, точка зрения и идеи которого совпадают с политикой, проводимой журналом «Александръ».

Уважаемые товарищи! Примите сердечные поздравления с самым значимым для нас великим праздником – Днём Победы в Великой Отечественной войне!

9 Мая – это символ героизма и беспримерного мужества нашего народа, отстоявшего мир на земле, а 1941–1945 годы – одни из самых героических страниц в истории Отечества. Мы свято чтим память советских солдат, не вернувшихся с поля битвы. Мы помним подвиг тружеников, ковавших Победу в тылу.

Мы благодарны нашим отцам и матерям, дедам и бабушкам за самоотверженность, непоколебимую стойкость, смелость и решительность, проявленные во имя Родины, во имя жизни! Искренне поздравляю вас, наши дорогие ветераны, с великим праздником Победы! Низкий поклон вам за всё, что вы сделали для нас!

Я глубоко убеждён: пока в наших сердцах жива священная память о Великом Подвиге, наша Родина останется могучей и непобедимой. От всей души желаю вам благополучия, согласия, мирного неба над головой! С праздником! С Днём Великой Победы!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

ДОРОГИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

От всего сердца поздравляю вас с великим праздником – Днём Победы! 9 мая 1945 года – священная дата для всех поколений россиян, ставшая символом беспрецедентного героизма и единения нашего народа, верности Родине.

Война 1941–1945 годов никогда не уйдёт из нашей памяти, из памяти людей всего мира. Немыслимо! Но если за каждого погибшего во Второй мировой войне объявить минуту молчания, мир молчал бы 50 лет...

Важно помнить, что против СССР на стороне Германии воевала почти вся Европа. На стороне Советского Союза были Великобритания и США, и народы лишь трёх стран Европы – Югославии, Греции, Албании – оказали реальное сопротивление Гитлеру. Остальные были союзниками немцев.

И сегодня наша страна находится в крайне непростой геополитической ситуации. Мы испытываем беспрецедентное давление со стороны США и их союзников, противостоим попыткам международной изоляции и мощному информационному воздействию, подвергаемся жёстким политическим и экономическим санкциям.

И в наше время встречаются патриоты земли Русской. Международный центр «Святые Лавры Руси Православной» – яркий тому пример. Основным делом Центра является идея посадки Садов Мира и Памяти. Первоначально она заключалась в том, чтобы высадить на местах наиболее памятных битв и в городах-героях Великой Отечественной войны 27 миллионов деревьев, по числу погибших в войне наших соотечественников. Однако позднее пришло понимание, что нет смысла ограничиваться ни в вопросе числа деревьев, ни в привязке Садов к событиям войны. По всей территории России и в каждом из постсоветских государств живут семьи, потерявшие в той войне своих родственников. Ни одной нет семьи, в которой кто-нибудь из близких не погиб бы, или не пропал без вести, или не вернулся изувеченным. Память о войне должна присутствовать везде, где есть русские люди.

Уважаемые читатели! Сохраним самое ценное, что завоёвано в сорок пятом, – мир, свободу, независимость нашей великой страны. Пусть Праздник Победы служит и впредь сплочению и придаст новые силы в укреплении могущества России. От всего сердца желаю всем мирного неба над головой и новых побед во благо России!

Владимир КОМОЕДОВ, адмирал, командующий Черноморским флотом ВМФ России (1998–2002)

Журнал издан за счёт благотворительной помощи, оказанной Фондом «Рассказовский» и директором ФГБНУ ФНЦ садоводства Иваном Михайловичем Куликовым

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – **Анатолий Сергеевич ТРУБА**,
секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. Аршанский (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), заслуженный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 5 (68), май 2022 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.05.2022 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии Book Jet:
390005, г. Рязань, ул. Пушкина, д.18
Сайт: http://bookjet.ru, почта: info@bookjet.ru
Тел. +7(4912) 466-151

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ЮБИЛЕЙ
6 Рождённый в огненные годы

ПАМЯТЬ
10 **Валерий Латынин.**
От Дона до Балатона

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ
26 **Валерий Румянцев.**
Венок на могилу СССР

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
30 **Вадим Кулинченко.**
Путь солдата

МАЛАЯ РОДИНА
35 **Ольга Ожгибесова.**
Хочется жить

ТРАДИЦИИ
39 **Олег Бажанов.**
Лётные традиции

НУЛЕВАЯ МИРОВАЯ
52 **Андрей Скилур (Хазиев)**
Помирать не страшно

ДЕБЮТ
56 **Иван Нечипорук**

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ
58 **Виктор Усов.**
Уссурийский фронт

УТРАТА
71 **Анатолий Труба**
Верность мечте. Забытое письмо

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БЛОКНОТ
73 **Любовь Рыжкова.**
Знаки спасенья

76 Карагандинцы и старпёры: смердяковщина на эстраде

79 **Вера Панченко**
По замыслу доветхого завета

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ
81 Виталий Попов – уроженец мичуринска. Выпускин нашей школы

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»
88 **Анатолий Труба**
Пора в космос...

РОЖДЁННЫЙ В ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

Пусть мы навек незримыми цепями
Прикованы к родимым берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот путь, что боги начертали нам...

ВИКТОР ФЁДОРОВИЧ ПИВОВАРОВ

Доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ и дважды лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники, научный руководитель ФГБНУ «Федеральный научный центр овощеводства».

18 апреля в огненном 1942 году в семье Пивоваровых, Нины Евсеевны и Фёдора Тимофеевича, родился сын, наречённый русским именем Виктор (в переводе с латинского – «победитель»), который оправдал все качества, присущие этому имени, несмотря на трудности, выпавшие на судьбу этого человека.

Мама, Нина Евсеевна (Окунева в девичестве), воспитанница детского дома (родители погибли в 1918 году, когда ей было 2 года), была женщиной скромной, трудолюбивой, доброжелательной к людям и очень любящей мамой. После окончания педагогического техникума работала учительницей начальных классов, затем, до выхода на пенсию, воспитательницей в детском саду.

Отец, Фёдор Тимофеевич, уроженец с. Коповки Пачелмского района Пензенской области, родился в многодетной крестьянской семье, был хорошим специалистом по электронике. В июле 1942 года он был призван в армию и попал на фронт в войска связи. Прошёл всю войну, став мостиком, связывающим армию с тылом, откуда приходили важные донесения, которые ждали как воздух, – в них была поддержка и надежда на скорую победу. За всю войну он не получил ни одного ранения, судьба, казалось, оберегала его. А умер Фёдор Тимофеевич в мирное время, на 56-м году жизни, от онкологического заболевания.

С уходом отца на фронт Нина Евсеевна осталась одна, имея на руках трёхлетнюю дочь и трёхмесячного сына. Маме Виктора приходилось работать от темна до темна, поэтому дети были предоставлены самим себе. В трёхлетнем возрасте с будущим академиком произошёл случай, который едва не закончился для него

трагически. Трёхлетнего малыша опекала старшая сестра, и, когда во время купания в речке сестра отвлеклась буквально на несколько секунд, брат исчез с поля зрения. И только благодаря стараниям 12–14-летних мальчишек его удалось выловить из реки и откачать, сохранив жизнь мальчика для большого будущего. Кто бы мог тогда подумать, что жизнь сложится так...

После окончания войны отец вернулся домой, и родители, подумав и взвесив все за и против (очень хотели, чтобы у детей было хорошее образование), приняли решение переехать в районный центр Пачелму. В то время у многих возникали трудности с жильём, поэтому строить пришлось самим – сначала был маленький домик, к которому со временем пристроили вторую комнату и летнюю кухню. В этом доме родители и прожили до конца своей жизни.

В дальнейшем на жизненном пути Виктора Пивоварова встречалось много добрых и хороших людей, которые в той или иной степени способствовали его формированию как человека, как личности и учёного. Но, пожалуй, самое большое влияние на формирование сына и выбор им жизненного пути оказал отец, Фёдор Тимофеевич. Он был мудрым человеком, и, когда после окончания 8-го класса непоседа Виктор заявил, что больше не будет учиться, а пойдёт работать, отец спокойно его выслушал и добродушно сказал: «Ну вот и хорошо, теперь мы вместе будем работать и обеспечивать семью, а то мне, сынок, одному тяжело». На следующий день он отвёл Виктора на каменоломни, где после нескольких недель работы с истёртыми в кровь руками Виктор, подумав, принял важное и ответственное для него решение: «Пап, я вернусь учиться, чтоб людям было легче работать». Отец в душе был рад тому, что за столь короткий срок ему удалось дать понять сыну, что физический труд непрост, почётен, но что возможно эту жизнь сделать более насыщенной и интересной. И конечно же, у отца была мечта – дать детям достойное образование. И дети это чувствовали и учились успешно и с огоньком.

В школьные годы у Виктора проявились незаурядные способности к физике и математике. Видимо, от отца, любящего свою профессию (он был электрик-радиотехник, имел среднее техническое образование), вместе с любовью сыну передалась увлечённость всем, что вызывает интерес, – своей работой или новым делом.

От мамы же передалось увлечение музыкой. У Нины Евсеевны был хороший музыкальный слух и очень приятный голос, и она с удовольствием пела. Виктор же очень хотел научиться играть на баяне. На велосипедное колесо он выменял старенький баян и целыми днями пробовал учиться играть на нём. Отец, видя интерес сына, потихоньку от жены экономил деньги и наконец смог купить ему баян, который и по сей день хранится в семье Виктора Фёдоровича как реликвия – дорогая память об отце.

После окончания школы Виктор поступает в Пензенский сельскохозяйственный институт. Наряду с очным обучением в Пензенском СХИ параллельно учился заочно в Московском институте физкультуры и спорта.

Виктор Пивоваров стал заниматься в лыжной секции, систематически тренируясь в

ходьбе на лыжах вместе со своими друзьями и соратниками по спортивным увлечениям. Они становятся лучшими лыжниками в институте и ведущими в г. Пензе, причём В. Пивоваров в дальнейшем выполнил норматив мастера спорта СССР в лыжных гонках.

После окончания института в 1964 году В. Ф. Пивоваров работает преподавателем ПТУ в г. Беднодемьяновске Пензенской области. Из этого города его и призвали на службу в вооружённые силы страны.

В 1965–1967 годах В. Ф. Пивоваров работает агрономом госплемсовхоза «Пачелмский» Пензенской области, инженером-почвоведом в Чувашском сельскохозяйственном институте.

После успешной сдачи экзаменов с октября 1968 года становится аспирантом известного учёного-селекционера по тыквенным культурам, профессора, доктора сельскохозяйственных наук О. В. Юриной. И с этого момента вся его трудовая, научная, творческая биография связана с Грибовской овощной селекционной опытной станцией, а затем и ВНИИССОК.

В 1972 году успешно защищает кандидатскую диссертацию по иммунитету тыквенных культур.

Наступает 1974 год. В. Ф. Пивоварова начинают готовить к отправке на Кубу, он изучает в течение года испанский язык в университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Буквально через год-два учёные Советского Союза под руководством В. Ф. Пивоварова создали для Кубы сорта фасоли, огурца и томата для выращивания в летнее время. Пивоваров был лично знаком с Фиделем Кастро, который выразил благодарность за научные достижения.

После возвращения с Кубы Пивоваров занимается вплотную проблемами экологической селекции в отделе экологии.

В 1990 году Виктор Фёдорович избирается профессором по специальности «Селекция и семеноводство», а в 1992 году назначается директором Всероссийского НИИ селекции и семеноводства овощных культур, который вошёл в подчинение отделения растениеводства Россельхозакадемии. С этим институтом по настоящий день связана научная и творческая деятельность Виктора Фёдоровича: очный аспирант, старший научный сотрудник, заведующий отделом, заместитель директора, директор ВНИИССОК. Он становится доктором сельскохозяйственных наук, действительным членом Академии сельскохозяйственных наук, заслуженным деятелем науки, лауреатом Государственной премии РФ и дважды лауреатом Премии Правительства в области науки и техники. Именно здесь раскрылись его уникальные способности руководителя и организатора, талант учёного, исследователя. Также раскрылись и его человеческие качества: скромность, доброта, порядочность, надёжность, готовность в трудную минуту всегда прийти на помощь людям.

Научные разработки В. Ф. Пивоварова не остались незамеченными, и в 1990 году он избирается профессором по специальности «Селекция и семеноводство». Продолжая активно заниматься научной и административной деятельностью, он получал максимум поддержки в реализации своих идей и планов со стороны директора ВНИИССОК С. И. Сычёва (1983–1992). После ухода с поста директора С. И. Сычёв предложил на эту должность своего заместителя, и в 1992 году В. Ф. Пивоваров назначается директором Всероссийского НИИ селекции и семеноводства овощных культур. В 1993 году он избирается членом-корреспондентом РАСХН по специальности «Генетика и селекция», а в 1995-м – действительным членом (академиком) Российской академии сельскохозяйственных наук.

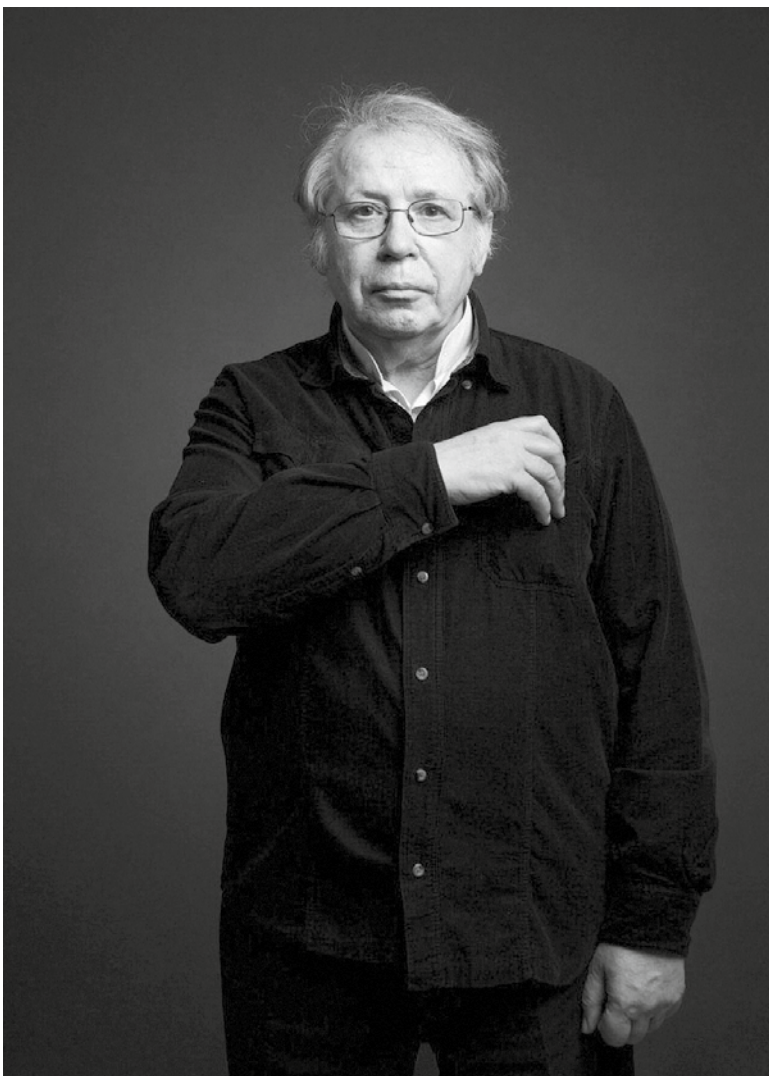
Научная деятельность В. Ф. Пивоварова связана с разработкой нового направления исследований по интродукции, селекции и генетике овощных культур, основанного на последовательном использовании различных эколого-географических зон как естественных фитотронов для ускорения и повышения эффективности селекционного процесса. Под руководством В. Ф. Пивоварова развивается такое направление исследований, как использование овощей в лечебно-профилактическом питании по принципу «Овощи – пища – лекар-

ство». В рамках этих исследований успешно проводится селекционная работа на выявление высокого содержания биологически активных соединений, в том числе на антиоксидантную активность и повышение содержания микронутриентов. Конечным результатом этих исследований является производство продуктов функционального назначения, направленных на повышение иммунного статуса и увеличение продолжительности жизни человека. Именно за научные разработки в области интродукции и селекции овощных культур на повышенное содержание биологически активных веществ и антиоксидантов, имеющих важное социальное значение в решении проблем питания, здоровья нации и способствующих укреплению экономической безопасности России, коллектив учёных-овощеводов во главе с В. Ф. Пивоваровым удостоен в 2003 году звания лауреата Государственной премии, а в 2013 и в 2021 годах – премии Правительства РФ в области науки и техники.

Многолетние исследования В. Ф. Пивоварова опубликованы более чем в 665 научных работах по самым актуальным проблемам отрасли селекции и семеноводства овощных культур. Он стал автором свыше 40 книг, монографий, учебников и методических указаний, соавтором 131 сорта и гибрида овощных культур и 17 изобретений. Значительный интерес для селекционеров, семеноводов, преподавателей вузов, аспирантов представляет ряд монографий по частной селекции овощных культур (паслёновым, тыквенным, луковым, корнеплодным, капустным, нетрадиционным и др. культурам), опубликованных В. Ф. Пивоваровым в 1992–2016 годах совместно с генетиками, селекционерами, семеноводами ВНИИССОК, ВИР им. Н. И. Вавилова и других НИУ.

Широкую популярность завоевала книга Виктора Фёдоровича «Овощи России», предназначенная для специалистов и овощеводов-любителей, изданная несколькими тиражами на русском и английском языках.

В настоящее время институт выпускает авторитетный теоретический журнал «Овощи России», входящий в российские (РИНЦ) и международные (Agris) базы цитирования, главным редактором которого является академик В. Ф. Пивоваров.



Научная школа экологической селекции академика В. Ф. Пивоварова имеет мировое признание. Многие отечественные и зарубежные специалисты, работающие в отрасли овощеводства, – его ученики. Под руководством Виктора Фёдоровича подготовлены 45 кандидатов и 20 докторов наук в России, Украине, Азербайджане, Узбекистане, Туркмении, Республике Куба.

Здоровья вам, Виктор Фёдорович, долгие лета и ещё много лет творчества и воплощения уникальных проектов в жизнь!

Редакционная коллегия журнала «Александръ»

ОТ ДОНА ДО БАЛАТОНА

БОЕВОЙ ПУТЬ ГЕОРГИЯ ЯЦЕНКО ИЗ ХУТОРА ТОПИЛИНА

1. НЕСОСТОЯВШИЕСЯ КАНИКУЛЫ

В битве под Москвой с осени 1941 до весны 1942 года советские войска сорвали гитлеровский план «первой молниеносной войны» против СССР, поколебали в глазах мирового сообщества миф о непобедимости германской армии. Но до коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны было ещё далеко. 5 апреля 1942 года Гитлер подписал план операции «Блау» – второго «молниеносного похода» против Советского Союза. Он предусматривал ложное наступление 4-й танковой армии генерала Гота и других соединений от Курска к Воронежу, обозначая обострение обстановки в центре Восточного фронта, с возможным поворотом в сторону Москвы. Этот удар бронированного кулака по задумке стратегов немецкого генштаба должен был сковать резервы Красной армии на данном участке, а тем временем 6-я армия генерала Паулюса и 1-я танковая армия генерала фон Клейста совместно с румынскими и итальянскими союзниками нанесёт главный удар на южном фланге, прорвёт оборону советских войск западнее Дона и стремительным броском выйдет к Волге и нефтеносным районам Кавказа, лишая СССР горючего для боевой техники, перерезая главные транспортные артерии для доставки необходимых войскам грузов и личного состава.

В июне 1942 года Георгий Яценко вернулся домой в хутор Топилин из Константиновского педагогического училища. С собой у него был пакет из Константиновского военкомата с документами для поступления в Военно-морское авиационное училище имени И. В. Сталина, которое до войны находилось неподалёку от Ростова-на-Дону – в кубанском городке Ейске, а в сентябре 1941 года было перебазировано в город Моздок на Северном Кавказе.

Лейтенант Г.Е. Яценко. 1944 г.

Осенью 1941 года, когда немецкие войска прорвались к Дону, из учащихся Константиновского педучилища, техникума и ФЗУ был сформирован истребительный батальон для борьбы с диверсантами и их пособниками, строительства оборонительных сооружений. Комбатом был назначен военрук педучилища Храмов. Два месяца, до освобождения Ростова нашими войсками, студенты дежурили на переправе и наблюдательных пунктах, совершали прочёсывание местности, задерживали подозрительных лиц. Георгий командовал одним из взводов. После расформирования батальона наиболее отличившиеся бойцы получили направления в военные училища.

Отдыхать, как и большинству хуторских детей, студенту не пришлось. Работал в третьей полевой бригаде на обмолоте хлеба. Трудодни шли в зачёт маме – Елене Антоновне. Возил зерно (озимую пшеницу) на Семикаракорский элеватор. В районном центре узнал из сообщения в газете о прорыве немцами фронта под Воронежем, сразу же забеспокоился об отце, Емельяне Яковлевиче, воевавшем в этих местах. Вернулся домой с плохими новостями.

Вскоре немецкие бомбардировщики стали делать налёты на донские города и станицы, бомбя стратегические объекты, в том числе и Семикаракорскую паромную переправу. Военкомат получил приказ призвать на действительную военную службу призывников 1924 года рождения. Сбор призывников из-за опасения новых авианалётов проводили не в районном центре, а в хуторе Золотарёвка.

Получил повестку и Георгий, которому восемнадцать лет исполнялось только в декабре 1942 года. Положил в свою рыбацкую котомку военкоматовский пакет, кружку, полотенце, сало, хлеб, пирожки, бутылку молока, попрощался с мамой, младшими братьями и сёстрами и отправился через речку Сал в соседний хутор вместе со своими приятелями-одногодками Иваном Змешкаловым, Михаилом Леоновым, Петром Лозовым, Ефимом Безручко, Николаем Колено и другими топилинцами.

Пятикилометровый путь от Топилина до Золотарёвки был хорошо знаком ребятам – все они несколько лет назад учились в Золотарёвской семилетней школе, в родном хуторе в то время существовала только начальная школа. Шли ходко, говоря о том, как в конце 41 и в начале 42 года наши войска надавали Гитлеру по морде под Ростовом и Москвой а теперь уж наверняка дадут ему пинка под зад. Так думали не только они. Генеральный штаб Красной армии тоже недооценивал силы противника и планировал наступательные операции летом 1942 года по всей линии соприкосновения.

На призывном пункте, разместившемся в школе, настроение приятелей стало не столь радужным. Им объявили, что из-за постоянных бомбёжек Ростова и угрозы его захвата призывников отправят не на пароходе в областной центр, а пешим ходом на железнодорожную станцию города Сальска, а это более ста километров по просёлкам в знойной степи, без надежды, что кто-то подбросит попутным транспортом.

В сопровождении старшины из военкомата команда призывников Семикаракорского района (около 200 человек) отправилась через хутор Павлов, станицы Пролетарскую и Платовскую в город Сальск. Ночевали в школе на полу, ели домашние припасы, что заботливо собрали в походные котомки матери и сёстры. Когда подходили к Сальску, увидели улетающие на Запад «хейнкели» и «юнкерсы», дым в районе станции и элеватора, пожары в нескольких местах. Фашистская авиация добралась и сюда.

Военный комендант станции только развёл руками:

– Ума не приложу, что с вами делать! Нет вагонов, чтоб дальше отправить всю команду. Придётся без сопровождающих запихивать небольшими группами в товарняки и грузовые

Призывники из х. Топилин. Стоит 2-й справа Г. Яценко. 1942 г.

составы, чтоб хоть как-то добирались до города Прохладного.

Так и добирались, кто как смог, без продовольственных пайков, без сопровождающих, до сборного пункта в Прохладном. Никто из семикаракорских призывников не струсил, не смалодушничал, не сбежал домой, все явились по указанному адресу.

В Прохладном Георгий Яценко предъявил свои документы военному комиссару, тот позвал кого-то из военных, оказавшегося представителем Ейского училища. Георгия отобрали для учёбы и доставили в полевой лагерь под городом Моздоком. Там переодели в военную форму, выдали противогаз. Две недели учился азам военного дела, проходил курс молодого бойца. Потом с новичками провели стрельбы из кавалерийского карабина, и после принятия присяги они стали полноправными курсантами. Начали изучать в ангаре устройство самолёта И-16, бывшего в то время на вооружении морской авиации, конструкцию двигателя, вооружение этого истребителя.

Но стать лётчиком морской авиации Георгию не довелось. В один из дней во второй половине июля на территории училища прозвучал сигнал боевой тревоги. Все выбежали из классов на построение. Начальник училища генерал-майор авиации И. В. Рожков зачитал приказ Верховного главнокомандующего № 227 «Ни шагу назад!» и свой приказ о формировании курсантского полка во главе с заместителем начальника училища по строевой части для отправки на фронт.

Эти события были вызваны чрезвычайными обстоятельствами: 1-я танковая армия фон Клейста, 6-я армия Паулюса и приданные им части прорвали оборону войск Юго-Западного фронта и устремились по правому берегу Дона к Сталинграду, создавая угрозу окружения дивизиям, оборонявшим Донбасс. Наши части по приказу Ставки, чтобы не попасть в «котлы», как в 1941 году, отходили с боями на левый берег Дона, к Волге и предгорьям Кавказа. Сил и средств для остановки врага на южном направлении было катастрофически мало. Переброшенные из-под оставленного в июле 1942 года Севастополя измотанные части и соединения, составившие основу нового Северо-Кавказского фронта под командованием С. М. Будённого, исправить ситуацию не могли.

В сложившейся трудной обстановке было принято решение о создании курсантских стрелковых полков из личного состава Винницкого военно-пехотного училища, эвакуированного в город Краснодар, Грозненского пехотного училища, Орджоникидзевского военно-пехотного училища, Краснодарского артиллерийско-миномётного училища, Ейского военно-морского авиационного училища и введении их в бой на направлениях главных ударов противника.

Вскоре в училище на «студебекерах» привезли оружие и полевую форму защитного цвета. Весь рядовой и сержантский состав оперативно сформированного полка переодели. Офицеры наотрез отказались менять лётную форму, взяли только пилотки.

2. НА КАВКАЗСКОМ РУБЕЖЕ

Курсант лётного училища Георгий Яценко волей обстоятельств оказался пехотинцем в сводной курсантской бригаде, занявшей оборону на подступах к городу Моздоку, прикрывавшей проход к грозненскому нефтяному району, куда была нацелена 1-я танковая армия генерала фон Клейста. Сапёрные подразделения минировали местность на танкоопасных участках. Курсанты днём и ночью копали окопы и ходы сообщения, блиндажи, оборудовали пулемётные гнёзда и позиции бронебойщиков с нишами для патронов, готовили секторы стрельбы, усваивали азы борьбы с танками и пехотой, приёмы рукопашного боя. Спали посменно, не более двух часов за ночь, нужно было подготовить систему обороны по всем правилам, как требовал командующий восточной группировкой Северо-Кавказского фронта, герой обороны Одессы генерал-лейтенант И. Е. Петров, лично побывавший в курсантской бригаде. Он же распорядился об увеличении пулемётных и бронебойных расчётов на позиции. Георгия вооружили ручным пулемётом Дегтярёва (РПД), вторым номером к нему назначили курсанта Александра Ковалёва, уроженца Армавира.

Линия обороны в районе Моздока

В пригороде Еревана. 40-е гг. XX в.

Через несколько дней до позиций курсантов докатился гром артиллерийской канонады, горизонт затянуло клубами дыма – фронт неумолимо приближался. Сначала над окопами пролетел немецкий самолёт, сбросив листовки. В них жирным крупным шрифтом было напечатано: «Вы не солдаты, а дети, вас обрекли на смерть. Красная Армия разбита, она больше не существует. Сдавайтесь! Мы гарантируем вам жизнь...»

Ночью к окопам вышли наши отступающие солдаты и офицеры. В большинстве они были ранены, изможденны, в разорванном и перепачканном обмундировании. Один из командиров с перебинтованной головой, оглядев подготовленные укрепления, поблагодарил:

– Спасибо, ребята! А то я думал, что мы последние защитники и никого больше не осталось. Держитесь! Мы всё равно победим!

На рассвете немецкие пикирующие бомбардировщики «юнкерсы», или «лапотники», как окрестили их наши бойцы за неубирающиеся стойки шасси, обрушились на курсантскую бригаду с воздуха, подняв над степью фонтаны разрывов и тучи дыма. Около получаса позиции обстреливала вражеская артиллерия и миномёты, а потом выползли из укрытий танки, изрыгая пламя из своих хоботов, в основном это были «Панцеры-3» с 37-миллиметровой пушкой и более тяжёлые «Панцеры-4» с 75-миллиметровой коротконствольной пушкой, за ними двигалась пехота в форме мышиного цвета, но с чёрными воротниками – части СС.

Курсанты не стреляли, подпускали противника ближе, как их инструктировали командиры, чтобы поражать врага наверняка. Неожиданно с закрытых позиций за спинами курсантов раздались выстрелы наших артиллерийских орудий. Это означало, что у пехоты есть огневая поддержка и курсанты не брошены один на один с бронированными монстрами. Несколько танков были поражены огнём артиллеристов, ещё несколько подорвались на минах, но другие продолжали упорно продвигаться к окопам. Когда они подошли на расстояние эффективной стрельбы бронебойщиков, огонь открыли курсанты, вооружённые противотанковыми ружьями, а следом застрочили пулемётчики, отсекая пехоту.

Курсант Яценко стрелял короткими очередями, чтобы экономить патроны, но тщательно выцеливал перебегающие по степи фигурки. Он был метким стрелком, ещё во время учёбы в Константиновском педучилище сдал нормы на значок «Ворошиловский стрелок». Но там он стрелял по мишеням, а здесь по гитлеровцам, пришедшим на его родную землю за его жизнью, и не испытывал никакого сожаления, когда видел, что его выстрелы достигают цели, немецкие солдаты, словно споткнувшись о невидимую преграду, валятся на пересохшую от зноя степную землю. Загорелось ещё несколько бронированных машин. Поредели и цепи автоматчиков в мышиной форме. И атака захлебнулась. Вояки фон Клейста попятились на исходную позицию.

Георгий опустил пулемёт в окоп, вытер рукавом гимнастёрки пот с лица и подмигнул Саше, пошутив:

– Не так страшен чёрт, как его малюют!

Напарник ответил серьёзно:

– Рано радоваться, это только первая атака… А сколько их ещё будет? Мы-то тоже не заговорённые. Вон раненых в блиндаж относят. Наверно, и убитые есть?

Вскоре со стороны солнца снова налетели «лапотники», с жутким воем во время пикирования перепахивая степь вдоль траншей разрывами бомб, снарядов и пулемётными очередями. На этот раз курсанты не жались испуганно к земле, а огрызнулись пулемётным огнём по несущим смерть воронам с крестами на крыльях. И одного, ко всеобщей радости, завалили в дымящуюся степь. Но жаться к матушке-земле всё же пришлось – начался новый артобстрел, ещё более губительный, поскольку линия окопов уже была пристреляна противником. Вновь появились убитые и раненые среди курсантов. По траншее от окопа к окопу, пригибаясь, перебегал пожилой казак в кубанке, с санитарной сумкой, оказывая помощь раненым.

Когда началась очередная атака немецких танков и пехоты, их снова встретили огнём наши артиллеристы, а потом и курсанты. И на этот раз враг был отбит. И снова повторилась огненная карусель – авианалёт, обстрел из орудий и миномётов, атака танков и пехоты. Так пять раз за день. С каждым разом фашисты подходили всё ближе к окопам, некоторые даже запрыгивали в них, но были уничтожены.

Ночью командир взвода посоветовал курсантам, вооружённым винтовками Мосина образца 1891–1930 годов, выползти на поле боя и собрать оружие убитых фашистов, в первую очередь их ручные пулемёты, самые скорострельные в тот период, чтобы на следующий день бить врагов его же оружием. Спали в окопах на охапках соломы и полыни, завернувшись в плащ-палатки, опять посменно и урывками, чтобы не допустить ночной атаки или захвата «языка» немецкими разведгруппами, которые вели поиск вблизи курсантских позиций.

Ранним утром попытки прорвать оборону курсантской стрелковой бригады возобновились. Только теперь активизировался ещё и огонь вражеских снайперов. Они в первую очередь охотились за командирами, бронебойщиками и пулемётчиками. К несчастью, офицеры Ейского училища в синих гимнастёрках стали идеальной мишенью для снайперов. Их-то и выцеливали в первую очередь. Командир взвода Георгия и Александра находился неподалёку от них, и курсанты стали невольными свидетелями его смерти – пуля попала ему в голову, и офицер умер стоя, прислонившись к стенке узкой щели. Погибли или были тяжело ранены ещё несколько офицеров, их заменили сержанты, имевшие боевой опыт. Рубеж курсантской обороны не был захвачен и в этот день.

На третьи сутки Георгий Яценко был ранен осколком кассетной бомбы в правую ногу, выше колена – увлёкся стрельбой по самолёту и выставил ногу из своего окопа в траншею. К нему вскоре подбежал казак-санинструктор, вырвал осколок пинцетом. Георгий от боли потерял сознание. Пришёл в себя от едкого запаха нашатыря. Казак обработал рану перекисью водорода, сунул ему в руку бинт со словами «перевяжи сам» и побежал к другим раненым. Георгий наложил повязку как мог и снова встал к пулемёту, отбивая атаки эсэсовцев. Не ушёл он в медсанбат до тех пор, пока курсантскую бригаду не сменила на участке

обороны стрелковая дивизия из Азербайджана. Из трёх с половиной тысяч курсантов в живых осталось меньше пятисот и те в большинстве были ранены или контужены, но они не уступили фашистам ни пяди родной земли.

Раненых курсантов эвакуировали в Беслан, а оттуда на поезде отправили для лечения в Махачкалу.

3. БОЕВАЯ УЧЁБА

После лечения в госпитале Георгию Яценко предложили продолжить учёбу в Тбилисском горно-артиллерийском училище, поскольку его «летуны» перебазировались в село Борское Куйбышевской области. Но и в городе Тбилиси он долго не задержался. Материальную часть и преподавателей училища эвакуировали в среднеазиатский город Кушка, а из курсантов вновь формировали полк для отправки на фронт. Курсанта Яценко, ещё не вполне оправившегося от ранения и заметно прихрамывавшего, в полк не зачислили. В это время в посёлок Канакер в семи километрах от Еревана было передислоцировано Краснодарское пулемётно-миномётное училище, и Георгия направили на учёбу туда.

Какова же была его радость, когда в стенах училища он встретился со своим земляком Михаилом Леоновым и напарником по недавним боям Александром Ковалёвым. С верными друзьями любые трудности по плечу. А их было немало за время учёбы, ведь помимо основной программы, в которую входили огневая подготовка, борьба с танками, тактика и топография, инженерная и химическая подготовка, изучение всех видов оружия – нашего, противников и союзников, – курсантам устраивали также марш-броски с полной выкладкой, тренировки по выживанию в экстремальных условиях, бросали на борьбу с десантами противника и на патрулирование границы с Турцией.

В апреле 1943 года состоялись государственные экзамены и выпуск из училища. Из двух с половиной тысяч курсантов только 1780 сдали экзамены успешно и получили офицерские звания младших лейтенантов, 120 человек стали лейтенантами (те, кто имел командирский опыт в боевой обстановке), 1082 выпускника были аттестованы командирами пулемётных взводов, 698 – командирами миномётных взводов, в том числе и троица друзей – Георгий, Михаил и Александр. Только распределили их в разные места. Ковалёва – на Центральный фронт, Леонова – на Воронежский, а младшего лейтенанта Яценко направили на Северо-Кавказский фронт, освобождавший Кавказ, Ставрополье, Кубань и левобережье Дона от фашистской нечисти.

Выпускником этого училища был и будущий руководитель известной цирковой конной группы джигитов, народный артист Северной Осетии Хасамбек Кантемиров.

Начальник училища генерал-майор А. И. Коновалов и военный комиссар подполковник А. Р. Рудин пожелали своим воспитанникам не посрамить чести родного училища и добиться победы над вероломным врагом. И во-

Атака на Миус-фронте. Июль 1943 г.

семнадцатилетние командиры шагнули в огонь войны.

В мае младший лейтенант Яценко прибыл в резерв офицерского состава Северо-Кавказского фронта в станицу Пашковскую под Краснодаром. Хотел попасть в части, ведущие бои на Таганрогском направлении, чтобы добивать врага на донской земле, но его назначили командиром взвода в 212-й учебный артиллерийский полк, разместившийся в районе города Кропоткина, готовить командиров миномётных расчётов.

Ежедневно по 10–12 часов Георгий занимался со своими подопечными теорией и практикой ведения огня из миномётов разных калибров, баллистикой, тактикой, инженерной подготовкой.

В июле ему поручили сопроводить маршевую роту выпускников в 32-ю гвардейскую стрелковую дивизию в район города Новороссийска. Прибыли туда в разгар напряжённых боёв. Комдив полковник Г. Т. Василенко обрадовался пополнению миномётчиков, но тут же посетовал:

– Некому управлять огнём батареи 120-миллиметровых миномётов, тяжело ранен старший офицер батареи. Яценко, задержись на денёк, выкурим фрицев из бетонных нор, и вернёшься в свой учебный полк.

«Денёк» растянулся на неделю беспрерывных огневых дуэлей. Но за это время батарея, управляемая младшим лейтенантом Яценко, разрушила до 15 дотов и дзотов противника, уничтожила около сотни вражеских солдат и офицеров, о чём и написал комдив будущей Таманской дивизии в характеристике молодого офицера, чтобы его не осудили в части за долгое отсутствие. Предлагал остаться командиром батареи, но Георгий не решился принять заманчивое предложение без решения своего командования.

4. БОИ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ И В ПРИДНЕПРОВЬЕ

В августе с «Голубой линией» обороны немцев на Кубани было покончено. Части и соединения Северо-Кавказского фронта перебрасывали на другие направления. Георгия Яценко назначили командиром миномётного взвода в полковую батарею 120-миллиметровых миномётов 993-го стрелкового полка 263-й стрелковой дивизии (комдив полковник П. М. Волосатых), с 16 августа участвовавшей в возобновившейся после серии неудач Донбасской наступательной операции в составе 4-го гвардейского стрелкового корпуса 6-й общевойсковой армии Юго-Западного фронта.

993-й полк совместно с другими частями 263-й дивизии, приданной 4-му гвардейскому стрелковому корпусу (комкор генерал-майор М. И. Запорожченко), прорывал неприятельскую оборону на Северском Донце в районе Балаклеи Харьковской области, продвигаясь с тяжёлыми боями в направлении города Лозовая и далее к Днепру на стыке Днепропетровской и Запорожской областей.

Это была пора изнурительных боёв в широкой степной полосе глубокоэшелонированной обороны противника, занимавшего большинство господствующих высот, построившего с помощью рабочих батальонов мощные огневые точки из железобетона, системы блиндажей, капониров для техники, нескольких линий окопов, ходов сообщений, защищённых минными полями и проволочными заграждениями.

Немцы ещё не потеряли надежду переломить ход войны в свою пользу, измотать советские войска и не позволить им успешно продвигаться на Запад. Они стойко сражались. Если и вынуждены были отходить с занимаемых позиций, то делали это, как правило, ночью, организованно, на технике, из одного укрепрайона в другой, изрядно потрепав наши части, передвигавшиеся по-прежнему на своих двоих, с вечно отстающими обозами на гужевой тяге и редких полуторках. В войска всё больше поступало новых образцов военной техники – замечательные танки Т-34, КВ, ИС, самоходные артиллерийские установки, установки залпового огня «Катюша», новые типы самолётов, но до бронетранспортёров для пехоты, как у немцев, дело так и не дошло.

Командир миномётного взвода младший лейтенант Яценко занимался не только миномётным обстрелом вражеских позиций, но и в критические моменты боёв, когда выбывали из строя офицеры стрелковых рот, принимал

по приказанию командира полка командование матушкой-пехотой, поднимая бойцов в атаку на передний край обороны противника. О последствиях таких «рокировок» в штабе полка особо не задумывались, ведь офицера-артиллериста пехотным офицером оперативно не заменишь, это всё равно что забивать гвозди стеклянным башмаком. Не задумывались об этом и в вышестоящих штабах, поэтому требовали наступления любой ценой, полки и дивизии то и дело бросали с одного участка на другой затыкать возникающие бреши, используя личный состав подразделений на пределе человеческих возможностей.

Красноречивей и убедительней ветеранских воспоминаний об этом расскажут скупые записи «Журнала боевых действий 993 стрелкового полка» за этот период:

«30.08.1943 г. 2-й стрелковый батальон под командованием капитана Трясова вместе с обустроенным районом передали в распоряжение 997 стрелкового полка. В полку остался один батальон капитана Техонина.

02.09.1943 г. В течение ночи полк сдал обороняемый участок (475) после чего совершил 9-ти километровый марш в район Каменка.

03.09.1943 г. В 16:00 часов подразделения полка совершили марш до д. Топольское, после чего под прикрытием ночи марш был продлён до д. Греково, где сосредоточились к 3:30 04.09.1943 г. сзади боевых порядков 910 стрелкового полка для принятия оборонительного участка. К 23:00 участок приняли.

05.09.1943 г. В 3:00 без артподготовки 5-я стрелковая рота начала продвигаться в направлении высоты 154.8, дошла до подбитых танков и к 5:00 заняла 8 танков, после чего окопалась за танками... В 15:00 5-я стрелковая рота и все остальные роты предприняли наступление на высоту с отметкой 154.8, но безуспешно. Потери большие. В распоряжение 2-го стрелкового батальона послано подкрепление – рота автоматчиков из специальных и тыловых подразделений полка.

06.09.1943 г. В 3:00 батальон перешёл в наступление. Продвижения нет. Потери большие. (К 5:00 – 262 человека). Авиабомбой противника убит комбат капитан Техонин.

07.09.1943 г. В 3:00 подразделения полка и штаб снялись с занимаемого участка и совершили марш в район станции Святогорская, куда прибыли в 11:00.

Выводы: Подразделения полка успеха не имели, а имели большие потери по причине малочисленности личного состава и сильного огня пулемётов, миномётов и снайперов противника с выгодного занимаемого ими рубежа (высота 154.8)».

Как видно из этих записей, полк за несколько дней был полностью обескровлен и потерял свой последний батальон в бессмысленных атаках пехотинцев без артиллерийской и миномётной поддержки на неприступную оборонную позицию противника на господствующей высоте. Скорее всего, его использовали для отвлечения внимания противника от направления главного удара. Есть такой жестокий приём в военном искусстве. Известный поэт-фронтовик Николай Тихонов написал об этом стихотворение «Отвлекающий десант», которое запомнилось всем, кто его читал, гротескной концовкой:

Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей!

Хроника боёв 263-й стрелковой дивизии осенью 1943 года показывает, что это соединение неоднократно использовали в вяжущих боях, постоянно переподчиняя то 94-му стрелковому корпусу 58-й армии, то 67-му стрелковому корпусу 28-й армии 4-го Украинского фронта. Как при этом младший лейтенант Яценко оставался в течение двух месяцев целым и невредимым, знает, наверное, только его ангел-хранитель, но и он не уберёг Георгия от снайперской пули в ходе Мелитопольской наступательной операции.

Потеряв оборонительный рубеж на реке Миус, 6-я немецкая армия нарушила позиции вермахта на огромном участке от Смоленска до Азовского моря, но смогла в ночь с 19 на 20 сентября достаточно организованно, сохранив большое количество личного состава и артиллерии, отойти на заранее подготовленные позиции – линию «Вотан» на реке Молочной. Гитлер требовал удержать на замке ворота к Крыму, где

упорно оборонялась 17-я немецкая армия, эвакуированная с Кавказа и Кубани.

Передний край обороны гитлеровцев проходил по ряду командных высот, прикрытых с востока рекой Молочной с обрывистым западным берегом. На севере в районе Васильевки позиции упирались в непроходимые днепровские плавни. На юге примыкали к озеру Молочному, протянувшемуся к Азовскому морю на тридцать километров. Немецкая оборона состояла из сплошного противотанкового рва, за ним были вырыты окопы, огневые позиции миномётчиков и бронебойщиков, пулемётные площадки, устроены блиндажи, дзоты, бронеколпаки. Через полтора километра за первой линией обороны шла вторая линия, оборудованная таким же образом.

Войска Южного фронта, в состав которого была передана пополненная личным составом и вооружением 263-я стрелковая дивизия, вышли к линии «Вотан» 22 сентября, но с ходу прорвать оборону не смогли. Несколько дней вели разведку, нащупывая уязвимые места противника, и 26 сентября начали прорыв, потеснив врага на фронте в 22 километра на глубину от 2 до 10 километров, однако были остановлены массированным огнём авиации и артиллерии противника. Наша артиллерия не смогла подавить систему огня 6-й немецкой армии и прибывших из Крыма свежих дивизий, что привело к затяжным боям и большим потерям.

К 10 октября наметился успех на южном крыле фронта, в полосе боевых действий 28-й армии, в которую была включена и 263-я дивизия, наступавшая в направлении населённого пункта Акимовка, и направление главного удара было перенесено туда. Началась ожесточённая борьба за город Мелитополь – важный железнодорожный узел на пути из Запорожья в Крым.

При форсировании реки Большой Утлюк командир миномётного взвода младший лейтенант Яценко вновь был назначен командиром 3-й стрелковой роты. И опять ночью без артиллерийской поддержки 1-й батальон 993-го полка получил приказ переправиться на правый берег и атаковать укреплённые позиции противника на господствующей высоте.

1-я и 2-я рота попытались воспользоваться полуразрушенной дамбой для перехода на противоположный берег и были встречены массированным огнём самоходных установок «Фердинанд», пулемётами, миномётами и другими видами оружия.

Бойцы 3-й роты по приказу своего командира отыскали несколько рыбацких лодок, брёвна и доски для сооружения плотов и до рассвета смогли форсировать реку, несмотря на сильный огонь противника. Сосредоточились за крутым скатом правого берега, прикрывая огнём действия соседних рот, последовавших их примеру.

Бежать или ползти днём по открытому и пристрелянному участку под огнём на укреплённую высоту было безумием, бездействие влекло за собой не менее тяжкие последствия – роту рано или поздно накроют навесным миномётным огнём. Георгий приказал бойцам окапываться, а сам залёг на пригорке под кустами ивняка, чтобы оценить обстановку своими глазами и принять верное решение.

Самой высокой точкой опорного пункта противника был скирд соломы, и командир роты внимательно присмотрелся к нему. Увидел несколько бликов – отражений солнечных лучей от стекла бинокля. Это наверняка корректировщики огня. Их нужно обязательно выкурить оттуда. На левом фланге участка наступления роты он обнаружил овраг, по которому бронебойщикам можно было ближе подобраться к «фердинандам» и утихомирить их. Ещё он засёк ближнее к ним пулемётное гнездо. Обо всём этом сказал командирам взводов и сержантам, поставил задачи на уничтожение пункта наблюдения и корректировки огня, самоходок и пулемётного гнезда.

Первым делом выкурили со скирда корректировщиков. Тем временем два бронебойщика на левом фланге повредили одну самоходную установку, а вторая поспешила убраться в укрытие. Огонь противника на этом фланге стал менее губительным. Хуже обстояло дело с уничтожением засечённого пулемётного гнезда. Молоденький солдат-пулемётчик, ещё не имевший достаточного боевого опыта, никак не мог попасть в цель, поскольку, как только он производил очередь, по его позиции тут же открывался ответный огонь

и ему приходилось переползать в другое место, чтобы самому не стать пристрелянной мишенью.

Видя неудачу пулемётчика, командир роты решил сам лечь за хорошо знакомый ему РПД. Его очередь уничтожила фашистский расчёт. На смену погибшим пулемётчикам немецкий комбат отправил новый расчёт из двух человек. И этих вражеских вояк сразила меткая очередь Георгия Яценко. Но едва он собрался переползти в другое место, как в пулемётный диск ударила пуля снайпера, срикошетив от металла, она пробила правую руку ниже локтя. Пулемётный диск спас ему жизнь. Георгий успел откатиться в сторону, когда по его бывшей позиции снайпер выстрелил ещё несколько раз. Младший лейтенант Яценко перевязал руку и остался руководить боем дальше.

По участку, где располагалась его рота, немцы открыли миномётный огонь. Значит, наша пехота сильно насолила фрицам. Выкопанные окопы минимизировали потери среди личного состава. Был перебит телефонный кабель, и командир роты не мог связаться с комбатом, чтобы попросить ответного огня наших миномётчиков, а сам командир батальона, молодой капитан, не проявил должной инициативы.

Целый день 3-я рота грамотно вела огневой бой с гитлеровцами, не давая им уничтожить 1-ю и 2-ю роты, занявшие позиции на более открытом участке. Вечером в роту младшего лейтенанта Яценко прибыл заместитель командира батальона, тоже раненный. Узнал обстановку, похвалил за выбранную позицию и выкопанные окопы, за разведданные и поражённые цели. К этому времени была восстановлена связь, и он доложил комбату о результатах действий 3-й роты. Командир батальона вызвал Яценко к себе на командный пункт для уточнения обстановки. Младший лейтенант прибыл в командирскую землянку, рассказал о результатах боя, высказал своё мнение о том, что без поддержки артиллерии и миномётов опорный пункт противника взять будет сложно.

На что комбат буркнул:

– Все умники в своём окопе, а у меня снаряды и мины наперечёт. А если контратака?

Развивать свои мысли о дневном бое не стал, видимо, довольный тем, что потери в роте небольшие, могло быть значительно хуже. Пригласил ротного жестом руки присесть к земляному столу, накрытому крышкой от снарядного ящика, налил в кружку водки, пододвинул вскрытую банку тушёнки, хлеб и складной нож вместо ложки, предложил:

– Подкрепись.

Глядя на перевязанную правую руку, спросил:

– Рана серьёзная?

Георгий пожал плечами:

– Не знаю. Пуля снайпера рикошетом от пулемётного диска пробила руку навылет. Рана с двух сторон. Рука почти не работает.

Находившийся в землянке фельдшер осмотрел рану, сказал, что нужно срочно идти в медсанбат, иначе можно лишиться руки.

Комбат ткнул пальцем в точку на карте, где находился медсанбат, сказал без эмоций:

– Заберёшь других ходячих раненых, и топайте, пока не рассвело.

И они потопали ночью по раскисшей дороге искать медсанбат.

Запись в «Журнале боевых действий 993-го стрелкового полка»: 28.10.1943 г.

«Получили боевой приказ форсировать реку Большой Утлюк под прикрытием ночи и занять высоту. Попытки переправиться на правый берег сдерживаются сильным пулемётным, автоматным и артиллерийским огнём с выгодных рубежей. В 12:00 все подразделения переправились на правый берег, окопались.

Потери: убитыми – 44 человека, ранеными – 139 человек.

Готовится ночной штурм.

В 22:00 противник оставил занимаемый рубеж, отошёл в юго-западном направлении».

5. НИКОПОЛЬСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Около двух месяцев военврачи лечили раненую руку Георгию Яценко в армейском полевом госпитале, расположившемся в здании школы той самой Акимовки, за которую и сражалась его дивизия. Пробитые сухожилия никак не хотели обретать прежнюю подвижность. Но молодой

организм всё-таки взял верх над травмой. Дополнительным стимулом к быстрому выздоровлению стало известие о присвоении ему лейтенантского звания.

В Акимовке Георгий стал свидетелем перехода на нашу сторону словацкой пехотной дивизии в полном составе. Славяне не хотели воевать против своих братьев. В новом обмундировании, с оружием в руках, с командирами во главе они прошли парадным строем перед зданием школы, приветствуя раненых бойцов и офицеров Красной армии. Это вызвало большой духовный подъём у выздоравливающих, в том числе и у лейтенанта Яценко, встретившего в госпитале своё 19-летие. Он сразу же запросился на фронт. В конце декабря 1943 года был выписан из госпиталя и направлен в 28-ю армию, увязнувшую с ноября в жёстких позиционных боях на Никопольском плацдарме и понёсшую значительные потери личного состава.

В штабе армии получил назначение в 309-й стрелковый полк 109-й гвардейской стрелковой дивизии (комдив полковник И. В. Балдынов) 10-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерал-майора И. А. Рубанюка, чему очень обрадовался. Он слышал добрые отзывы о Рубанюке на Кавказе в августе 1942 года, тогда Иван Андреевич был ещё командиром 176-й стрелковой дивизии, которая сдерживала гитлеровцев в Сальских степях, на Кубани, а потом и под Моздоком, являясь соседом курсантской сводной бригады. За участие в Моздок-Малгобекской и Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительных операциях дивизия была награждена орденом Красного Знамени. А теперь прославленный военачальник будет и его командиром.

В полку лейтенанта ждала ещё одна приятная неожиданность – начальником артиллерии оказался бывший командир соседней курсантской роты Краснодарского пулемётно-миномётного училища, который узнал Георгия, обнял его, как старого знакомца, поинтересовался, где воевал до ранения, и назначил старшим офицером тяжёлой миномётной батареи полка.

Георгий ещё не успел войти в курс дел, а только получил зимнее обмундирование, как в офицерскую землянку прибежал посыльный и передал требование командира полка, чтобы все вновь прибывшие офицеры явились на командный пункт. Лейтенант Яценко и несколько других офицеров прибыли в штабной блиндаж, представились командиру полка майору Пенькову в лихо заломленной набок кубанке и начальнику штаба майору Кошицу. Командир довёл до сведения офицеров боевую обстановку на направлении действий полка, сказал о задачах, которые необходимо выполнить по приказу вышестоящего командования. Начальник штаба коротко резюмировал:

– Предстоит генеральное наступление войск 4-го Украинского фронта. 3-й Украинский уже атаковал позиции противника. Мы утром поддержим его благие начинания. Вы являетесь резервом командира полка. Размещайтесь в блиндаже и будьте готовы в любой момент принять командование подразделениями вместо убитых или раненых офицеров.

«Эх, дороги!» Под Никополем

Переночевали, сидя в блиндаже. Перекусили солдатской кашей с запахом тушёнки. А на рассвете 11 января заговорил «бог войны» – артиллерия. Началась очередная попытка по прорыву Никопольского плацдарма гитлеровцев на Днепре.

Георгий вслед за начальником штаба полка вышел из

блиндажа в ход сообщения. Январское утро было непривычно туманным, и эту белую пелену огненными змеями горынычами прожигали залпы наших «Катюш».

«Серьёзная каша заваривается, – подумал молодой офицер, – если такая артподготовка началась!»

Вскоре первый эшелон пехоты и артиллерии пошёл вперёд. Через какое-то время начальник штаба объявил, что первая линия обороны противника взята, в бой вводится второй эшелон, и позвал:

– Яценко!

Георгий коротко ответил: «Я» – и подошёл к майору Кошицу.

Тот испытующе взглянул в его молодое безусое лицо, словно взвешивал, стоит ли доверять этому юнцу столь важное дело. Немного помолчав, заговорил спокойным, но твёрдым голосом:

– Ранен и захвачен немцами командир 5-й роты 2-го батальона, принимайте командование, – указал в сторону кургана «высота 1,5». – Там наступала ваша рота и должна закрепиться. Задачу уточните у командира батальона майора Аверина. Видите самоходную установку ИСУ? Под ней – его командный пункт. Удачи!

Георгий вскинул правую руку к шапке-ушанке, выбрался из траншеи и побежал в указанном направлении. Последнюю сотню метров до самоходки пришлось ползти – слишком назойливо роились вокруг свинцовые мухи.

Командир батальона уже был в курсе назначения нового ротного, распорядился без лишних слов:

– Главная задача – организовать оборону и не допустить прорыва противника! Остальное – по телефону, исходя из обстановки.

Лейтенант пополз к цепи своих бойцов. По пути встретил связиста с катушкой телефонного кабеля, спросил его:

– Куда направляетесь?

– К командиру 5-й роты.

– Я и есть её новый командир. А где рота?

– Да вот она – в воронках от разрывов залегла.

Вместе доползли до бойцов. Комроты насчитал 78 человек вместо 120 пошедших в атаку и всего одного офицера – командира взвода. Назначил сержантов исполнять обязанности взводных командиров, поставил задачу оперативно копать окопы и обустраивать огневые точки.

Через полтора часа, едва только что-то более-менее похожее на окопы выдолбили сапёрными лопатками в подтаявшем сверху, но всё ещё мёрзлом грунте, начался налёт немецкой штурмовой авиации. Звенья «хеншелей» сбрасывали 50-килограммовые бомбы, обстреливали роты, залёгшие в заснеженном поле, из бортовых пушек и пулемётов. Потом в контратаку пошёл немецкий офицерский штрафной батальон, это были смертники в буквальном смысле, отчаянные и озлобленные. Они лезли напролом, невзирая на плотный ответный огонь. Но всё-таки вынуждены были залечь, когда их цепи изрядно поредели. Ещё четыре раза они пытались атаковать позицию 5-й роты и её соседей, но были отбиты.

Вечером лейтенант Яценко получил новую задачу – выйти на правый фланг своей дивизии и обеспечить стык с соседней дивизией. Пришлось бросать вырытые окопы и перемещаться в новом направлении в голом поле. Комроты нашёл соседей, договорился об огневой поддержке, взял их связиста, приказал измученным бойцам вновь окапываться. Часам к двум ночи что-то выкопали.

Вдруг в слабом свете от периодически выстреливаемых осветительных ракет Георгий увидел перед левым флангом роты бегущие фигуры людей. По прямым брюкам определил – немцы. Скомандовал:

– Противник слева, огонь!

Не успели отбить атаку гитлеровской пехоты, как послышался рокот танковых моторов и на позицию роты устремились новые немецкие танки «Пантера», более мощные, чем «Панцер-4», с такими монстрами ротным бронебойщикам тяжело будет справиться. Комроты запросил по телефону артиллерийской поддержки у командира батальона соседней дивизии – ему были приданы расчёты 57-миллиметровых орудий.

Артиллеристы сработали оперативно – подбили три танка. И эта атака захлебнулась.

Пользуясь временным затишьем, на позицию 5-й роты пришёл старший лейтенант, заместитель командира 2-го батальона.

Лейтенант Яценко доложил ему обстановку и попросил:

– Необходимо срочно пополнить боеприпасы, эвакуировать раненых и накормить людей.

Старший лейтенант кивнул в знак согласия, потом, не глядя ротному в глаза, проговорил:

– Я пришёл, чтобы поставить роте новую задачу, – показал рукой в направлении высоты 0.2, находившейся метрах в восьмистах впереди, – командир полка приказал вам взять эту высоту. Начало атаки в 4:00.

В голове ротного мелькнула мысль: «Это – верная гибель», но сказал о другом:

– Кто будет прикрывать стык дивизий? Разрыв-то немалый.

– Уже договорились, это сделает батальон соседней дивизии, что поддержал вас огнём во время танковой атаки.

– Тогда атаковать придётся не перебежками, а ползком, иначе погубим людей не за понюх табаку.

– Согласен с вашим предложением, – резюмировал старший лейтенант. – Более того, я тоже останусь в роте и буду вместе с вами выполнять боевую задачу.

За оставшееся до атаки время личный состав накормили, пополнили боекомплект, эвакуировали раненых. Ротный поставил задачу бойцам – доползти до первой траншеи опорного пункта противника на высоте 0.2, забросать гранатами и атаковать в ближнем бою.

В 4:00 начали выдвижение к высоте. Приблизились до расстояния броска гранаты, по взмаху руки ротного метнули «лимонки» и после серии разрывов рванулись к окопам. Дежуривших гитлеровцев уничтожили, остальные, оставив тёплые блиндажи, побежали к окопам других подразделений и в сторону 2-й линии обороны. Кого-то догнали пулемётные и автоматные очереди, кто-то спасся под покровом ночи. В одном из блиндажей захватили перепуганного насмерть майора – знатный «язык» для комполка и начальника разведки. На позиции были оставлены несколько ручных пулемётов и огнемётов. Командир полка, узнав о достигнутом успехе, усилил роту тремя расчётами 57-миллиметровых пушек во главе с командиром противотанковой роты старшим лейтенантом Кожемякиным.

На рассвете личный состав роты лейтенанта Яценко получил нежданный ценный подарок от немцев – на позицию прибыла батальонная полевая кухня на конной повозке, управляемой пожилым интендантом, с роскошным для советских солдат завтраком. В ней были термосы с горячими макаронами и мясом, салат из свежей капусты, кофе, банки консервов, плавленые сырки, галеты, шоколад, хорошее французское вино для офицеров. Позавтракали бойцы и командиры с большим удовольствием. Накормили и незадачливого возницу, а потом отправили в сопровождении нашего автоматчика вместе с трофеями к комбату.

Оставшиеся без завтрака немецкие подразделения, между которых оказалась 5-я рота, не на шутку обиделись и начали мстить советским воинам миномётным огнём по блиндажу. Георгий Яценко и заместитель командира батальона успели выскочить в траншею, а старший лейтенант Кожемякин был убит осколком в висок.

Артиллерия 309-го полка быстро успокоила обиженных, и они на какое-то время присмирели, придумывая, как выкурить из первой траншеи своего опорного пункта непрошеных гостей.

Думал и штаб 109-й гвардейской стрелковой дивизии, как развить успех, но сил для решительного прорыва не хватало ни в этом соединении, ни у соседей. На время ограничились локальными мерами – подбросили в роту Яценко подкрепление из 80 бойцов, чтобы периодически тревожили противника огнём и не давали ему возможности перейти в контратаку.

За несколько дней боёв войска 3-го и 4-го Украинских фронтов продвинулись на несколько километров, но достичь более серьёзных результатов не смогли из-за недостатка личного состава и боеприпасов, малого количества танков и самоходных орудий. Было принято решение остановить наступление и более тщательно подготовить операцию.

Только в конце января 1944 года 109-я гвардейская стрелковая дивизия вместе с другими

Никас Сафронов. Победы в честь... Х. м. 61 х 41. 2013

Серебрянский Яков Исаакович

Примаков Евгений Максимович

Судоплатов Павел Анатольевич

Эйтингон Наум Исаакович

S.Nikas

соединениями и частями фронта возобновила активные боевые действия и в ходе семидневных ожесточённых боёв прорвала оборону противника и овладела его опорным пунктом в районном центре Большая Лепетиха на левом берегу Днепра. Разбитые германские подразделения пытались спастись бегством по наведённому понтонному мосту, но его разбомбили самолёты нашей штурмовой авиации. Пехотинцы довершили уничтожение оккупантов. Но и потери наступавших советских частей были немалыми. За освобождение Большой Лепетихи погибло около четырёх тысяч советских воинов, в том числе из стрелковой роты Г. Яценко.

Этот посёлок запомнился Георгию и другими трагическими моментами. Прочёсывая улицы и местность вокруг, бойцы дивизии нашли тело захваченного гитлеровцами ранее в плен раненого сержанта И. А. Полторакина. Не добившись от него необходимых сведений, гитлеровцы облили советского воина бензином и сожгли заживо.

В одном из полуподвальных помещений солдаты обнаружили около ста полуживых детей, вывезенных фашистами осенью 1943 года из Таганрогского детского дома и использовавшихся как доноры для переливания крови своим раненым. Детей, доведённых до дистрофии, должны были уничтожить перед отступлением из данного района, но стремительные действия гвардейцев 109-й стрелковой дивизии помешали этим злодейским планам.

Увиденное ещё больше укрепило чувство праведного гнева к оккупантам в душах воинов, побуждая их к полному освобождению своей страны от фашистской нечисти.

Ещё месяц потребовался 10-му гвардейскому стрелковому корпусу и входящим в него дивизиям на подготовку и успешное проведение операции по форсированию Днепра. 9 марта части корпуса, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, освободили сёла Софиевка, Дубчаны, Качкаровка, Червоный Маяк.

Возле села Дубчаны наступление 309-го стрелкового полка было остановлено огнём из вражеского дзота на кургане. Задачу на его уничтожение получил пулемётный взвод гвардии лейтенанта Миннигали Губайдуллина. Огневая дуэль желаемого результата не дала, поразить противника в бетонном укрытии очень сложно. Тогда несколько человек во главе с командиром взвода поползли по-пластунски к дзоту, чтобы забросать его гранатами. Тяжело раненный неподалёку от гитлеровской огневой точки лейтенант Губайдуллин последним рывком достиг дзота и закрыл его амбразуру своим телом, позволив однополчанам успешно продолжить наступление, взять господствующую высоту и разорвать огневую связь с другим опорным пунктом в районе села Рядовое. За этот подвиг уроженец Башкирии был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

11 марта 28-я армия, в состав которой входил 10-й гвардейский стрелковый корпус, овладела ещё 23 населёнными пунктами на правобережье Днепра, в том числе городом Берислав. При его освобождении вновь отличилась 109-я дивизия и была удостоена почётного наименования «Бериславская».

13 марта враг был выбит двумя дивизиями 28-й армии из города Херсона. Командиром одной из дивизий (49-й гвардейской) был будущий командующий Воздушно-десантными войсками полковник В. Ф. Маргелов, ставший Героем Советского Союза за освобождение Херсона. 10-й стрелковый корпус поддерживал наступление маргеловцев на правом фланге в направлении Загоряновки, перерезая гитлеровцам путь отступления по шоссе Херсон – Николаев.

Вечером 13 марта, когда на западных окраинах Херсона ещё добивали засевших в домах гитлеровцев, Верховный главнокомандующий Маршал Советского Союза И. В. Сталин объявил благодарность всем войскам 3-го Украинского фронта, участвовавшим в освобождении городов Херсона и Берислава. В их честь Москва салютовала 20 залпами из 240 орудий.

Добрую славу снискал себе и Георгий Яценко, за умелое командование стрелковой ротой и проявленные мужество и стойкость в боях на Никопольском плацдарме он был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени.

Валерий ЛАТЫНИН

ВЕНОК НА МОГИЛУ СССР

ВЕНОК СОНЕТОВ

ВАЛЕРИЙ РУМЯНЦЕВ

1

Лить грязь нетрудно на былое,
Да только в этом мало чести
Для новоявленных героев,
Сидящих в безопасном месте.

Из недомолвок, лжи и лести
Свою Историю построив,
Они толкают в ряд изгоев
Тех, с кем её творили вместе.

Пока слой фальши нарастает
И ложь победно выступает,
Всё, в общем, выглядит солидно.

Протесты постепенно тают,
И конъюнктурщики считают:
Прошедшее так безобидно.

2

Прошедшее так безобидно,
Что кажется не очень сложным
Его подправить осторожно,
Чтоб было всё, как надо, видно.

И вот с улыбкою ехидной
Иной политик врёт безбожно,
Чтобы историей подложной
Себя прославить, очевидно.

Себя он славой не покроет.
Зря планы радужные строит
В плену своих идей.

Он сам себе лишь ямы роет,
Хоть ямы те от глаз людей,
Бывает, грязь на время скроет.

3

Бывает, грязь на время скроет,
Что мы не той идём дорогой.
Но даже если грязь не трогать,
Однажды Время всё раскроет.

И перед миром понемногу
Предстанет Истина иною.
И снова мир увидит Трою,
И Революцию, и Бога.

Обречены на неудачу
Те, кто с усердием завидным
Под слоем грязи Правду прячут.

Невыполнима их задача.
Не изменить, хоть и обидно,
То, что не так, как надо, видно.

4

То, что не так, как надо, видно,
Конечно, раздражает многих.
Но лишь глупец недальновидный
От фактов отмахнётся строгих.

А сколько умственно убогих
В борьбу вступает с очевидным,
Лгут вдохновенно и бесстыдно
И разглагольствуют о Боге.

Коль власти кто из них добьётся,
То ложь прозреньем назовётся
И всех прозревших ждут награды.

И связь времён, как нитка, рвётся,
Но всё равно через преграды
С годами Истина пробьётся.

5

С годами Истина пробьётся
Сквозь баррикады лжи и сплетен,
Поскольку ей на этом свете
Одной бессмертие даётся.

Но сколько слёз кругом прольётся,
Пока луч Правды не засветит!
Не всем из тех, кто низость встретит,
Тот луч дождаться удаётся.

Неправда зло под солнцем множит.
Так предрешило Провиденье,
Что всё прошедшее итожит.
И счастлив тот, кто в жизни сможет
Увидеть Правды пробужденье
Сквозь лживые нагроможденья.

6

Сквозь лживые нагроможденья,
Сквозь шторы собственных амбиций
На мир мы смотрим от рожденья,
И счастья нет на наших лицах.

Увы! Познанью есть границы,
Но нет границ для заблужденья.
И мы считаем наваждением
Совсем не то, что нам лишь снится.

Жизнь наша словно цепь просчётов.
Обман, невежество, лишенья,
Сведение ничтожных счётов.

Как удручают нас подсчёты!
Но в мире есть и утешенье:
Вслед за упадком – Возрожденье.

7

Вслед за упадком – Возрожденье,
За ночью – день, за стужей – лето,
За смертью – новое рожденье,
Друг с другом связано всё это.

Идут в природе превращенья,
И нет пред вечностью запретов.
А значит, каждое крушенье
Несёт и нового приметы.

А значит, Ложь не может вечно
Над миром царствовать беспечно,
Коль Правда с ней отважно бьётся.

И в этой жизни быстротечной
Всем по заслугам воздаётся.
Так испокон веков ведётся.

8

Так испокон веков ведётся,
Что мы о чуде молим Бога,
Коль слишком тяжкая дорога
Нам в этой жизни достаётся.

Но только редко раздаётся
Столь долгожданная подмога.
Судьба к нам равнодушно-строгой
Почти всё время остаётся.

Даём мы жаркие обеты,
И вечно рядом с нами где-то
Надежда – горестей сестра.

Мы посвящаем ей сонеты,
И, словно пламенем костра,
Теплом надежды мы согреты.

9

Теплом надежды мы согреты,
И это жить нам помогает.
Мы верим в то, что счастье где-то
Уже навстречу нам шагает.

И если счастья долго нету
И мы судьбу свою ругаем,
То всё равно надежды светом
Себе дорогу озаряем.

Как мудро этот мир устроен:
Любой в нём от рожденья воин.
И поле битвы – вся планета.

Прогресс сражается с застоем,
Извечны спор мещан с Поэтом
И битва между Тьмой и Светом.

10

И битва между Тьмой и Светом,
И наши тщетные стремленья
Покончить с первозданной ленью
В таинственный покров одеты.

Не смогут объяснить газеты,
Что нам готовит Провиденье,
Раз и о прошлом представленья
Бьют в наше Завтра рикошетом.

Бывает, что дождём могучим
Прольются завтрашние тучи
Вдруг на прошедшие века.

Чему история научит,
Когда в ней каждая строка
Непредсказуема пока?

11

Непредсказуема пока
Судьба людей в подлунном мире,
И, что бы нам ни говорили,
Разгадка тайны далека.

Немало истин мы твердили,
Но нас в грядущие века
Уносит Времени река
Без слов, что истинами были.

Мы брызги пенные глотаем,
Посланьем свыше их считая,
И гордо мчимся, в ложь одеты.

Мы в Завтра заглянуть мечтаем,
Но, как нам ни досадно это,
Судьба хранит свои секреты.

12

Судьба хранит свои секреты,
И этим многие задеты,
Но могут строить лишь украдкой
О будущем своём догадки.

Одни в плену у мысли сладкой,
Что будет всё у них в порядке,
Жизнь принимают за конфету
И тратят дни, словно монеты.

Другие в завтра смотрят мрачно:
Им слышатся издалека
Проклятий стон и смрад клоачный.

Но даль времён для тех прозрачна,
Кому дано, хотя б слегка,
Уменье видеть сквозь века.

13

Уменье видеть сквозь века –
Весьма сомнительное счастье:
Менять судьбу не в нашей власти,
Хоть тянется порой рука.

И высока или низка,
Несёт покой нам иль ненастье,
Судьба хранит все наши страсти,
Как маска чувства игрока.

И даже записи ничтожной
В судьбе исправить невозможно.
Она – увы! – не лист анкеты.

Судьбу предугадать возможно,
Но видеть тайные приметы
Присуще лишь одним Поэтам.

14

Присуще лишь одним Поэтам
Уменье видеть суть явлений
И мысленно тянуться к свету
Сквозь паутину сновидений.

А большинству людей всё это,
По правде говоря, до фени.
В бронежилеты лжи одеты,
Они не ведают сомнений.

Прошедшее покрыв хулою,
Они по-новому мир строят.
Да только толку в этом нет.

И в будущем опять откроют,
Что в нас и был источник бед:
Лить грязь нетрудно на былое.

15

Лить грязь нетрудно на былое,
Прошедшее так безобидно.
Бывает, грязь на время скроет
То, что не так, как надо, видно.

С годами Истина пробьётся
Сквозь лживые нагроможденья.
Вслед за упадком – Возрожденье,
Так испокон веков ведётся.

Теплом Надежды мы согреты.
И битва между Тьмой и Светом
Непредсказуема пока.

Судьба хранит свои секреты.
Уменье видеть сквозь века
Присуще лишь одним Поэтам.

1992 год

ПУТЬ СОЛДАТА

В сентябре мир отмечает очередную годовщину (76 лет) окончания Второй мировой войны (2 сентября 1945 г.), одной из кровавых драм XX века. В последнее время всё реже звучит факт, что эта дата связана с победой над Японией, потому что своим послевоенным развитием она доказала свою состоятельность, миролюбие и экономическую мощь. Стремление японского народа и его правителей, в отличие от наших, ясно и понятно – в мире уважают сильных. Если США боятся и уважают в основном за военную силу, то Япония заставила уважать себя за экономическую мощь. Феномен развития побеждённой страны не исследован до сих пор, а между тем разгадка лежит на поверхности – это ум и совесть руководителей страны. Пример – развитие современного Китая. К сожалению, Россия не может похвастаться ни тем, ни другим. Её руководителям больше присущи амбиции, чем разумные действия.

Мои мысли подтверждает и старый солдат, прошедший в 1945 году с боями до Харбина. Не будем в этом очерке рассматривать вопрос, действительно ли угрожала японская Квантунская армия восточным границам СССР после победы над фашистской Германией и была ли необходимость в угоду США вступать в войну с Японией. Если честно признаться, от той победы с подачи США, нашего тогдашнего союзника, сегодня мы имеем сплошные проблемы на Востоке. Но как бы то ни было, сегодня мы отмечаем очередную годовщину окончания Второй мировой войны, и на второй план отходит так называемый радостный праздник «День Победы над

Японией», потом его именовали «День Победы над империалистической Японией», сегодня о нём начинают помаленьку умалчивать. И это правильно. Соседи всегда должны жить в мире, а не ссориться по науськиванию третьих сторон. Мне и моему другу – он остался жив в той бойне – по-человечески жаль жертв, принесённых и с той, и с другой стороны. Иван Константинович Черкасов, 1927 года рождения, с любовью и теплотой вспоминает и помнит до сих пор пофамильно своих товарищей, ребят, которым не повезло на той бессмысленной войне.

Ему пришлось пережить немецко-фашистскую оккупацию в городе Острогожске Воронежской области. Она была хотя и короткой, но запомнил он её до мельчайших подробностей. Но это другая тема.

Его мобилизовали, пользуюсь словами того времени, в декабре 1944 года. Он и многие его земляки попали в учебные части, расположенные в Баршацких лагерях, что находились в Пермской (тогда Молотовской) области.

– Где-то в начале 1945 года после принятия присяги нас стали готовить к фронту. Из меня получился, по словам офицеров, «классный пулемётчик».

В апреле месяце ночью нас подняли по тревоге, как сейчас помню. При свете прожекторов полковник, начальник школы, произнёс речь: «Сынки! На Берлин! Завершим дело наших дедов и отцов!..» После речи полковника нас погрузили в вагоны и повезли. Мы думали: «Впереди битва за Берлин». Но... Мы, солдаты, не знали высоких замыслов, многие даже и не слышали, что есть такая страна – Япония.

Не успели доехать до Москвы, нас повернули на восток. По эшелону поползли солдатские слухи. Мы подолгу стояли на станциях, нас обгоняли другие воинские эшелоны с уже бывалыми солдатами, которые делились с нами своими домыслами, но главное – они искали среди нас своих земляков. День Победы мы встретили на станции Чита-2. Восторг охватил всех – что было, Тимофеевич! Выстрелы, ракеты, объятия, слёзы, смех радости...

Наш конечный пункт – станция Гродеково, что на границе с Китаем. Там я попал в

И. К. Черкасов. Чукотка, 1949 г.

852-й полк прославленной 277-й стрелковой дивизии генерал-майора Гладышева, которая была переброшена на Восток из-под Кёнигсберга. Началась усиленная подготовка. Стрельбы каждый день...

8 августа 1945 года полк неожиданно подняли по тревоге, посадили в вагоны и повезли, как нам объяснили, на фронт. Мы заняли уже подготовленные окопы и стали ждать приказа. Приказ нам, пехоте, последовал после мощной артиллерийской подготовки. Такого я больше не испытывал в своей жизни никогда. «Земля тряслась, как наши груди...» – писал один поэт, так это мы ощутили в полной мере. После этого вперёд пошла «царица полей». Перед нами был укреплённый район японцев Муданьцзян, который мы прорвали только 16 августа. Японцы упорно сопротивлялись, бросаясь в контратаки. Мне пришлось прикрывать наших бойцов, когда они залегали перед натиском врага, тогда одна надежда была на нас, пулемётчиков. Помогала и артиллерия, но погода была ненастная, и точность её была невелика. «Вся надежда на вас», – сказал нам командир полка. Мы не подвели. Наши «максимы» действовали безотказно (мы тогда пулемёты всех систем любовно называли «максимами»). Так, шаг за шагом, под дождём и в слякоти, мы продвигались вперёд. Там я впервые увидел убитых солдат – вражеских и своих. Возможно, в том есть и мой грех, но мне повезло, что я не сходился в рукопашной

Рядовой Иван Черкасов в Харбине в 1945 г. (На обратной стороне фото надпись: «На долгую и вечную память своей родной мамане от сына Черкасова Ивана К. Фотография из города Харбин 15 сентября 1945 г.)

схватке. Но я видел своих товарищей, которые содрогались в истерике, выходя живыми из этих свалок. Ведь большинство из нас были 18–19-летними пацанами. Бывалые солдаты успокаивали нас, но это было слабое утешение. С тех пор я отношусь к убийству человека как к самому величайшему греху. Говорят, время лечит, и сейчас трудно в подробностях говорить о тех днях, но осадок остался до старости.

Перед городом тянулись сопки, до отказа начинённые железобетонными дотами. У подножья высот тянулись противотанковые рвы, ряды колючей проволоки, минные поля и другие препятствия. И всё это было тщательно замаскировано. Когда наши танки, а затем пехота ворвались в город, японский гарнизон ушёл в сопки. Японцы засели за двух-, трёхэтажными оборонительными сооружениями, откуда их пришлось буквально выжигать и выкуривать. Вот здесь-то мы и потеряли большинство своих товарищей, прежде чем над укреплениями взвился белый флаг...

Здесь ненадолго прерву рассказ своего друга, рядового бойца, и обращусь коротко к мыслям маршала Василевского, главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке, 17 августа 1945 года: «Японцы просчитались... и не раз ещё по этой причине врагам нашим придётся умываться и захлёбываться своей кровью... – Мысли маршала сосредоточились на 1-м Дальневосточном фронте. – Нелегко там маршалу Мерецкову, его солдатам и офицерам. И как им удалось прогрызть эти три долговременных оборонительных рубежа с тысячей дотов?! Впрочем, и тут всё тот же просчёт японцев – предполья-то настоящего не было. Да и глубина расположения укрепрайона не ахти какая. А промежутки слабо прикрыты...»

Вечером 18 августа А. М. Василевский потребовал от командующих фронтами организовать подвижные отряды и воздушные десанты для захвата важных городов и пунктов. В каждой армии было создано три-семь отрядов в составе до усиленного стрелкового полка. Так, от 5-й армии на г. Гирин был снаряжён 850-й стрелковый полк 277-й стрелковой дивизии генерал-майора С. Т. Гладышева, а 852-й стрелковый полк этой дивизии, где сражался мой друг, рядовой И. К. Черкасов, был брошен на Харбин.

Продолжу рассказ моего друга.

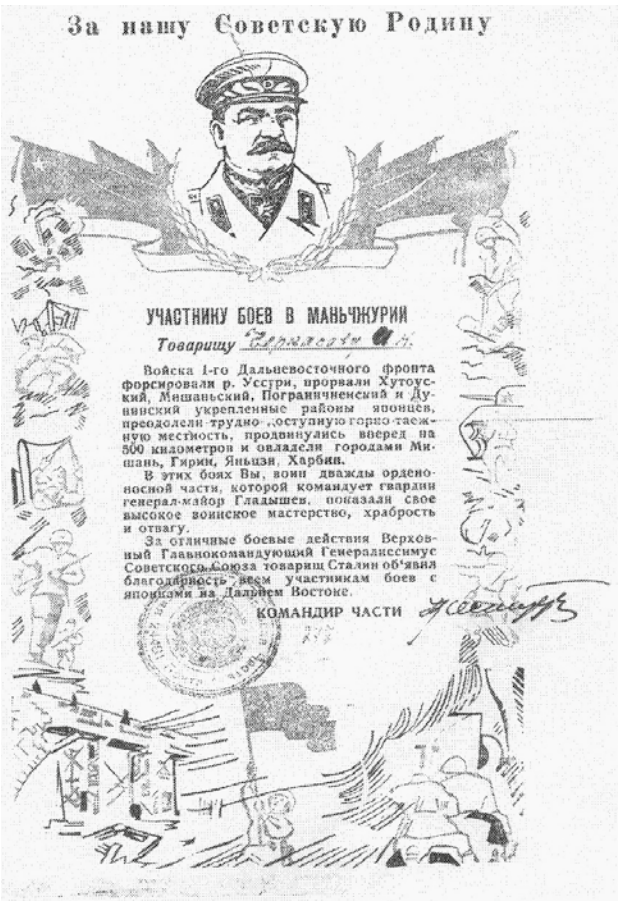
– После прорыва Муданьцзянского укрепрайона стало немного легче. Улучшилась погода, да и прыть японцев поуменьшилась. Нас в усиленном темпе направили на Харбин, где с 18 августа действовал наш десант. Но этот бросок пришлось совершать при сопротивлении отдельных групп и гарнизонов врага. 20 августа мы полностью освободили Харбин. Началось

налаживание мирной жизни. Там нас и застало известие о капитуляции Японии. Хотя ещё до этого были прекращены военные действия в Маньчжурии, но многие японцы сопротивлялись. Особо нам досаждали смертники, которые ни за что не хотели смириться с поражением. Приходилось их вылавливать, это вызывало у нас злобу, но мы с ними справились. А в основном все к нам относились доброжелательно. Но в самом Харбине я пробыл недолго, нашу роту бросили на охрану японских складов, которых было множество в районе Харбина.

Что тебе сказать о своих ощущениях в этой войне? Знаешь, никакой злобы мы к японцам не испытывали, какая была к фашистам, которые натворили много зла на нашей Родине, да, по-моему, и они (японцы) не испытывали к нам «звериной злобы», как пытались убедить нас наши комиссары. Единственное, что у нас вызывало жалость, – это беднота местного населения, китайцев, или, как они называли себя, маньчжур. Мы многое раздавали им с японских складов, которые приходилось охранять, за что они очень-очень благодарили.

По завершении кампании, как это называется у военных, каждый из нас перед строем торжественно был награждён грамотой Верховного главнокомандующего. Эта грамота мне дороже всяких других наград. (*Ниже я полностью привожу текст этой грамоты, вручённой лично И. К. Черкасову в далёком 1945 году.* – **Прим. авт.**) Ведь ты сам участник боевых действий, правда уже в послевоенное время, и отлично знаешь, что на фронте орденов не дают, там главная награда – жизнь. Когда меня спрашивают, а что геройского я совершил, честно отвечаю: «Выполнил свой солдатский долг! За спинами других солдат не прятался. А что живой остался – спасибо моим командирам, которые отлично научились бить фашистов и берегли нас, пацанов!»

Так я стал участником завершения Второй мировой войны, которая стоила нам, Тимофеевич, немалой крови, – закончил свой рассказ мой друг – солдат Иван Константинович Черкасов.



За нашу Советскую Родину

УЧАСТНИКУ БОЕВ В МАНЬЧЖУРИИ

Товарищу Черкасову И. К.

Войска 1-го Дальневосточного фронта форсировали р. Уссури, прорвали Хутоусский, Мишаньский, Пограничненский и Дунинский укрепленные районы японцев, преодолели трудно-наступную горно-таежную местность, продвинулись вперед на 500 километров и овладели городами Мишань, Гирин, Яньцзи, Харбин.

В этих боях Вы, воин дважды орденоносной части, которой командует гвардии генерал-майор Гладышев, показали свое высокое воинское мастерство, храбрость и отвагу.

За отличные боевые действия Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин об'явил благодарность всем участникам боев с японцами на Дальнем Востоке.

КОМАНДИР ЧАСТИ

Но на этом путь солдата не закончился. Домой он вернулся только в 1951 году, отдав срочной службе в армии более семи лет. Ему никак не понять нынешних «реформ» в Вооружённых силах.

В 1946 году Ивана Черкасова и многих его товарищей прикомандировали к железнодорожной военной комендатуре станции Спасск-Дальний. В 1947 году они были отозваны в свои части, которые подтягивались во Владивосток. Началось формирование 14-й ударной десантной армии генерала Олешева, дислоцировавшейся на полуострове Чукотка.

В 1947 году на теплоходе «Валерий Чкалов», по его словам, «поехал» на землю Чукотки, где в сентябре теплоход причалил в бухте Провидения. Там, на Чукотке, ему пришлось в 1947–1949 годах жить в палатках. Лес для казарм на Чукотку стали завозить только в 1949 году. В октябре 1951 года поступила долгожданная команда на увольнение в запас. Домой, в город Острогожск, он добрался только к

Новому году, его даже мать родная не узнала – возмужал, изменился...

Старшина Черкасов устроился на районную ГЭС, где и проработал 45 лет. Жил один в отчем доме, но у него было много друзей и увлечений. Любил историю и свою боевую молодость. Он много рассказывал мне о прошлом, у него удивительная память. Как участник войны, он получал по районным меркам «большую» пенсию в 4 800 рублей. Когда я ему сказал, что другие «участники» получают по 12 тысяч рублей, то он мне на это ответил: «Тимофеевич, я солдат и никогда не хитрил. Мне повезло, я не был даже легко ранен и благодарю судьбу за это. Хватает на жизнь – и слава Богу!»

Вот он, русский солдат, благодаря которому мы выиграли все войны. 10 января 2007 года Ивану Константиновичу Черкасову исполнилось 80 лет. А в 2008 году его не стало. Власть имущие так и не вспомнили о старом солдате и не увеличили ему пенсию. Поверьте, какая-то тысяча-две рублей никогда не будут лишними для честного труженика в наше бездуховное время...

И только в один из моих приездов он сказал мне, что ему в связи с 65-летием Победы увеличили пенсию, но никакими льготами по налогам он не пользуется. На все парадоксальные заявления наших руководителей он имеет свой взгляд: «Такое может быть только в России!»

P. S. В каждый мой приезд в Острогожск мы подолгу беседовали с другом о жизни. Он много вспоминал историй из своей солдатской службы. Каждый раз давал мне книгу «Сто сорок бесед с Молотовым» (М.: Терра, 1991) и показывал небольшую главу про 14-ю армию на стр. 99–100. Для него эта небольшая глава – солдатская жизнь в четыре года. Это забытый, но важный эпизод в нашей истории, о котором нужно рассказывать отдельно. Сегодня эта книга, подаренная мне, служит напоминанием о моём друге, простом русском солдате.

Вторая мировая война не устранила опасности возникновения новой мировой войны. Более того, никогда после Второй мировой войны международное положение не было столь серьёзным. Внешнеполитический курс ряда империалистических государств, в первую очередь США, определяют круги, которые ориентируются на военную силу, стремясь изменить соотношение сил на мировой арене в свою пользу. Поэтому, как бы пафосно ни звучали слова о разрядке и согласии в мире, ясно одно – порох постоянно должен оставаться сухим!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга,
ветеран боевых действий,,
город Острогожск Воронежской области

Ольга ОЖГИБЕСОВА

Хочется жить

ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Время, нас не жалея,
Свои расставляет отметки.
Каждой шельме:
Кому – по инсульту, кому – по инфаркту.
Вот сижу, вспоминаю:
Пила ли я утром таблетки?
Слишком много сегодня
Поставлено мною на карту.
Я умом понимаю,
Что всё в этом мире – не вечно.
Жизнь похожа
На чьей-то рукою раскрученный глобус.
И в назначенный час
Подберёт и меня на конечной
Остановке последний,
В гараж уходящий автобус.
Будут в окнах мелькать,
Словно слайды, любимые лица.
Как немое кино,
Где ни смеха не слышно, ни речи.
Хорошо, если мне
Напоследок позволят проститься.
Только жаль, что уже
Не сказать, как обычно: «До встречи!»
Что-то я не о том!
Я ж хотела шутить про таблетки!
Мол, у нас медицина
В другую эпоху шагнула...
Ах, как хочется жить!..

Зеленеют озябшие ветки,
И сквозь щели окна
Так настырно весной потянуло...

ДЕРЕВНЯ

Всем исчезнувшим с лица
земли деревням посвящается...

Я думала, что ты жива,
Моя далёкая деревня...
Но в пояс выросла трава,
Согнуло временем деревья.

И нет ни эха, ни следа
В нетронутой дорожной пыли,
Как будто люди никогда
Ещё сюда не приходили.

И где искать его, тот след?
Растаял, словно снег вчерашний.
Здесь дом стоял, где жил мой дед,
Обычный сын сохи и пашни.

Он верил, что живёт не зря...
Как все, двадцатым веком болен,
Кричал: «Долой! Долой царя!»
И рушил главы колоколен.

Он свято верил: день придёт –
Свободный, сытый и счастливый...
Но кровью обернулся пот,
Пролитый им на хлебной ниве.

И нет ни дома, ни плетня.
Не слышно голосов и песен.
Давно разъехалась родня
По дальним городам и весям.

Могилы заросли травой,
Корнями сосен стали кости.
Я – с непокрытой головой
В деревне, словно на погосте...

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

Не война и не голод,
А деревни пусты...
В щели сгнившего пола
Прорастают кусты.
Перечёркнуты окна.
От дождя, как от слёз,
Стены ветхие мокнут
Под рыдания гроз.
Дверь – зияющей раной,
И никто не войдёт.
Зарастает бурьяном
У реки огород.
На забытых погостах –
Молчаливая стынь.
Чернью, словно коростой,
Затянуло кресты.
А в церквушке разбитой –
Запустенье и тлен...
Лики светлые смыты
Непогодой со стен.
На церковном пороге
Поднялась лебеда.
И на старой дороге –
Ни следа, ни следа...

ВОЗВРАЩЕНИЕ С КРЕСТНОГО ХОДА

Обратный путь всегда короче...
Вперёд – и с Богом, не боясь.
Шагал в промокшей рясе отче,
Меся ногами бодро грязь.

Он только отслужил молебен,
Как раз меж двух дождей успев.
...Черно теснились тучи в небе,
Грозя излить на землю гнев.

Кричали радостно пичужки,
Едва роняло солнце свет.
И из последних сил старушки
За батюшкой спешили вслед.

Но небо рухнуло стотонно...
И, слепо двигаясь вперёд,
Нет, не себя – они иконы
Спасали от безумных вод.

Дождь разошёлся, громогласен,
По лицам и ногам хлестал,
Но, как за полководцем в рясе,
Шагала армия Христа.

Свой путь для каждого отмерян.
Греховный, праведный, но – свой.
Но этой непонятной вере
Я всё ж завидую порой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я вернулась к себе,
Словно в старый запущенный сад.
А казалось – давно и навечно дорогу забыла.
Я вернулась к себе,
как на много столетий назад, –
В мир, где встали часы
и нечаянно время застыло.

Там вздыхают ветра, пробегая
в просветах аллей,
Там от жажды поникла трава, и в холодное небо
Слепо тянутся ветки, как руки голодных детей,
Ожидая не манны – обычного чёрного хлеба.

Я вернулась к себе, как с далёкой забытой войны.
В разорённом гнезде –
пустота, только эхо и тени.
Все девичьи мечты
в погребальных кострах сожжены,
И пылятся осколки невинных моих заблуждений.

Как бы ни было, но...
Мне до слёз каждый угол знаком.
От ступенек до окон –
до боли сердечной знакомы...
Я вернулась к себе,
словно в ветхий заброшенный дом,
Променяв на свободу твои золотые хоромы.

НОЧЬ

Жизнь замирает в два часа…
На эхо дальнее похожи,
В пространстве тают голоса
И гулкие шаги прохожих.

Моторов затихает вой –
Надсадный, словно кашель жёсткий.
Лишь светофор как постовой
На опустевшем перекрёстке.

Лишь в батареях чепуху
Бормочет кипяток невнятно,
Да у соседей наверху
Ещё чуть слышен скрип кроватный.

Но вот затих последний звук,
В одно мгновение исчезнув…
И кажется, что мир вокруг
Вдруг разом провалился в бездну.

Над ней глумливые ветра –
Как над раскрытою могилой…
Сегодня, завтра и вчера
Ночь беспощадно обнулила,

Нет ничего! Одни лишь сны.
Но в продолжение финала
Мы каждый день обречены
Жизнь начинать свою сначала.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ. МАРТ

Научите, как жить
В этом мире, где зло – нарасхват.
А добро – не в цене,
На него почему-то нет спроса.
Научите, как жить…
Поминальные свечи горят.
Чёрный пепел осыпал траву,
А не белые росы.

Хочешь, я расскажу,
Что такое действительно ад?
Не описанный Данте,
Не тот, что картинно-иконный.
Ад – когда понимаешь,
Что заживо дети горят
И «Прощайте!» кричат
В безразличный экран телефонный.
Всё ничтожно! Болезни и беды,
Сума и тюрьма.
Двадцать пятое. Март.
Воскресенье, но без воскресения.
Ад, когда понимаешь,
Что медленно сходишь с ума,
Но, наверное, только
В безумии этом спасение.
Потому что иначе
Взорвутся от боли сердца!
Про волшебников добрых
Нам сказки читали напрасно –
Зло глумится над нами
И даже не прячет лица.
Поминальные свечи
Горят на ветру и не гаснут…

О ЖУРАВЛЯХ И СИНИЦАХ

Он – мужик ничего.
Простоват, но бывает и хуже.
Он не курит, не пьёт и на стареньком ездит авто.
И не мальчик давно,
но ничьим не считается мужем.
Видно, что-то не так…
Значит, всё-таки что-то не то.

Мне друзья говорят:
«Что ты ждёшь журавля в поднебесье?
Коль синица в руках, так держи её, крепче держи!
Бросишь горстку пшена –
пусть поёт тебе звонкие песни…
Журавли в облаках – это всё миражи, миражи.

Что мне песни чужие! Сама не без голоса вроде…
И не жалко пшена – просто с детства синиц не люблю.
И пускай журавли с их курлыканьем нынче не в моде,
Можно, я погрущу по летящему вдаль журавлю?

Нас, конечно же, мамы для счастья земного рожали.
И ничьей нет вины, что найти мы его не смогли.
Дело, видимо, в том, что поэты живут миражами,
Что зовут за собой в необъятный простор журавли.

РАССТАВАНИЕ

Зачем же вы пришли ко мне?
Стучали в запертые двери...
Звонок надрывно, как истерик,
Кричал в кромешной тишине.

Но – ни ответа, ни огня...
Печально охали ступени
Тогда, когда в недоуменье
Вы уходили от меня.

Неугомонные ветра
В мои заглядывали окна.
И от росы вечерней мокла
Скамейка посреди двора.

Я вас ждала ещё вчера.
Но, праздничные сняв одежды,
Смела разбитые надежды
В бездонность гулкого ведра.

Простите – так, как я прощу
За всё, что не смогло случиться,
И с лёгким сердцем, словно птицу,
Я вас на волю отпущу...

ХОЧУ ЛИ Я

Хочу ли я, чтоб ты меня искал,
Когда весенней полночью не спится?
Чтоб городские улицы листал,
Как будто книг нечитаных страницы?

Хочу ли, чтоб, потерей удручён,
Не зная точно адреса и дома,
Терзал пустой надеждой телефон,
Пытал случайно встреченных знакомых?

Ловил в ночи последнее такси,
Летел ко мне, как будто по тревоге?..
Хочу ли я встречать тебя, спроси,
Нежданным гостем на своём пороге?

Что проку мне гадать на лепестках?
Хочу ли я? Не нахожу ответа...
Но лишь за то, что ты меня искал, –
Спасибо, милый, за одно лишь это.

ЕЩЁ РАЗ О ЛЮБВИ К ПОЭЗИИ

Там, где стынут ночами болота,
Где снегами засыпаны мхи,
Мужики, позабыв про охоту,
Вслух читают друг другу стихи.

На столе остывают котлеты,
Загрустил самогонки стакан,
А в лесу добрым словом поэта,
Может быть, вспоминает кабан.

Ветер в окна скребётся неловко.
Утро – только ещё на порог.
– Ну и складно же пишет, чертовка!
Не обидел талантами Бог...

Как она про рыбалку – послушай!
Вроде – баба, а тоже... поэт!
Согревает суровые души
Незатейливых строчек дуплет.

Это ж надо! Морозною ранью,
Позабыв про земные грехи,
Мужики средь лесной глухомани
Вслух читают друг другу стихи.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Комья мёрзлой земли. Крест на свежей могиле.
И уже не обманешь судьбу.
Я смотрела без слёз, как стихи хоронили
В деревянном дешёвом гробу.

Что зарыто, то вскорости будет забыто...
Завершая печальный момент,
Полупьяный могильщик как мог деловито
Свой нехитрый собрал инструмент.

Вот и всё. Утирая последние слёзы,
Облегчённо вздыхает родня:
Мол, и жить не умел, и хороним в морозы...
Не нашёл подходящего дня.

На поминках они молча ели и пили,
Растворяя печали в вине.
А стихи, как цветы, замерзали в могиле
Без надежды взойти по весне.

Офицерам-вертолётчикам посвящается

ЛЁТНЫЕ ТРАДИЦИИ

Лётчик никогда не произнесёт: «последняя смена», «последний полёт»; он скажет: «крайний». Провожая товарищей в очередной вылет, лётчики говорят: «Удачи!» Не бреются перед полётами. Перед самым вылетом не чистят обувь. Такие традиции...

I. МАЙ 1995 ГОДА

...Под остеклением пилотской кабины промелькнул близкий край высокого берега реки, и винтокрылая машина послушно устремилась вниз вдоль откоса к самой воде.

– Держать строй!.. – бросил в эфир Иванов.

– Идут как привязанные, – сообщил, взглянув в свой блистер, правый лётчик. – На этот раз удержали.

– Сколько до аэродрома дозаправки? – поинтересовался у него Иванов.

– Через сорок минут будем...

Шла первая командировка на Кавказ. В самом начале весны был получен приказ перегнать звеном из части в Моздок четыре вертолёта Ми-8. Машины старые, доживающие свой срок, но других просто не было в наличии. В полку все машины летали с продлённым техническим ресурсом. При отборе вертолётов Иванову пришлось поругаться с полковыми инженерами, не желавшими отдавать лучшее. Наконец выбрали из того, что было: четыре машины с мощными двигателями. Навесили броню, оружие – и в путь!

Из состава четырёх экипажей обстрелянных только двое: майор Александр Иванов, командир звена, и ведущий второй пары Серёга Чамов, орденоносец, капитан, старший лётчик звена. «Афганцы». Остальные – молодёжь. Для Иванова с Чамовым – обычная командировка, летят спокойно, а пацаны волнуются – на войну летим.

Когда внизу проплывала безлюдная степь, Иванов использовал время в пути для тренировки звена, отрабатывая групповую слётанность экипажей. Его машина то падала к самой земле, то резко набирала высоту. Ведомые вертолёты еле успевали за ней. Слётанность пар оставляла желать лучшего. Сказывалась нехватка горючего в части и, как следствие, малый налёт часов молодых лётчиков. А вертолёт на войне без манёвра – удобная мишень.

Первая посадка на дозаправку по плану значилась на одном из военных аэродромов в Волгоградской области. Сели по расчётному времени. Заправились. Ждут. А метеослужба вылета всё не даёт. Над аэродромом погода, как говорят лётчики, «так себе», но взлететь можно. А вот к югу метеослужба пугает ухудшением. Но запас светлого времени ещё позволял, и вер-

толётчики с надеждой ждали, сидя в грузовой кабине командирского вертолёта.

– Андрей, пойди потревожь метеослужбу, – распорядился Иванов, взглянув на своего правого лётчика, – а то светлое время скоро закончится.

– Понял, – отозвался «правак», поднимаясь.

Отправив своего помощника на командно-диспетчерский пункт к метеорологам, Иванов пошёл прогуляться по аэродрому. Ностальгия по самолётам у него осталась с самого детства. Мечтал он на них летать, и до сих пор ещё душа не успокоилась. После школы из-за глупой мальчишеской драки не поступил Иванов в истребительное училище. Тогда ему пришлось скрываться от милиции. Забрав документы в приёмной комиссии Качинского училища, он уехал навсегда из родного города.

В вертолётное училище Иванов сдал экзамены без особого труда. Вначале пузатые и неспешные машины вызывали в нём простой интерес и по сравнению со стремительными истребителями казались тихоходными каракатицами, или, как говорят профессионалы, «вертушками». Но со временем он полюбил их за особенную манёвренность, за надёжность и возможность видеть красоту земли с высоты птичьего полёта. А в Афганистане – и за живучесть. А поистребителям в душе навсегда осталась ностальгия, как по несбывшейся детской мечте.

И вот идёт военный лётчик первого класса гвардии майор Иванов по бетонным рулёжным дорожкам аэродрома, смотрит на остроносые красавцы-самолёты и как будто купает душу в чистых водах детской мечты. Вдруг слышит: с той стороны, откуда прилетело и их звено, накатывается и становится громче знакомый звук. Так гудят вертолёты, летящие группой. Через пять минут заходят на аэродром шесть Ми-8.

Вертолёты заруливают на стоянки, выключают двигатели.

Иванов подошёл. Из открывшихся дверей выходят экипажи. Ребята молодые, знакомых лиц нет. А машины – все шесть – чистенькие, только что с завода, ещё пахнут краской. Иванову ли не разбираться в этой технике! В боевых частях про новую модификацию Ми-8МТВ-2 только слышали, а тут – вот они, можно потрогать руками. Хорошая машина – мощная, с локатором, с новой автоматикой и вооружением. Не то что побывавшие в Афгане «старушки» Ми-8, на которых летает полк Иванова.

Получив разрешение экипажа осмотреть кабину, Иванов поинтересовался:

– С нами в Чечню, мужики?

– Нет, – отвечают. – Проданы «восьмёрки» в Казахстан.

Непонятно Иванову стало тогда, даже обидно: нашим войскам такие машины в Чечне нужны как воздух, а первоклассную технику продают в другие республики, откуда она может попасть в Чечню, но уже к сепаратистам. Видно, не надумана в России пословица «кому война, а кому – мать родна».

Транзитные экипажи дозаправили вертолёты и взлетели, взяв курс на восток. А группа Иванова всё сидит. Лететь на юг – погоды нет. Лётчики и техники перекусили бортовым пайком и, ещё находясь под впечатлением от несправедливости увиденного, стали ругать власть. Пришлось вмешиваться. Голос Иванова прозвучал спокойно, но властно:

– Хватит без толку глотки драть. Нервы поберегите. Вон, лучше погоду ругайте.

Лётчики ещё повозмущались по поводу улетевших вертолётов, потом обругали метеослужбу с её прогнозами, достали картишки и расписали «пульку» по офицерскому преферансу. Иванов тоже поучаствовал.

Но в тот день в картах ему не везло.

Правый лётчик всё ещё не возвращался. Иванов не выдержал и, бросив карты, пошёл в сторону командно-диспетчерского пункта.

От разводящих руками диспетчеров он поднялся на этаж метеослужбы. А там – сюрприз.

– Сашка! Кислов, ты? Вот это да! – воскликнул Иванов, открыв дверь с табличкой «Начальник метеослужбы полка». – Сколько лет, сколько зим!

Из-за рабочего стола навстречу Иванову с улыбкой поднялся красивый крепкий мужчина в лётном комбинезоне:

– Я всё думаю, тёзка, что не заходишь? Прилетел уже два часа как! Сам уже хотел идти тебя искать.

Бывшие сослуживцы по-товарищески обнялись.

– Знал бы, что здесь командуешь ты, – сразу бы зашёл! Давай, выпускай нас! – улыбался Иванов, похлопывая Кислова ладонью по спине.

Но не тут-то было. Кислов показал карту погоды, а там – дело не очень. Облачность низкая, и прогноз неутешительный. Настроение у Иванова совсем испортилось.

– Вот же невезуха! – произнёс он озадаченно, разглядывая большую синоптическую карту, висящую на стене.

Товарищ подбодрил:

– Саня, оставайся. Вечером в гости к нам придёшь.

– Заманчиво… – вздохнул Иванов. – Но, понимаешь, надо лететь.

Кислов посмотрел на него долгим взглядом.

– Ты же сам можешь принять решение на полёт. У твоих ребят какой погодный минимум?

– Да в том-то и дело, что хуже, чем у меня! – воскликнул Иванов. – Я бы при таком прогнозе взлетел. Но их-то ты не выпустишь?

– Ну, если очень нужно… – тихо произнёс Кислов. – Долетите – потом никто разбираться не будет.

– А если не долетим? – удивился Иванов. – Тебя накажут.

– Отоврусь как-нибудь! – улыбнулся Кислов. – Пойдём, к диспетчеру провожу.

Так, при помощи товарища, с которым судьба когда-то свела его на Дальнем Востоке ещё лейтенантами, Иванов получил «добро» на вылет звена.

Выруливая на взлётную полосу, Иванов посмотрел на здание штаба и увидел в окне второго этажа Саню Кислова. Воспоминания промелькнули цветной кинолентой… Лейтенантская юность… Дочь полковника, красавица Людмила… С ней он познакомился раньше Сашки. Иванов прибыл после выпуска из училища в полк, базировавшийся на одном из аэродромов Дальнего Востока. Людмила работала официанткой в офицерском кафе военного городка. А холостяк Иванов являлся частым посетителем этого заведения. Девушка понравилась ему с первого взгляда и даже ответила взаимностью. Они встречались как друзья почти полгода, танцевали друг с другом на дискотеках и праздниках, он провожал её до дома. Иванов настаивал на близости, но Людмила не торопила события. В Новый год на празднике, когда они сильно выпили, Людмила приняла предложение Иванова и в середине вечера ушла с ним в общежитие. И он окончательно влюбился в эту яркую блондинку. Но через несколько месяцев их отношений на горизонте появился красавец-метеоролог Кислов и отбил Людмилу. На их свадьбе Иванов напился до потери контроля и подрался со свидетелем… Давно это было, в другой жизни…

Получив разрешение на взлёт, Иванов, повинуясь безрассудному порыву, скомандовал звену в эфир: «Делай, как я!» И, оторвав вертолёт от «бетонки» всего на метр, в нарушение всех правил и инструкций, переведя машину в разгон скорости на предельно малой высоте, заложил крутой вираж в сторону штаба. Вертолёт, опустив нос, как хищная птица, высматривающая добычу, шёл на высоте всего пары метров над землёй, разгоняя скорость. И когда кирпичная стена закрыла всё пространство впереди и стала неотвратимо набегать на кабину, Иванов натренированным движением взял ручку управления на себя и дал максимальную мощность двигателям. Тяжёлая бронированная машина, задрав тупой нос, как истребитель, на пределе всех своих возможностей взвилась вверх, лишь за пару последних секунд перевалив высоту двухэтажного здания, и с натужным воем двигателей, с грохотом винтов пронеслась над крышей штаба, чуть не посшибав антенны на ней.

Иванов бросил взгляд в боковой блистер: за ним как привязанные шли, выдерживая строй, все вертолёты звена. «Молодцы!» – с облегчением и чувством гордости за пилотажное мастерство похвалил Иванов в эфир своих

подчинённых. «И что ты доказал, дурак?» – сказал он себе.

– 282-й, нарушаете! – возник в эфире недовольный голос руководителя полётов.

– Пожелайте нам доброго пути, братья-славяне! – примирительно ответил Иванов.

– Удачи! – отозвался эфир. – Красиво прошли!

Иванов промолчал. Городок внизу, с его однотипными домами семей офицерского состава, промелькнул быстро, и вертолёты, заняв заданную высоту, взяли курс на юг.

Небо Кавказа встретило низко летящие вертолёты тяжёлыми свинцово-серыми облаками. По радиосвязи передали, что над Моздоком высота края облачности составляет четыреста метров, а в сторону Грозного облака уходят с повышением. Чем ближе группа подходила к Моздоку, тем плотнее и темнее становились облака: в серой массе уже не оставалось ни одного солнечного просвета. Руководитель полётов на аэродроме дал условия подхода и предупредил, чтобы ведущий был внимательным – «точка» работает. Полётный минимум лётчиков звена соответствовал погодным условиям, поэтому, распустив строй на минутный интервал, Иванов первым пошёл на снижение.

С высоты аэродром Моздок напоминал палубу огромного авианосца, плотно утыканную крошечными фигурками самолётов и вертолётов. Иванову подумалось, что даже один боевой заход четырёх вертолётов типа Ми-8 с блоками неуправляемых ракет приведёт к огромным потерям авиационной техники. Счастье командования, что у чеченцев после бомбардировок их аэродромов в декабре 1994-го не осталось боевой авиации.

В плотном радиообмене экипажи уловили, что какой-то самолёт тоже запросил посадку, но вертолёт ведущего группы уже подходил к посадочной прямой. Экипаж, ведя осмотрительно, работал по-деловому спокойно и не видел заходящий на посадку самолёт. Оставалась надежда, что лётчик того самолёта наблюдает снижающийся вертолёт. Тем неожиданнее оказалась огромная тень, промелькнувшая чуть выше, слева. Иванов увидел очень близко зелёный штурмовик Су-25, заходящий на посадку с выпущенными закрылками и шасси. В армии эти штурмовики прозвали «грачами». «Грач» проскочил настолько близко, что можно было ясно рассмотреть гайки на его правом колесе.

– Лихачит, – прокомментировал Иванов выходку штурмовика и скомандовал: – Готовимся к посадке, славяне!

Если не считать нюансов, то перелёт звена завершился благополучно.

На земле аэродром Моздок встретил вертолётчиков гулом самолётных и вертолётных двигателей, порывами ветра, рвущего ветви деревьев и пологи многочисленных солдатских палаток. Поднимающиеся столпы пыли с остервенением били в борта машин и в лица военных, перемещающихся в рабочем ритме по прифронтовому аэродрому. По бетонным рулёжкам ветер гнал бумагу и мусор. На взлётно-посадочную полосу садились и взмывали в затянутое серыми тучами небо самолёты и вертолёты.

На ночлег звено определили в две большие палатки на краю аэродрома.

Через три дня вертолётчики во главе с майором Ивановым, передав свои машины в действующий состав авиационной группы, летели из Моздока в Москву на самолёте Ан-26 военно-транспортной авиации.

Во второй раз Иванов летел в Чечню летом. Шли тем же маршрутом, что и два месяца назад. Погода благоприятствовала полёту. Поэтому, подлетая к уже знакомому промежуточному аэродрому, Иванов ещё в воздухе запросил «добро» на вылет сразу после дозаправки. Летели двумя экипажами теперь уже точно на войну.

Заправили машины и взлетели с бетонной полосы, не нарушая инструкций. Иванов не стал заходить в штаб к Сане Кислову, понимая, что больше не вернётся сюда никогда.

II. ЛЕТО В МОЗДОКЕ

Погода по маршруту была хорошей, но в районе Ставрополя появилась редкая облач-

ность. И чем ближе вертолёты подходили к горам, тем ниже и плотнее становились облака. Ведомый у Иванова – командир второго вертолёта – не имел большого опыта полётов в сложных метеоусловиях. У Иванова за спиной остались Афганистан и Дальний Восток, поэтому он чувствовал себя уверенно. Но за своего ведомого, как за себя, поручиться не мог. И при уменьшении высоты нижнего края облаков пара вертолётов всё ближе прижималась к земле. «Лишь бы Моздок не был закрыт», – с беспокойством думал Иванов. Заход на посадку «по схеме» в облаках на незнакомом аэродроме непрост и для опытного лётчика, а ведомому, капитану Ильясу Мингазову, предстояло ещё приобретать опыт полётов в сложных метеоусловиях, как и в боевых действиях. Ильяс – по национальности татарин, совсем недавно получил звание капитана, пока ещё имел квалификацию «военный лётчик второго класса» и небольшой налёт часов в должности командира экипажа.

В экипаж Иванова борттехником назначили хохла по фамилии Мельничук. Маленький, толстый, хозяйственный и жадный, он любил сало и всегда хвалил Украину, откуда был родом. Над ним подшучивали: «Украинцы живут на Украине, а хохлы – где лучше. Ты, Ваня, хохол!» Он не обижался. Но было в нём одно очень нехорошее качество: трусость. Он как огня боялся парашютных прыжков, бывало, оставлял своих товарищей в драке, «постукивал» начальству. Но его «вылизанный» вертолёт всегда блестел чистотой, поэтому Иван был у командования на хорошем счету. Ударом грома стало для него сообщение о командировке на Кавказ. Мельничук пытался откосить, придумывая себе разные болезни, но не вышло.

До назначения в экипаж к Иванову он числился в другом звене. Когда Иванов услышал о назначении Мельничука к нему, то с усмешкой подумал: «Ты, Ванюша, жирок-то скинешь!» Хотя Мельничук по возрасту был на два года старше, Иванов не испытывал к новому борттехнику большого уважения. Мельничук же, почувствовав в Иванове начальника, изо всех сил старался показать, что лучшего подчинённого тому не найти.

Чем ближе пара вертолётов подходила к конечному пункту маршрута, тем ниже облака прижимали её к земле. На Моздок выскочили на высоте пятидесяти метров над рельефом местности. Иванов уже знал этот аэродром, поэтому на посадку пошли «с прямой».

За три месяца здесь ничего не изменилось, только земля поменяла цвет – с серого на зелёный.

После посадки, представившись командованию отряда и сдав документы, вновь прибывшие экипажи направились на инструктаж к особисту.

Разместили оба экипажа в одной из школ Моздока, недалеко от вокзала, где Иванов познакомился со своим новым звеном.

Как командир, Иванов понимал, что отдыхать по-человечески после полётов его экипажам в классе, превращённом в казарму с двухъярусными кроватями, не придётся, что и подтвердилось в скором времени. Лётчик не пехотинец в окопе: кроме физической выносливости, голова и нервы – оружие лётчика. А чтобы после полётов нормально восстановиться, необходим покой. А о каком отдыхе могла идти речь, когда кто-то уходил на полёты, а кто-то возвращался, кто-то играл в карты, а кто-то хотел выпить и поговорить? Командование требовало от лётчиков одного – летать. И они летали. Днём и ночью, в любую погоду. На старых машинах. Даже не имея соответствующей натренированности.

Начав вылетать на задания, Иванов быстро втянулся в ритм боевой жизни и перестал замечать такие мелочи, как плохое питание и нестираное бельё.

Летали на перевозку людей и грузов, на разведку и аэрофотосъёмку. Но чаще всего звену Иванова приходилось работать челночными рейсами между Моздоком и аэродромами в Грозном – Северном и Ханкале: туда везли солдат, оружие, боеприпасы, медикаменты, продукты питания, а обратно «груз-300» (раненых) или «груз-200» (убитых). Полёт по времени в среднем двадцать пять минут – туда, двадцать

пять минут – обратно. Трудяги-вертолёты Ми-8 работали днём и ночью безотказно.

Кровь, измученные страданиями лица раненых, тела убитых – всё это кажется страшным только в первые дни. Потом привыкаешь. Всю лётную смену пилоты работали как будто в автоматическом режиме: ничему уже не удивлялись. Только в конце смены чувствовали неимоверную усталость, и не только физическую: кажется, что вот-вот нервы не выдержат – сорвутся от невозможного напряжения. И чтобы хоть как-то снять этот стресс, необходимо было выпить. Выпить так, чтобы забыться! А утром – снова в полёт.

Повозили мёртвых ребят недельку-другую, и уже в вертолёте стоит тяжёлый, ничем не выветриваемый трупный запах. А за бортом – температура тридцать – тридцать пять градусов. Никакие обработки салона не спасали от этого жуткого запаха смерти. Трудно нормальному человеку выдержать такое!

Через пару недель парни из звена Иванова осунулись, улыбки стали редкими, шутки злыми. В полёт идут как на каторгу. И борттехник, старший лейтенант Мельничук, начал худеть. Иван, всегда аккуратный, мог забыть побриться.

А чем мог Иванов подбодрить своих подчинённых? Осознавая методы ведения этой войны и не понимая целей командования, офицеры переставали понимать, за что должны рисковать своими жизнями. Действительно, как могла большая и всё ещё сильная страна допустить такие огромные потери своих солдат? И что Иванов, как командир, мог сказать экипажам перед очередным вылетом, кроме обычного: «Удачи!» – и дежурного набора подготовленных замполитом патриотических лозунгов? Ведь каждый понимал, что его жизнь здесь ничего не стоит.

Экипажу Иванова приходилось выполнять полёты на патрулирование дорог, ведущих в горы. Иванов брал на борт спецназовцев и летел в обозначенный район. Боевики, оттеснённые к горам, могли получать подкрепление и боеприпасы, доставляемые только автотранспортом. Экипажам вертолётов ставилась задача обнаружения такого транспорта. Если это была одиночная машина, её захватывали или уничтожали. А если обнаруживали колонну машин, то тогда вертолётчики наводили самолёты-штурмовики. Одну такую идущую в горы колонну из пяти гружёных «Уралов» пара Су-25 за минуту превратила в пять дымных факелов на глазах Иванова.

В одном из полётов на патрулирование Иванов заметил в стороне от основных дорог поднимающийся пыльный след, который хвостом тянулся за идущей на скорости автомашиной. Когда Иванов развернул нос вертолёта по направлению к замеченному следу, автомобиль скрылся за складками пересечённой местности и, вероятно, остановился, потому что пыльный хвост стал оседать. Но если те, кто находился в той машине, решили спрятаться, то было поздно – вертолёт уже летел к ним. Позвав в кабину пилотов старшего группы десантников, Иванов указал взглядом:

– Машина прячется. Проверим.

Тот понимающе кивнул и пошёл в грузовую кабину готовить бойцов, а Иванов выдерживал курс по направлению к машине.

Через три минуты вертолёт прошёл точно над стоявшим в распадке грузовым автомобилем. Экипаж успел рассмотреть крытый тентом ЗИЛ-130 зелёного цвета.

Подгашивая скорость, Иванов ввёл вертолёт в левый вираж со снижением, рассчитывая приземлиться метрах в трёхстах от не подающей признаков жизни машины. Чувства доверия этот ЗИЛ не вызывал, и желания поймать пулю или гранату в кабину или двигатель Иванов не испытывал. Вертолёт на земле представляет собой хорошую мишень для любого вида оружия.

Но коснуться колёсами земли Иванов не успел: ЗИЛ рванулся с места и помчался в сторону гор. На что могли рассчитывать находящиеся в машине люди? Чтобы догнать грузовик, много времени не потребуется, а кроме носового пулемёта, пули которого пробивают лёгкую броню танков, у вертолёта на пилонах висели два универсальных блока с двадцатью ракетами С-8 в каждом. Одна такая ракета в

секунду превращает грузовой автомобиль в кусок покорёженного металла.

– Не хотите по-хорошему, будет – как хотите! – упрямо бросил Иванов и включил блок вооружения. Затем подал команду: – Пулемёт к бою!

Борттехник с разгорающимся охотничьим азартом взвёл затвор пулемёта.

Начиная погоню за автомобилем, Иванов плавно перевёл винтокрылую машину в разгон скорости с небольшим набором высоты. Вертолёт, опустив нос, хищной птицей шёл низко над землёй, настигая удирающую жертву. Ловя пылящий ЗИЛ в прицел пулемёта, подал голос борттехник:

– Командир, стрелять?

– Дай предупредительную очередь, – приказал Иванов. Его тоже стал охватывать азарт погони, но в автомобиле находились люди, и Иванов хотел дать им шанс на жизнь.

Сквозь гул двигателей тупо застучал носовой пулемёт, и плотная очередь легла далеко впереди машины. Вместо того чтобы остановиться, ЗИЛ попытался уйти вправо. Машина мчалась на большой скорости, но дистанция до неё быстро сокращалась, и, когда оставалось уже метров триста, чтобы не проскочить, Иванов стал уменьшать свою скорость.

– Разреши по нему, командир! – поправив прицел, закричал Мельничук, с трудом удерживая настигаемый грузовик на мушке. Иванов не успел ответить – у заднего борта ЗИЛа из-за тента показалась фигура человека с автоматом. Повинуясь чувству самосохранения, Иванов тут же дал максимальную мощность двигателям и бросил вертолёт в боевой разворот. Перегрузка вдавила в кресло, а экипаж с замиранием сердца ожидал услышать звук ударов пуль в борт. Ми-8 – машина живучая, но бронированы в ней только часть пилотской кабины и двигательный отсек. Остальное – дюраль. Как правило, пули прошивают грузовую кабину насквозь, не причиняя вреда силовой установке и управлению. Но сегодня на борту размещались десантники.

То ли чеченский стрелок промахнулся, то ли не стал стрелять, но звука попаданий пуль никто не услышал.

Описав виток восходящей спирали, Иванов уже на высоте вывел боевую машину на линию открытия огня. Автомобиль всё так же мчался вперёд, не снижая скорости. Человек с автоматом у заднего борта стрелял по вертолёту. Но вести прицельный огонь ему мешали движение машины, расстояние и пыль.

– Бей по цели! – приказал Иванов борттехнику и перешёл на снижение.

Снова тупо застучал пулемёт, и симметричные фонтаны земли поднялись точно по курсу мчавшегося автомобиля, приблизились и бегущей строкой перескочили через автомобиль. Фигура человека скрылась в кузове. Последовавшая сразу же за первой вторая очередь из носового пулемёта легла за грузовиком, догнала его и прошла по машине, отрывая от неё куски железа и дерева. Грузовик стал резко уходить вправо, накренился на левую сторону и перевернулся вверх колёсами, подняв облако пыли и дыма. Ми-8 буквально через пару секунд проскочил над ним, и экипаж не успел ничего рассмотреть.

Развернув машину, Иванов решил заходить на посадку. Он приказал Мельничуку держать перевёрнутый ЗИЛ в прицеле и открывать огонь без команды. Иван, казалось, прирос к пулемёту, направив ствол на цель. Поднятая падением ЗИЛа пыль оседала, и перевёрнутый автомобиль просматривался: он не горел, но дымился, людей не было видно. Соблюдая осторожность, Иванов плавно опустил вертолёт метрах в трёхстах.

Отбрасывая воздух лопастями, винтокрылая машина ещё не успела коснуться колёсами земли, как десантники начали выпрыгивать и, растягиваясь в цепь, двинулись к безжизненно лежащему грузовику.

И тут Иванов увидел, как на месте падения грузовика поднялся мощный столб земли и огня. Взрывная волна сбила с ног десантников и чувствительно тряхнула вертолёт. Заложило уши, но сквозь грохот взрыва Иванов расслышал, как по кабине застучали камни и осколки. Крупный осколок жёстко ударил в остекление правого лётчика, оставив след в виде большой звезды с расходящимися лучами, и по триплексу пошла жирная трещина.

Иванов посмотрел на приборы – двигатели работали без перебоев, винты крутились.

– Хорошо, что мы далеко сели! – подал голос правый лётчик.

«Хорошо», – подумал Иванов, наблюдая, как с земли поднимались десантники.

– Все живы? – поинтересовался он, когда за последним забравшимся в вертолёт закрылась дверь. Вопрос был риторический – Иванов видел, что все спецназовцы шли на своих ногах.

– Похоже, «духи» боеприпасы везли, – вместо ответа пояснил старший группы десантников. – Хорошо, что мы не успели ближе подойти – только оглушило ребят и немного осколками посекло.

– Нам тоже досталось, – показал Иванов на треснувшее остекление. Потом уточнил: – Уходим?

– Поехали! – Старший перевёл взгляд на пулемёт и, дружески хлопнув борттехника по спине, сказал только ему: – А ты снайпер. Молодец!

Весь полёт Ваня сиял как начищенный сапог. Иванов понимал его: первая в жизни боевая стрельба на поражение прошла, как в тире, на оценку «отлично». Иван заслуживал похвалы, и после полёта Иванов объявил ему благодарность, о чём указал в рапорте начальству.

В тот день дошли до аэродрома Моздок нормально. А когда на стоянке осмотрели машину – удивились: кроме побитого остекления пришлось менять лопасти, посечённые осколками, и штопать несколько дыр в обшивке. Удивительная машина Ми-8 – даже израненная довезла до дома без происшествий.

Запомнился Иванову ещё один случай: однажды, взлетев из расположения одной из общевойсковых частей, он заметил слева по курсу белую «Ниву», которая направлялась по грунтовой дороге в сторону Ингушетии. На борту вертолёта находились трое счастливчиков-отпускников и какие-то ящики с приборами. Задачи на патрулирование района Иванову в этот день никто не ставил, но он решил проверить машину.

– Внимание, экипаж! «Ниву» наблюдаете? Приготовить оружие.

На небольшой высоте вертолёт прошёл над автомобилем, встал в вираж и снова прошёл над движущейся «Нивой». Машина не остановилась. Иванов включил пулемёт и скомандовал Мельничуку:

– Врежь предупредительную перед машиной!

Мельничук по-хозяйски неторопливо прицелился и нажал на спуск. Дорожка земляных фонтанов прошла справа, очень близко к «Ниве». Машина резко остановилась, и из неё стали выпрыгивать люди. Проведя вертолёт на небольшой скорости так, чтобы видеть «Ниву» слева от себя, Иванов оглядел открытый автомобиль и четверых пожилых мужчин, стоявших с поднятыми руками. Пятый, жестикулируя, что-то кричал, показывая на машину. Оружия при них Александр не заметил, а проводить обыск экипаж своими силами не мог. Сделав круг, Иванов направил вертолёт в сторону Моздока.

На аэродроме после полёта Иванов внимательно посмотрел Мельничуку в глаза:

– Ты же чуть в людей не попал, Иван.

– Командир, я в этом деле чувствую талант! – ответил довольный собой Мельничук. – Да если бы и попал, несколькими бандитами меньше бы стало, и всего-то!

– А ты уверен, что они бандиты?

– А кто же ещё?

– Интересно, что ты запоёшь, когда мирные люди станут в нас стрелять? – После этих слов Мельничук поменялся в лице.

– А он кожаные штаны наденет, – съязвил выходивший из вертолёта Ващенка. – Туалета на вертолёте нет.

– А ты вообще молчи, пацан! – зло огрызнулся Мельничук. – Завтра будешь весь вертолёт драить.

– Ладно, Иван, – подытожил Иванов, – готовься к следующему вылету. Но запомни, если я сказал «предупредительную очередь», значит – предупредительную. Своеволия не потерплю. Понял?

– Понял, командир, – заверил Мельничук, преданно глядя в глаза.

Вскоре двум экипажам – Иванова и Ильяса Мингазова – командование отряда поставило задачу на подготовку к полёту глубоко в

горный район Чечни, не занятый нашими войсками. Цель операции держалась в секрете, и лётчики узнали о ней только в день вылета.

Пара Иванова, как уже ходившая в этот район на разведку, придавалась отряду вертолётов Ми-8 авиации МВД, усиленному шестью экипажами вертолётов огневой поддержки Ми-24, для выполнения операции по эвакуации отряда спецназа МВД, заброшенного в тыл юго-восточной группировки войск сепаратистов.

Задачу на вылет вместе с командиром сводного отряда ставил полковник внутренних войск.

Всего в смешанном порядке насчитывалось восемь транспортных Ми-8 в сопровождении шести вертолётов-штурмовиков Ми-24. Видимо, в районе цели ожидалось сильное противодействие, или же отряд спецназа выполнял очень важное задание, если за ним посылались такие силы.

Каждый экипаж хорошо знал свою задачу. Район цели лётчиками и штурманами был изучен досконально. Вёл отряд командир эскадрильи МВД. Пара Иванова с десантом на борту шла за ведущим впереди группы, а вертолёты огневой поддержки тремя парами шли позади и выше основной группы, выполняя задачу прикрытия.

А вот день для полёта в горы командование выбрало не очень удачный: шедший всю ночь дождь кончился, но облака, вопреки предсказаниям метеорологов, уходить за горизонт не желали и к моменту вылета висели над аэродромом восьмибалльной рваной кучёвкой. Но начальство не стало отменять задачу, тем более что синоптик обещал уменьшение облачности над районом эвакуации.

Группа взлетела с задержкой на час от назначенного времени. Пробив облака, вертолёты заняли боевой порядок и взяли курс за ведущим.

Радист спецназа на земле должен был при подходе группы включить радиомаяк для вывода вертолётов на себя.

По штурманским расчётам, время полёта до цели составляло порядка пятидесяти минут, но приборы показывали путевую скорость больше расчётной. Это означало, что на пути к цели вертолётчикам помогал попутный ветер. Значит, на обратном пути тот же ветер станет их врагом…

Иванов поминутно помнил тот день. Ещё на земле, глядя на серые облака, он думал, что вылет отменят.

– Готовьтесь зачехляться! – как бы угадывая его мысли, произнёс техник звена.

– Для рождённого ползать погода всегда нелётная! – хмуро пошутил правый лётчик Иванова. – А мы – полетим!

– Оптимисты! – мрачно отозвался техник и ушёл по своим делам.

Иванов помнил: в то утро он надел нательный крестик. Обычно этот крестик хранился в удостоверении личности офицера, под обложкой. Но сегодня удостоверения всем экипажам пришлось сдать. Многие лётчики носили такие крестики. Не верить в Бога лётчик не может. Пусть не всегда явно, но в душе каждый пилот знает, что Бог есть. И Иванов перед командировкой на Кавказ посетил церковь и купил простой крестик на шнурке, освящённый батюшкой. Раньше как-то стеснялся его показывать, но в то утро почувствовал себя неуютно, и словно что-то подтолкнуло надеть православный крест на шею. А ещё за день перед этим Иванов забыл побриться, и теперь колючая щетина была предательски видна на лице. Всегда требовательный к внешнему виду подчинённых, Иванов утром бриться не стал. Кто-то улыбнётся, но лётчики верят даже в чёрных кошек.

Через час ожидания последовала команда на взлёт, положив конец тягостной неизвестности, и отряд из четырнадцати вертолётов нырнул в низкий облачный полог, закрывающий небо до самой невидимой линии горизонта.

Стрелка высотомера перевалила за две с половиной тысячи метров, и эти самые облака, оказавшись теперь под винтами, уже не представлялись такими зловещими, какими виделись с земли. Наоборот, равномерно залитые солнцем, которому здесь ничто не мешало, и причёсанные ветром, они теперь походили на

спокойную, слегка всхолмлённую белоснежную равнину, вид которой завораживал сказочной красотой. Там, где у ветра не хватило сил доделать своё дело, виднелось, невольно притягивая взор, несколько одинаково склонённых белых глыб, напоминавших снежных баб или восставшие из морской пучины сказочные острова. Земля осталась где-то далеко внизу, под толщей облаков.

Экипажи шли в режиме радиомолчания, выполняя приказ: до входа в район эвакуации работать только на приём. Правый лётчик в установленное время настроил радиокомпас на чётко прослушиваемый сигнал маяка. Стрелка прибора, уловившего радиопривод, показывала, что группа находится левее от линии пути. И ведущий взял поправку на курс.

Лётчик-штурман в экипаже Иванова, или, как принято называть в авиации, «правак», носил украинскую фамилию Ващенка, но считал себя белорусом, так как родился в Минске. Звали его Андреем, и он всего на год был младше Иванова. В капитанах Андрей ходил по авиационным меркам уже давно, а вот с должностью командира экипажа ему как-то не везло. К ней, по твёрдому мнению Иванова, Ващенка был готов, но по стечению каких-то ведомых только высшему начальству обстоятельств вынужден был довольствоваться должностью штурмана звена. В отличие от Мельничука, Ващенка был хладнокровным и рассудительным офицером. Мог при случае побалагурить, но всему знал меру. Иванову нравилось летать с Андреем в одном экипаже, а вместе они летали уже два года, успев привязаться друг к другу той непоказной дружбой, которая может возникнуть между мужчинами.

Перекрыв расчётное время, группа вошла в район эвакуации, но обещанные синоптиком просветы в облаках не появились. Вокруг, насколько мог видеть глаз, простиралось сплошное белое море с воздушными айсбергами. А под ними притаилась территория противника и чужие горные вершины. В облаках горы даже опаснее самих боевиков. С прошлого полёта в этот район Иванов помнил, какие здесь острые вершины и глубокие ущелья, дна которых не доставали лучи солнца, и как мало площадок, пригодных для посадки.

Через несколько минут стрелка радиокомпаса, плавно описав дугу, повернулась на сто восемьдесят градусов. Это означало, что группа прошла над радиомаяком. Стрелка высотомера по-прежнему стояла на делении трёх с половиной тысяч метров, и сплошной ковёр из облаков всё так же не имел ни одного видимого разрыва. Построив группу в круг, ведущий приказал искать в облаках «окно». Безрезультатно покружившись более двадцати минут, Иванов услышал в эфире команду:

– 282-й, тебе этот район известен, сходи вниз на разведку. Постарайся определить толщину облачности. Только осторожней, 282-й!

«282» был позывной Иванова. Ведущий приказывал ему снижаться.

– У нас же на борту люди!.. Напомни ему! – возмущённо произнёс Ващенка по внутренней радиосвязи.

Посмотрев на «правака», Иванов внешне никак не отреагировал.

– Понял, – бросил он в эфир и уменьшил мощность двигателей.

Тяжело гружённая боевая машина подошла к границе белоснежных волн и оказалась в такой близости от облаков, что едва не задевала их лобовым остеклением кабины. Это походило на бреющий полёт, только с той разницей, что сейчас под брюхом вертолёта мелькала не земля, а облака, и стрелки высотомера стояли не на нуле, как это бывало на бреющем полёте, а показывали почти три тысячи метров.

А вот стрелка радиовысотомера на месте не стояла. Гуляя по шкале делений вверх и вниз, она предупреждала, что внизу, в этих коварных облаках, прячутся вершины враждебных гор. Это заставило Иванова на несколько секунд прекратить снижение, вроде для того чтобы сверить показания приборов, и он успел мысленно произнести: «Господи, спаси и сохрани!..»

Потом плавно отклонил ручку управления вперёд. Мгновенье – и вертолёт, подмяв под себя собственную тень, по-акульи мягко вошёл в облака. В первые секунды Иванову показалось, что это кипящие клубы дыма и пара обво-

локли вертолёт со всех сторон, отчего в кабине мгновенно потемнело. Двигатели, почувствовав уменьшение мощности, изменили голос. Когда большая стрелка высотомера совершила по чёрному циферблату почти две трети полного оборота, в кабине неожиданно посветлело, и Иванов обрадовался, что облачности пришёл конец и он сейчас увидит горы. Но облака вдруг загустели снова, приняв более холодный тёмный цвет, и вертолёт погрузился в серую мглу. Этот нижний слой облачности оказался более холодным, плотным и тяжёлым.

– Командир, через сто метров воткнёмся в горы, – настороженно предупредил Ващенка.

Иванов и сам видел по радиовысотомеру, что ещё пятнадцать-двадцать секунд такого снижения и ручку управления брать на себя будет уже поздно. Видимо, облака не кончаются до самых вершин. А не врёт ли высотомер? Что, если они уже проскочили безопасную высоту и в любой миг последнее, что увидит экипаж в этой жизни, будет отвесный склон скалы прямо перед остеклением кабины? Нелепые это были мысли. А вот лезли в голову, вызывая в груди неприятное жжение. Энергично прибавляя двигателям мощность и взяв ручку управления на себя, Иванов разозлился, но не на экипаж и даже не на облака, которые упорно не хотели заканчиваться и погибельно-серый вид которых всё больше лишал его уверенности, что они когда-нибудь кончатся, а на ведущего группы, пославшего их сюда: «Самому бы тебе попробовать!»

– Облачность двухслойная, десятибалльная. Глубина слоёв – более тысячи метров. К земле пробиться не могу. Набираю высоту, – доложил Иванов в эфир, дав двигателям полный взлётный режим.

Казалось, время замедлило свой ход: вертолёт на пределе мощности воющих от натуги двигателей никак не мог вырваться из вязких объятий серо-белого тумана, липнувшего к бортам. Неожиданно в кабине стало светлее, и через пару секунд вертолёт резвым дельфином выскочил из белого плена, как из морской пучины. В глаза ударил яркий солнечный свет, а вокруг, насколько мог видеть глаз, простиралась залитая живым золотым светом сказочная долина с замками, островами и кружащимися, как шмелиный рой, пятнистыми собратьями-вертолётами. Иванов направил свою машину к ним.

Сигналы радиомаяка продолжали устойчиво прослушиваться – это означало, что эвакуацию всё ещё ожидали внизу. Но даже если раньше чеченцы нашу группу спецназа не засекли, то теперь уж точно вертолёты своим получасовым гудением переполошили все окрестности. На месте командира спецназа нужно было уводить разведчиков на другую позицию. Но радиомаяк упорно продолжал подавать сигналы из одной точки.

Иванов занял своё место в строю кружащихся вертолётов и велел лётчику-штурману сделать расчёт по остатку топлива.

– Учитывая встречный ветер, надо бы уже идти на Моздок, – перепроверив свои расчёты, доложил Ващенка, не отрываясь от штурманской линейки. – Если, конечно, мы не хотим пообедать в Ханкале, а заодно и поужинать.

Иванов решил выйти в эфир, но услышал, как в нём прошла команда ведущего:

– 703-й, постарайся пробить облачность левее. Только давай аккуратнее.

И в ответ короткое:

– Понял.

От группы отделился один Ми-8 и нырнул в белую пелену.

– Что он делает?! – возмутился Ващенка, имея в виду командира эскадрильи МВД. – Сказали же, что облачность – до самых гор! Домой надо уходить. Топлива с гулькин нос, а если встречный ветер усилится – попадаем к чёртовой матери!

– Спокойно, Андрюха, – сказал Иванов, думая о том же. – Сядем на Ханкале или на Северном.

– В облаках группой? – не унимался Ващенка. – Даже если и сядем, сегодня нас уже не выпустят на базу. А ночевать в вертолёте что-то не хочется.

В это время в эфир вышел командир «двадцатьчетвёрок»:

– Внимание ведущему. Топлива только до дома. Ухожу на базу.

Иванов знал, что по конструктивным особенностям запас топлива на Ми-24 меньше, чем на Ми-8, и ребятам нужно возвращаться.

– Запрещаю! Пойдёте на запасной! – отрезал ведущий.

– Вот дерьмо!.. – эмоционально прокомментировал Ващенка по внутренней связи.

Через несколько минут тишины эфир ожил:

– Я – 703-й, докладываю: облачность – десятибалльная, толщиной более тысячи метров. Пробить не могу, радиовысотомер показывает, подо мной – горы. Иду к вам.

Ещё через несколько минут одинокий вертолёт вынырнул из облаков километрах в двух северо-восточнее от основной группы.

Надо было возвращаться, но вертолёт ведущего всё ещё продолжал метаться над сплошным одеялом из облаков в надежде отыскать в них хотя бы маленькую дырочку. В эфир снова вышел командир «двадцатьчетвёрок»:

– Уходим по топливу.

Три пары Ми-24 взяли курс на северо-запад.

Через минуту Иванов, доложив ведущему группы об остатке топлива на борту и дав команду Ильясу Мингазову следовать за собой, обратился к уходящим «двадцатьчетвёркам»:

– Наша пара с вами.

Иванов понимал, что рискует погонами, оставляя место задания без приказа, но также понимал, что бессмысленно рисковать жизнями своих лётчиков и молодых солдат, сидящих сейчас в кабине его вертолёта, он не имеет права. Опыт подсказывал Александру, что в данной ситуации он как командир поступает верно.

Глядя на Иванова с доброй усмешкой в глазах, Ващенка пропел по внутренней радиосвязи:

– Командир, ох и получим же мы!..

– Переживём, – улыбнулся Иванов.

Вскоре из эфира долетела оставшимся экипажам команда ведущего:

– Прекращаем задание! Всем на обратный курс!

Как и предсказывал Ващенка, на обратном маршруте встречный ветер усилился. Ми-24 шли на Ханкалу. Иванов, ещё раз перепроверив расчёты, решил вести свою пару за ними. «Не домой», – как выразился Ващенка.

В переводе на русский язык «ханкала» – «главная гора» или «ханская гора». В реальности же это две небольшие сопки на подступах к Ханкалинскому ущелью на северо-востоке от Грозного и ровное плато, на котором во времена Советского Союза в 1949 году была возведена мощная военная база с аэродромом. Летом 1995-го вид разбомблённой авиационной базы с останками разбитых самолётов авиации Ичкерии и покорёженными зданиями представлял собой неуютное и неприветливое для глаз зрелище. Иванов рассчитывал, что после дозаправки его паре разрешат уйти в Моздок. Но его надежды в тот день не оправдались.

Пара Иванова дотянула до Ханкалы на аварийном остатке топлива – встречный ветер сделал своё дело. Иванов помнил, как уже на снижении, перед входом в облака, на приборной доске мигало красное табло и спокойный женский голос бортовой «Маши», предупреждающий об аварийном остатке, с раздражающим постоянством звучал в наушниках. Мысль о том, что топлива осталось только на двадцать минут, действовала на нервы, но больше всего Иванова беспокоило то, как зайдёт в сложных метеоусловиях на посадку его ведомый. В случае ошибки на повторный заход топлива может не хватить.

Пройдя привод, Иванов дал команду Мингазову идти на снижение самостоятельно и, пропуская его вперёд, пошёл за ним на трёхминутном интервале. Он видел, как машину Мингазова поглотила серая пелена, и только по радиообмену мог контролировать место положения впередиидущего вертолёта на схеме. «Лишь бы он смог!» – как заклинание, повторял про себя Иванов.

– Три минуты – пора! – доложил Ващенка, выключив секундомер, и Иванов направил машину в серо-белую мглу.

Когда Мингазов запросил разрешения зарулить на стоянку, Иванов вздохнул облегчённо и переключил всё внимание на приборы.

Земля на этот раз показываться вообще не спешила. Облака закончились только на ста

пятидесяти метрах, и всё, что Иванов смог увидеть с такой высоты, – внезапно открывшееся начало взлётно-посадочной полосы и линии стоянок. Над аэродромом моросил мелкий дождь: от мокрой «бетонки» и от техники на стоянках, казалось, шёл пар.

После посадки Иванов, спешно зарулив на стоянку, выключил двигатели. Открыв боковой блистер, он немного посидел в пилотской кабине, стараясь расслабиться, осмысливая весь полёт. Размышляя, он слышал нарастающий звук летящих Ми-8 группы эвакуации и ожидал увидеть их заходящими на полосу один за другим. Но вдруг увидел, как на бетонку из облаков стали беспорядочно «сыпаться» вертолёты. Иванов невольно стал их считать...

Всё закончилось хорошо. Но тот вылет стоил тридцатилетнему майору Иванову пряди седых волос.

Как и заведено у больших чинов, никто в штабах разбираться с причинами неудачи операции не стал, а сразу начали «принимать соответствующие меры». Причём генералов не интересовали ни топливо, ни погодные условия. Иванов попал под эти разборки. Но отделался написанием нескольких объяснительных и беседой с особистом. Пыл начальников поостыл, когда выводы назначенной комиссии подтвердили правильность принятия решения на прекращение задания. На Ханкале свидетели возврата вертолётной группы видели, как из облаков в беспорядке «сыпались» «восьмёрки», у которых прямо на взлётно-посадочной полосе и рулёжных дорожках останавливались двигатели, выработав последние литры керосина. Только чудом никто не разбился.

Но главным фактором для комиссии стала информация, что та наша диверсионная группа спецназа, за которой шли вертолёты, погибла, а радиомаяк использовали чеченцы.

Через сутки экипажи Иванова и Мингазова вернулись в Моздок.

Иванов часто задавал себе этот вопрос: почему ему так везло? Чудо? Судьба? Или что-то ещё? Ведь не однажды везло, и не только с особистами на земле – на заданиях не раз нарывался на пулемёты, бывало, после посадки насчитывал более десятка пробоин в борту вертолёта, по нему пускали ракеты, но ни разу он не был сбит. А вот товарищей терял. И если бы только в бою...

Он никогда не забудет случай, произошедший в Афганистане, когда в звании старшего лейтенанта летал на правом сиденье у майора Болышева. В тот день их экипажу была поставлена задача доставить небольшой отряд афганской армии, состоящий из десяти человек, на одну из горных троп для проведения операции по перекрытию караванного пути «духов». Но почему-то перед самым вылетом порядок задания изменили: отряд афганцев взял на борт более опытный заместитель командира эскадрильи, а экипажу Болышева надлежало идти ведомым и прикрывать посадку и взлёт ведущего.

Болышев тогда подначил своего друга-замкомэска:

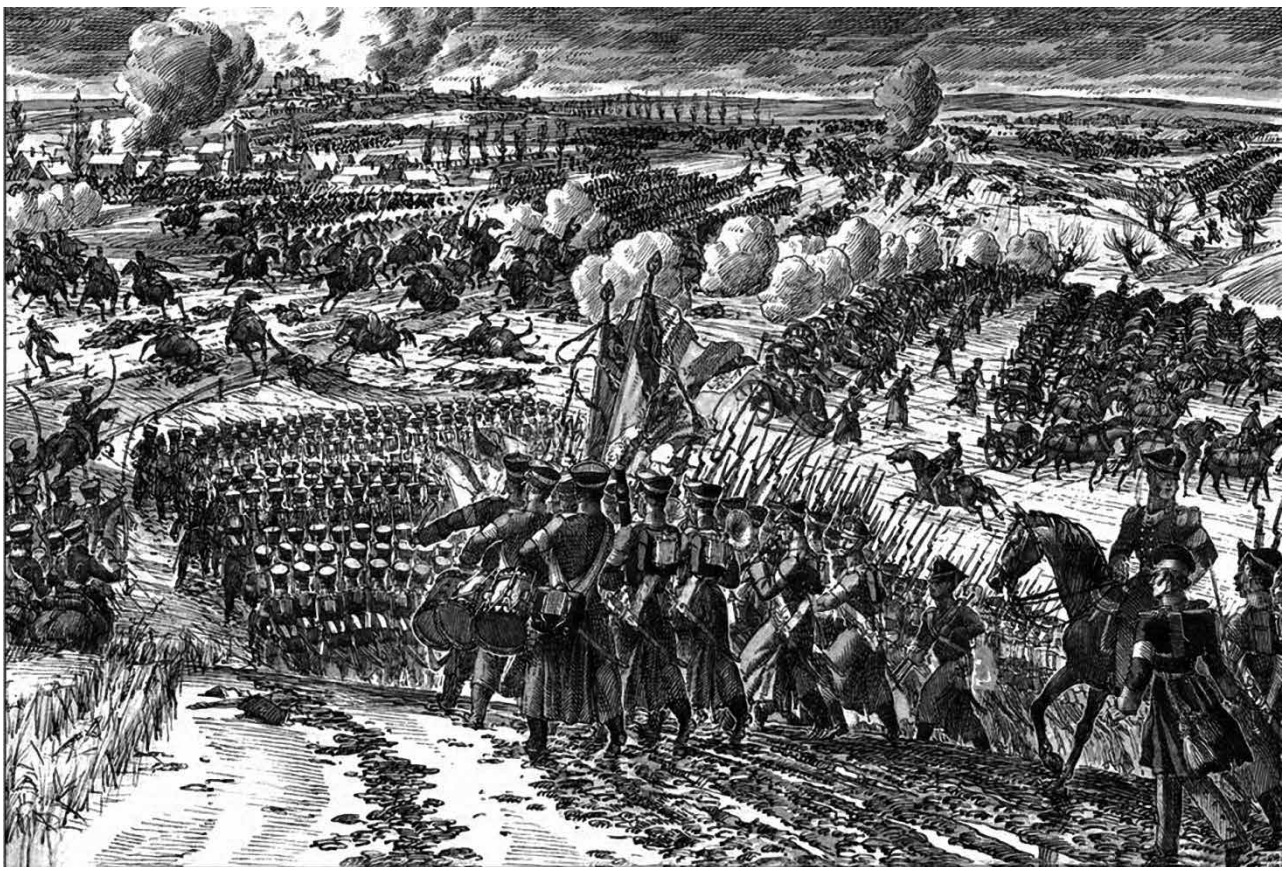
– Володя, ты зачем побрился утром? Не повезёт сегодня.

Тот только отмахнулся.

С высоты полёта Иванов видел, как из приземлившегося вертолёта выпрыгивали афганские солдаты, как они поднимались в горы. Видел, как крутились винты вертолёта на земле, но тот всё не взлетал. Болышев пытался вызывать своего друга по радио, но замкомэска не выходил на связь. Наконец Болышев принял решение идти на посадку. Они приземлились рядом с молотившим винтами вертолётом. Борттехник, посланный Болышевым посмотреть, что случилось с экипажем ведущего, вернулся бледный как простыня, твердя только одно: «Они там зарезанные!..»

С того самого дня в приметы и лётные традиции Иванов уверовал твёрдо.

Олег БАЖАНОВ



ПОМИРАТЬ НЕ СТРАШНО...

СРАЖЕНИЕ У ЛА-РОТЬЕРА 20 ЯНВАРЯ 1814 Г.

...Непогода стала ещё хуже: повалил густой снег при сильном ветре, белая завеса накрыла всё и вся, ничего не стало видно даже с десяти шагов.

– Вот, едрёна корова, дождалися! Вот таперя крещенская метель так метель! Ежели кого ранит, снегом вмиг занесёт, не отыщешь! – изрёк кто-то из пехотинцев Тарнопольского полка.

– Зато крови видно не будет, – парировали ему из рядом идущего батальона Симбирского полка.

Граф Ливен подъехал на коне к командиру армейского корпуса барону Остен-Сакену:

– Ваше высокопревосходительство! У моих солдат отсырел порох. Что прикажете делать, как атаковать неприятеля?

Генерал от инфантерии взглянул на тридцатидевятилетнего выходца из Лифляндии: волнистые рыжие волосы, рыжие брови и ресницы над почти круглыми голубыми глазами, длинные бакенбарды и чуть раздвоенный мужественный подбородок. «Однако он уже граф, а я старше его, но всё ещё барон», – мелькнуло в голове.

– Приказываю атаковать смело, без выстрелов, со штыками наперевес, с барабанным боем и музыкой! И помните: на нас смотрит сам его императорское величество! Не осрамитесь! – сказал Остен-Сакен.

Такой же приказ получил и князь Алексей Щербатов: Фабиан Вильгельмович решил произвести впечатление на Александра I. Оба командира штурмовых колонн вернулись к своим наступавшим частям.

Ветер бил атакующим в спину, это облегчало движение, метель не так слепила глаза, но всё равно полки шли вперёд почти вслепую. Но вот прозвучала команда, и гул ветра и чавканье тысяч сапог по сырой глинистой, чуть прикрытой мокрым липким снегом полевой дороге разорвал сухой треск барабанов, а затем послышались звуки флейт, и 11-й пехотный корпус зашагал ритмичнее, увереннее. Не отставал и скрытый за белой вьюжной завесою 6-й пехотный корпус: где-то правее тоже громыхнула барабанная дробь, флейтисты изо всех сил выжимали из своих инструментов бравурную мелодию. Так продолжалось несколько минут.

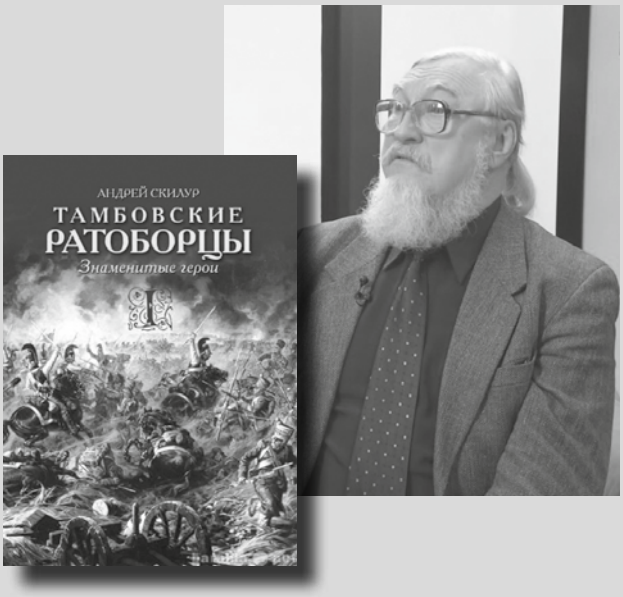
И вдруг равнину перед селением Ла-Ротьер, где, напряжённо всматриваясь в сплошную стену падающего с невидимого неба противного, надоедливого снега, стараясь определить направление русской атаки, застыли в строю французские пехотинцы, это поле брани, превращающееся в поле чести и отваги, огласила молодецкая, удалая русская песня! Это шёл Днепровский пехотный полк из 18-й дивизии генерал-майора Пантелеймона Егоровича Бернадоса, и его пример поднял дух как шагавшим рядом с ним Тамбовскому и Костромскому полкам, всему 6-му пехотному корпусу князя Щербатова, так и войскам графа Ливена. И никакое завывание ветра, никакая метель не смогли заглушить боевую поступь русских ратоборцев!

– Вот, ребята, так-то и помирать не страшно, а? С музыкой да с песней – хоть в огонь, хоть в воду! – ободрял своих солдат командир 27-й пехотной дивизии генерал-майор Максим Ставицкий.

Русские корпуса приближались к Ла-Ротьеру. Когда французские пехотинцы маршала Виктора наконец разглядели плотные ряды войск фон Ливена и князя Щербатова, они не смогли открыть огонь – у них тоже отсырел порох.

– В атаку, братцы! В штыки, вперёд! – скомандовали полковые начальники.

В центре деревни, где дорога входила в неё и становилась улицей, ударили 10-я, 16-я и 27-я дивизии Ивана Ливена, сам граф вёл их



В августе 2021 года известный тамбовский писатель, журналист, историк и краевед, член Российского союза писателей Андрей Скилур-Хазиев выпустил в свет третий том своих военно-исторических рассказов «Тамбовские ратоборцы». На этот раз книга впервые посвящена только забытым героям – защитникам Отечества, впервые это семейные хроники, посвящённые представителям целых дворянских семей – Головиных и Можаровых, участникам многих войн и сражений, храбрым офицерам и генералам Русской императорской армии.

Это уроженец Петровского района Тамбовской области, участник славного Синопского сражения и героической обороны Севастополя лейтенант флота Головин, выходцы из Елатомского уезда (ныне Рязанская область), представители рода Головиных – потёмкинский кирасир, морской десантник, артиллерист, казачий войсковой старшина, пехотный полковник, а также их родственники и потомки.

Это и выходцы из Шацкого уезда (ныне тоже Рязанская область), представители рода тамбовских Можаровых – прапорщики, корнеты, подпоручики, поручики, штабс-капитаны, их родственники и потомки, в том числе известный на Тамбовщине заводчик И. П. Можаров и первый конструктор советских мотоциклов «Иж», использовавшихся в годы Великой Отечественной войны, П. В. Можаров.

Предлагаем читателям два отрывка из новой книги.

на врага. Наступавших встретила густая, как у гигантского ежа, игольчатая синяя преграда – это сплошными и, казалось, непреодолимыми рядами встали против россиян французы, их острые штыки грозили смертью. Но где только не показал свою силу и ловкость русский штык!

Вот дрогнули, повалились на своих стоявших сзади товарищей передние ряды – словно штакетины забора под напором урагана, и по ним, окровавленным и ещё не мёртвым, пошла на второй ряд зелёная волна русских бойцов – зелёные мундиры на синие. И второй ряд был сметён, и третий... Но французский маршал Виктор, помня своё обещание Бонапарту любой ценой удержать Ла-Ротьер, посылает всё новые и новые пехотные батальоны. Рукопашная схватка на окраине селения становится всё жарче, крови на тающем снегу – всё больше...

От автора. *Русские воины умирали, но в эту крещенскую ночь им не было страшно: Европа ложилась к их ногам, и они знали – за ними правда и Бог, за ними стояла Великая Россия и её вечная память о своих героях...*

КОЗЛЁНОК ВАСЬКА

...13 марта под Фер-Шампенуазом союзники разгромили корпуса маршалов Мармона и Мортье, в бою полегли все дивизии Национальной гвардии Франции. Началось генеральное наступление на французскую столицу. Войска генерала от инфантерии барона Ф. В. фон дер Остен-Сакена двигались по дороге от Шалона до Боржера, в их авангарде шли кавалерийские части барона Ф. В. Корфа и князя И. В. Васильчикова 1-го. Силезская армия генерал-фельдмаршала Г. Л. фон Блюхера (100 тысяч воинов, из них 63 тысячи русских), обогнав Главную армию генерал-фельдмаршала К. Ф. Шварценберга, вплотную приблизилась к передовой линии обороны города Парижа, освобождение Европы от наполеоновской деспотии стало неизбежным.

Погода благоприятствовала освободителям, будто сам Господь наградил их за все преодолённые муки, за ту святую кровь, которую больше других пролили в своём Заграничном походе за чужую свободу русские воины: весна полностью вступила в свои права, небеса очистились от туч и сияли, как голубой сапфир, горячее солнце пригревало землю, из которой спешили показаться на свет первые травинки, прохладный ветерок освежал потные лица солдат, и в воздухе витал запах Победы!..

Ещё где-то на дорогах войны кто-то из русских пехотинцев заприметил бездомного беленького козлёнка и пожалел его, взял с собою. Солдаты кормили и холили истощавшее животное, оно напоминало бывшим крестьянам их сельскую жизнь, покинутый дом, и козлёнок отвечал на ласку и заботу своей преданностью, бежал за взводом, как собачонка. Взводный командир поначалу ругал солдат, ругались и другие офицеры – ротные и полковые, но приютивший козлёнка взвод верил в то, что животное приносит ему удачу: говорили, что однажды во время боя Васька – так звали его солдаты – своим громким блеянием показал, где остался лежать сражённый врагом, но живой младший унтер-офицер, прибежавшие пехотинцы вынесли раненого с поля битвы, он вернулся потом в строй, и с тех пор во взводе никто не погиб. Так солдатский любимец и жил в полку и считался его талисманом. Теперь, весной 1814 года, козлёнок Васька вырос в крупного бородатого козла, он смело шагал через запрудившие дорогу колонны русских войск. Что там полк, вся дивизия знала Ваську! Солдаты показывали на него пальцем и, смеясь, кричали:

– А ну, братцы, расступись! Направо, налево раздайсь! Энто наш Васька идёт в Париж! Буонопартию тапереча конец!..

Солдатские глаза светились счастьем, предчувствием скорого конца войны, ожиданием Победы и возвращения домой: пусть ещё и не в родную деревню, но в родную, так часто являвшуюся во снах, два года ожидавшую их Россию! Однако русским войскам ещё предстояли тяжёлые бои за Париж, и не всем суждено было вкусить сладкие плоды торжественного парада по его улицам...

От автора. *А он, парад Победы, всё же состоялся в Париже, и это случилось 19 марта 1814 года – в православное Светлое Христово Воскресение. Французам и Европе не любы воспоминания об этом дне, но русские-то его помнят!*

Андрей СКИЛУР-ХАЗИЕВ

Иван НЕЧИПОРУК

Горловка, Донбасс

Родился в 1975 году в городе Горловке Донецкой области УССР. В довоенном прошлом шахтёр. Выпускник Горловского института иностранных языков (бакалавриат) и филфака Славянского ГПУ (специалитет). Заместитель председателя Межрегионального союза писателей, член Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Редактор донбасского литературно-художественного журнала «Пять стихий». Автор нескольких книг стихов, публицистики и прозы.

ПТИЦЫ

Вылетают птицы из гнезда,
Кто-то в Вечность, кто-то в Никуда,
Закрывая прошлого страницы...
Расстояний, расставаний птицы
Улетают, тают, как года.

Обречённо мы глядим им вслед
И надеемся, что им положен свет...
От гнездовий ветрены дороги,
Птицы тоже платят в жизни многим
И в конце за всё дают ответ.

НА ДРАКОНЬЕЙ СКАЛЕ

О. О.

Над осенним Семигорьем благодатная погода.
Мы с тобою на вершине, а внизу петляет Рейн.
Наслаждаясь ясным полднем,
словно листья на свободе,
Мы купаемся, как в неге, в золотистом октябре.

А река ползёт Фафниром,
чешуёй в лучах искрится,
Оставляя нам с тобою желтоглазую печаль.
Твои волосы на солнце словно
взмах крыла жар-птицы,
Что стремится светом влиться
в позолоченную даль.

ЕСЛИ Б НЕ ТЫ

Елене Н.

Андреевской церкви на солнце горят купола,
Но мне неуютны барочные хмурые своды.
Пройдёмся по спуску, где дышится
в полдень свободно,
Где города змиева осень легка и светла!

Пусть машут каштаны своей обречённой листвой,
Пусть камни брусчатки на солнце агатом искрятся!
Андреевский спуск. Дом Булгакова –
номер тринадцать,
И старая липа, парящая над мостовой.

Я город когда-то любил наблюдать с высоты,
Пока в моей жизни судьба не проела прореху...
И если б не ты, я сюда ни за что б не приехал!
И множество прочих условностей: «если б не ты!»

ИЗГИБ ОКИ

Застыл октябрь. Изгиб Оки в Поленово,
Здесь стойкий аромат увядших трав.
И листья клёнов ветер, пролистав,
Уносит светлый миг благословенного
Осеннего тепла сквозь звень дубрав.

И тают у реки леса усталые.
А за обрывом – луговая даль.
И неба безупречная эмаль
В закатный час зардеет краской алою
И птичьим клином оборвёт печаль.

* * *

Пресыщенный мир утомился от жгучего света,
Кипит в джезве дня раскалённо-багровое лето,
И камни, и люди дуреют, впитав этот жар,
Безумная нищенка лупит рукой тротуар
И гневно кричит на упавшую в кружку монету.

А время смущённо и жалко подходит к обеду,
Измучены люди, собаки и велосипеды,
От буйного зноя спасенья на улице нет,
И кажется, час продолжается тысячу лет,

А дикий июнь, словно хищник,
крадётся по следу.

Короткие тени деревьев испуганно тают,
Жара липнет к телу, как будто кираса литая.
И город, как цельно-горячая глыба, лежит,
А в небе расплавленном плавают вяло стрижи,
И мысли о грозах в безумии дня прорастают.

АТЫ-БАТЫ

Аты-баты, шли ребята
Через душный край степной.
Автоматы, добробаты –
Опалённые войной.

Шишел-мышел, был да вышел –
Что ни шаг, то плач да кровь.
Вновь стучит шрапнель по крыше,
Лучше ей не прекословь.

Тары-бары, стон гитары,
Плачет Каин – ты не верь...
Ждёт последнего удара
Утомившаяся смерть.

РАСЦВЕТШИЙ ИЮНЬ

Июнь расцвёл – не передать в словах:
Бревно из бруствера пустило в рост побеги,
Окопы захлестнула мурава.
Земля кружилась, словно голова,
И время ехало на солнечной телеге.
Стеной взошли чабрец и молочай,
Был мир в тот миг почти что идеален.
Войною пахло как бы невзначай,
Спадал ремень с натёртого плеча,
И ангелы-жнецы обстрела ждали.

* * *

Когда земля уходит из-под ног,
Качаются деревья и строенья,
И рвутся ленты скрещенных дорог,
И кажется, что этот мир оглох,
И чёрный рок кружит крылатой тенью.
Тогда твой страх и смутная тоска,
В скрижали дня записанные слитно,
Провалятся в грохочущий раскат.
И просвистят, как пули у виска,
Такие запоздалые молитвы.

* * *

Моим родителям

Здесь запах тополей родней
И ярче звёзды.
Я на исходе светодней
Ловлю течение теней
Под грохот грозный.

За перелесок нет пути,
Ни вдоль, ни между,
И здесь покоя не найти,
И лишь пока Дзержинск затих,
Дышу надеждой.

Обрыдло всё давным-давно...
Безмолвность улиц
Не объяснить глубоким сном,
Ночами страх стучит в окно,
Но чаще пули...

* * *

И снова бой с дремучей тьмой,
Где даже свет рождает тени,
Где время пыльной пеленой
Становится худой молвой,
Рождая страхи и сомненья.

Но прорастёт сквозь мглу ответ
Под шум дождя и крики чаек.
Волна, зализывая след,
Тебе прошепчет: «Счастья нет
Там, где его не замечают».

Виктор УСОВ

УССУРИЙСКИЙ ФРОНТ

НАЧАЛО: 3 ИЮЛЯ 1918 ГОДА[1]

1 О первом боестолкновении с чехословацким корпусом под станцией Надеждинской известно из книги В. П. Голионко «Таёжные походы» (М.: Изд-во «История гражданской войны», 1935).

Железнодорожная прогулка к месту развёртывания заняла у доблестной роты далеко не полтора часа, обещанные железнодорожным расписанием. Уж утро следующего дня забрезжило в замызганном оконце туманной серостью, а теплушки с дружинниками всё ещё катили в неизвестность. Неопределённость гремела артиллерийской канонадой. Это большевики, заступив дорогу легиону, не позволяли мятежным чехам и словакам пробиться к Никольску-Уссурийску. Хотя, если начистоту, состав с земской ратью больше стоял на станциях, полустанках и разъездах, чем катил к фронту. То большевистские смутьяны опробовали приёмы саботажной борьбы на нервах солдат и офицеров земства. Однако хорошо всё, что хорошо кончается! Как завершилась и эта езда. Красные бандиты не пустили воинский эшелон под откос. Вагоны с живой силой не обстреливали из придорожных перелесков. Никто из новоявленных дружинников не отстал от поезда.

Лишь одна неприятность докучала в дороге вернувшемуся в строй поручику Розену. Имя ей скука! Выяснилось, что за краткое время мирной жизни бывалый воин отвык от фронтовых обычаев. Заплыл домашним жирком. Как зубоскалил ротный острослов: «Уж лучше не свыкаться, коли нужно расставаться!» – помаявшись для блезиру дурью... надуманными заботами. Офицер подточил цветные карандаши, сложил гармошкой вдоль полосы действий роты полевую карту, разобрал-собрал-протёр револьвер, перетряхнул барахлишко в вещмешке – переделал всё, и, окончательно загрустив, поручик надумал вздремнуть. Прошлый окопный опыт подсказывал ему, что это верный способ скоротать время в пути. Бросив шинельку на нары, герой с именем благоверной супруги на устах прикорнул.

Командирский сон чуток. И не только ухом. Когда ротному почудился запах давленых клопов, он тотчас смикитил: «Коньячное d'ambre!» – и приоткрыл один глаз. В медной кружке, приставленной к его носу, плескалась пахучая жидкость. Над подношением белело счастливое лицо младшего ротного офицера. «Это божье наказание, а не помощник!» – подумалось Розену.

Разбудивший его подпоручик Лешкевич-Зенович-Ольненский, сиял как начищенная полковая труба. Сергей Иеронимович находился в отличном расположении духа и, баламутя содержимое «братины», «извлекал душу "конины"» – его аромат.

– Вы слышите этот букет? – спросил ротного командира мушкетёр, ветреник и красавец блондин с прозрачно-синими очами, каких рождает только Полесье. – Пахнет солнечной Францией… – родственника князей Друцких-Любецких («Из Рюриковичей!» – как любил к месту и не совсем рекомендоваться баловень светских львиц, любимец высшего общества и душа офицерского собрания) нынче распирало от осознания своего возвращения в действующую армию.

Розен было рассердился, однако, припомнив волнения, сомнения и радость, испытанную перед строем нижних чинов после долгого перерыва в службе, строгий командир смягчился. Со сна хриплым голосом «отец родной» озаботился состоянием подчинённого:

– Что с вами, подпоручик?

– Ростислав Родионович… голуба. Командир мой дорогой! – пьяненько всхлипнул помощник. Поручик скривился. Изливавшийся из груди Лешкевича-Зеновича-Ольненского спиртуозный дух хотелось заесть маринованной луковкой.

– Сергей Иеронимович, батенька, помилуйте! Когда ваша милость успела так надраться? – негодуя, вскипел Розен. – С полчаса назад я прикорнул, просыпаюсь, а вы уже лыка не вяжете!

Как бы между прочим – нижним чинам предосудительно встревать в разговоры офицеров, – помешивая уголья в буржуйке, дружинник земства рядовой Семён Курочкин брякнул:

– «Солдат с ружьём братается, от котла наедается и дымом согревается!» – Вестовой Курочкин в роте числился записным балагуром. Холщовый сидор Курочкина вместил в себя не только «шильце, мыльце, брильце да шнурок от порток», но и добрую пачку почтовых открыток времён германской войны. Милых его сердцу картинок с поговорками и прибаутками.

Пьяный подпоручик глянул на словоохотливого дружинника, «аки солдат на вошь», и, гаденько хихикнув, приказал:

– Курочкин! – Услыхав свою фамилию, Семён затворил топочную дверцу буржуйки и, откликаясь по артикулу, вскочил с чурбака. Каменея лицом, вестовой вытянулся в струнку: руки по швам, пятки вместе, носки врозь. – Отставить изрыгать лукавство!

– Слушаюсь, ваше благородие! – гаркнул старослужащий.

– Лучше, братец, – «одна нога здесь, другая там!» – сгоняй до каптенармуса! – Подпоручик обернулся к командиру, присевшему на краешек полатей. – Мы с их благородием господином поручиком желаем отметить наше возвращение под воинское знамя! – пошатывающийся Рюрикович развёл руками. – А закусывать… – надув щёки, Лешкевич-Зенович-Ольненский прихлопнул их ладонями, фыркнув на манер жеребца, – соломой мы не умеем-с! Извиняйте, из стрелков-с! В кавалериях не служили-с!

Затаившаяся по ярусам нар «серая скотина» просто буравила Розена испытующими взглядами, и поручик решил не строить перед подчинёнными «буку». Этакого тирана в погонах. Свести вызывающий проступок младшего офицера к шутке, оставив объяснение этого конфуза на потом. Приняв решение, ротный подал голос:

– Дружинник Курочкин!

Замерший, как в строю, вестовой отрапортовал:

– Я!

– Отставить каптенармуса!

– Есть отставить каптенармуса! – подтвердил команду дружинник.

– Семён, оставайтесь при печке! Поставьте чай, а за продовольствием… – ротный командир

осмотрелся по углам. – За харчами отправится дружинник Тихомиров!

Назначенный нижний чин, откликнувшись:

– Я! – заверил командира в своей сметливости. – Всё будет исполнено точно и в срок!

Довольно хлопнув в ладоши, подпоручик дополнил командирский инструктаж:

– Братец, будь настойчив в вагоне чудес полкового Али-бабы! Помни! Боевые товарищи ждут тебя с трофеями. Не подведи их...

Дружинник улыбнулся:

– Не сомневайтесь, ваше благородие! Исполню в лучшем виде. – И, юркнув в окно, Тихомиров загремел подковками ботинок по крыше вагона. Проводив посыльного, подпоручик подсел на нары к отдыхавшему от осточертевших сапог ротному командиру. Дрыгая и болтая сопревшими ступнями, босоногий поручик шевелил в своё удовольствие синюшно-красными пальцами.

– Ростислав Родионович...

Розен откликнулся:

– Я вас слушаю, Сергей Иеронимович!

– Покорнейше прошу вас извинить меня за фарс! – склонивши голову, покаялся заместитель ротного командира. – Согласен! Выходка дурацкая... но бес попутал. Сами понимаете, может, на следующей версте нам вместе идти в бой, а мы, сударь, толком не знаем ни друг друга, ни бойцов...

– Ну да... – буркнул в нос потянувшийся за портянкой командир.

– Не притёрлись...

Желание уязвить негодного мальчишку заставило Розена отставить обуваться:

– Вы полагаете...

Но помощник поспешил заверить поручика:

– Я и в мыслях не держал пить в одиночестве! – Розен вопросительно вскинул бровь. – Истинный крест! – как на икону, на командирскую гримасу побожился подпоручик. – Ополоснул рот нектаром и...

– Сплюнул! – съязвил Розен.

Краснея, подпоручик смешался:

– Не то чтобы плюнул... – плут и в мыслях не держал плеваться подобными напитками, – сглотнул... нечаянно!

– Изволили шутки шутить, сударь! – посетовал ротный, и подпоручик повесил буйную головушку. – Удачно?

– Извините?.. – не понял насупившийся подпоручик.

– Результат удовлетворил вашу милость?

Краснея, Лешкевич-Зенович-Ольненский кивнул. Розен улыбнулся. Взяв отставленную кружку, ментор заглянул внутрь. Тёмно-жжёная, тягуче-густая, томно-вязкая жидкость плескалась на дне банальной солдатской посудины. Сглотнув слюнку, поручик, не глядя на проштрафившегося помощника, выхлебал из неё всё содержимое без остатка. По-мужицки утирая ладонью губы, оскоромившийся, подвёл черту под инцидентом:

– Отдаёт «Кизляркой»!

Оживая, подпоручик хитро сверкнул прищуренным глазом:

– Вот жила!

Сразу не сообразив: «Кто жила?» – Розен сурово глянул на подпоручика. Передразнивая шельмеца, всучившего ему «не тот» напиток, помощник изобразил южный акцент продувной бестии:

– «Берите, ваше благородие, не пожалеете! Эриванского розлива, от самого Шустова. Из прежних запасов!»

Оценивая испитое, Розен почмокал губами. Нет, в напитке не чувствовалось привычных ноток элитного бренди. Можно было настаивать на выводах своей дегустации:

– Определённо, подпоручик, сей виноградный спирт выжгла винокурня господина Тамазова! – Офицеры дружно засмеялись. – Возможно, Сергей Иеронимович, этот Fine Champagne[1] «женили», разбавив «живую воду» армянским нектаром для придания продукту пикантного послевкусия, – командир подмигнул младшему офицеру. – Быть может, сударь, если вы плеснёте в кружку ещё «на донышке», я смогу лучше различить, в чём тут подвох. – Поручик про-

[1] Fine Champagne – «Финь-Шампань», смесь коньячных спиртов eau de vie («о де ви» – «живая вода»), производимых в окрестностях города Коньяк.

тянул кружку, подставляя её под булькающую из бутылочного горлышка влагу.

– Извольте, сударь! – объявил виночерпий. – Можете приступать к дегустации!

Над их головами раздался грохот. Дружинник Тихомиров возвращался с продуктами.

* * *

Освобождаясь от излишков пара, паровоз «чухнул», заскрежетал тормозами и встал. Под лязг буферов и звон ударно-упряжных сцепок состав напоследок перетряхнуло. И всё! Дорога на войну закончилась. Отряхивая с галифе и гимнастёрки соломку, из дверей вагона выглянул фельдфебель Плахов. Огляделся, присвистнул, объявил:

– Ваше благородие, кажись, прибыли!

О том, что они у места назначения, офицеры догадались и без подсказки нижнего чина. На подъезде к пункту развёртывания влажный ветер не только заносил в распахнутые теплушки таёжный дух и уханье разрывов ближнего сражения, но и тащил внутрь гарь пожарищ, вонь карболки и запах подгоревшей каши. Оно и понятно, впереди их ждал военный лагерь. Прибывший состав упёрся паровозом в хвост эшелона чехословацкого корпуса. По обе стороны путевой насыпи кем-то непутёвым было разбито картофельное поле, ныне вчистую вытоптанное тяжёлой солдатской обувкой. Серую пыль низины с повыдерганной вялой картофельной ботвой охватывала в пригоршню череда поросших дубравами холмов. Вдоль лесных опушек тянулись ряды полотняных армейских шатров. Белые палатки лазарета расчерчивали красные кресты. Чёрные котлы полевых кухонь присели под тяжестью сизых дымов. Ожидая свой черёд, замер строй орудийных передков с зарядными ящиками. Штабеля крашеных деревянных коробов с боеприпасами и запасным оружием обходил одинокий часовой. Чуть в стороне армейского имущества вышагивали строем его товарищи-легионеры в серой форме. Те, что который день без толку толкли в прах приморскую землю, но и на пядь не продвинулись к Никольску-Уссурийску.

Над бивуаком союзников день и ночь висело мучнистое пылевое облако. Припорошивший лесную зелень земляной тлен проникал под солдатскую форму, лез в глаза, старил волосы. Забиваясь в рот и нос, пыльная мучка затрудняла дыхание легионеров и, противно скрипя песочком на зубах, отбивала у служивых охоту есть. Неглубокие братские захоронения смердели мертвечиной. От дурно стиранных бинтов, лазаретных корзин с отнятой или иссечённой плотью несло кислятиной загустевшей крови. Превратившиеся в гигантский человеческий нужник ближние перелески исторгали из кустов гадкий дух испражнений. Давая понять, чем «пахнет» предбанник войны, лагерная вонь коробила нервную систему прибывшим земцам.

Если в лагере смердела жизнь, за курчавым дубняком невысокого хребта гуляла сама Смерть, и от её шагов здесь, под солдатским постоем, дрожала земля. То на чьи-то горемычные головы сыпались орудийные бомбы. Бухаясь оземь, рвались окаянные в железную щепу, разя в округе всё и вся. Погибели этого было мало! Скаля зубы, Костлявая, заливаясь трещоткой пулемётов, истово водила палкой по своим истлевшим рёбрам, меча в людей свинцовый горох. Нахохотавшись хлопками ручных гранат над окровавленными, пробитыми, изорванными трупами, Курносая, щёлкая костяшками пальцев, гремела ружейной пальбой. Своих жертв старая карга предпочитала бить наверняка, под обрез грудины.

Там, за лесистым перевалом, незваные чехи со словаками расплачивались жизнью за отправку домой. Вдосталь чужаки попотели кровушкой. Хозяева земли не желали жертвовать Отчизной на благо чужого дяди. Туда и направлялась рота земских дружинников поручика Розена. Ценой героизма русских солдат помочь иностранным легионерам прорвать оборону чумазых шахтёров Сучана и Зыбунного. Штыком и гранатой оттеснить с рубежа деповских мастеровых в промасленных спецовках и пропахших своим и конским потом казаков Вольного стана. Всех тех соотечественников, кто думал о судьбе России несколько иначе, чем

Розен с товарищами, готовыми идти супротив соплеменников на смертный бой.

Увидав, что, путаясь в сабельных ножнах, вдоль вагонов насыпью уже бежал офицер связи, ротный подал голос:

– Плахов, командуйте разгрузку!

Когда австро-венгерское кепи спешившего сравнялось с подошвами сапог стоявших у края теплушки офицеров, посыльный козырнул:

– Капитан Заборский! – Русские командиры ответили на приветствие. – Господ офицеров срочно требуют в штаб полка!

Сырой лесистой тропой капитан Марек Заборский провёл Розена с помощником к штабной землянке наступавших легионеров. Сооружение размещалось в затенённой седловине сопки, от подножья которой во всю обозримую ширь разбегалась долина. По холмистой местности густая зелень перелесков чередовалась со стоялой желтизной луговых трав, и эту пастораль рассекали коричнево-галечные берега множества струящихся на встречу с Амурским заливом хрустально-белых стремительно-прозрачных речушек.

Входя на командный пункт, офицер связи звонко представил прибывших:

– Господин полковник, офицеры приданной штурмовой роты!

Склонившаяся над оперативными картами буквой Z главная фигура штаба неспешно повернулась к вошедшим. Оглядев подоспевшее подкрепление, военачальник кивнул капитану:

– Свободен! – и, представляясь, протянул поручику руку. – Полковник Казимир Радивоевич! – Ладонь тактика была суха и холодна. Собираясь отрекомендоваться, Розен напряг грудь, но говорить не пришлось. – Господа офицеры, – объявил легионер, – обмениваться подробностями биографий будем после победы. В ресторациях Никольска-Уссурийска! – Если рукопожатие полковника было крепким и внушало уважение, пафосная речь легионера на ломаном русском языке была потешна. Однако ротным командирам было не до смеха. Полковник знал, что от них требовать: – Сейчас меня интересует только одно: когда вы, господа офицеры, сможете атаковать? – Судя по фамилии, легионер происходил из словаков. Поворотившись к русским офицерам тылом, перехваченным портупейными ремнями, сын иного славянского народа оказался лицом к топографической карте. На схеме наступления стоял большой бархатный футляр чертёжных инструментов, а сама карта пестрела цветными пометками. Выколупав ногтем из готовальни пару центриков, полковник объявил: – Вот здесь и здесь! – Радивоевич воткнул в намеченные участки обе кнопки. Вставив в углубления их головок ножку кронциркуля, истый штабист очертил малыми окружностями зоны предполагаемого прорыва вражеской обороны. – Вы взломаете укрепления большевиков! Следом в прорыв пойдут легионеры, и мы рассечём оборону красных, – стратег пристукнул ребром ладони по синей черте, обозначавшей передний край фронта, – вот так!

– Что ж, – с мрачным видом изрёк поручик Розен, – нам, господа, осталось сверить часы! – Одобрявший нормальную человеческую аккуратность, ветеран на дух не выносил европейский педантизм. Наблюдая, как, прикусивши кончик языка, полковник штрихует красным полосу соприкосновения его роты с обороной противника, поручик содрогался от неприязни. Марать землю под ногами его роты красным – чистое кощунство! Однако словаку было мало дела до чужих переживаний. Полковник спешил домой. Если он не оттеснит большевиков от Никольско-Уссурийского железнодорожного узла, не разблокирует Транссиб, к трюмам американских, британских и французских судов не доедут тысячи его соплеменников и сотни тысяч пудов награбленных богатств. А царское золото ох как ждут в Праге и Братиславе.

– Время вашего выступления, господа офицеры, – на запястье Казимира Радивоевича блеснуло стекло американских часов, – в половине...

– Господин полковник! – Радивоевичу помешали высказаться. – Разрешите внести поправки в план наступления! – Вольнодумство младших по званию не допускалось в Австро-Венгерской армии. Оттого, опешив, полковник Чехословацкого легиона забыл, что

хотел сказать, и застыл с открытым ртом. – Для успешного использования приданных вам, господин полковник, сил как минимум нужен сопутствующий алгоритм действий.

– Алгоритм! – багровея лицом, Радивоевич, схватив со стола разметочный циркуль, принялся равнять высоту его ножек-иголок.

– Массированный артналёт и выставление дымовой завесы!

Ему перечил русский наглец, и мысли полковника путались. Математический ум слушателя Берлинской высшей технической школы охватило смятение. Он поэтапно вычислил-выстроил наступательное продвижение войск. Вроде бы учёл всё, был скрупулёзен в мелочах – и нате вам! Эти русские путаники рушат все его ладные построения! Когда он в сердцах кинул на стол с картами, схемами, планами чертёжный инструмент Reißzeugfabrik E. O. Richter & Co[1], полковничьи пальцы дрожали от возбуждения. Чехословацкий офицер холодно осведомился:

– Аргументируйте ваши возражения, поручик! Однако помните, начальник штаба корпуса генерального штаба генерал господин Дитерихс изволит меня подталкивать в спину.

Ответ не заставил себя ждать:

– Можете сообщить в ставку главного командования, господин полковник: основаниями задержки являются мой двухлетний фронтовой опыт, ранения, контузия и отравление газом.

* * *

По возвращении отцы-командиры застали нахохлившихся дружинников своей роты сидевшими рядком на железнодорожной насыпи. Освободившиеся вагоны уже отогнали в тыл, и на путях под парами стоял бронепоезд. Крашенный в защитные тона монструозный механизм, грозящий белому свету жерлами орудийных башен и торчащими из амбразур бронированных колпаков и бортовых бойниц смертоносными рылами пулемётов.

– Ваше благородие! – из люка верхней орудийной башни ротных офицеров приветствовала широкой улыбкой голова непоседы Кузьмы Плахова. – Гляньте на это чудо-юдо! – Плахов похлопал ладонью по крутым башенным скосам. – Какая силища! – Щербатое лицо фельдфебеля с полосками белёсых бровей, облупленный нос картошкой, красные оттопыренные уши и даже обвисшая на тех «лопухах» вылинявшая фуражная шапка свидетельствовали: Кузьма был счастлив! – Останусь жив, ей-ей, запишусь в команду этого броненосца! – На вольности нижнего чина поручик Розен ограничился лишь злым взглядом, а подпоручик Лешкевич-Зенович-Ольненский призывно махнул рукой.

– Слезайте, Плахов! Право слово, Ростислав Родионович, не фельдфебель, а дитё малое!

– Сергей Иеронимович... – поджавши губы, обмолвился поручик.

– Мы ждём вашего доклада! – уже строже прикрикнул подпоручик и посетовал: – Революция, господин поручик, окончательно задурила людям голову.

Соглашаясь с неутешительным выводом младшего ротного офицера, ротный командир пожал плечами:

– C'est la vie de monsieur[2]!

Продолжая сетовать:

– Хороший солдат, но чувство меры уже потерял! – Подпоручик обернулся к спрыгнувшему с бортовой скобы Плахову и звенящим шёпотом потребовал объяснений: – Вас, фельдфебель, оставили при роте, а вы...

Ему выговаривали, а взмыленный от лазанья по лестницам, трапам и щелям сухопутного броненосца фельдфебель улыбался. Кузьма не умел иначе! Улыбка на все случаи жизни была его защитой. Как броневой лист для «кипятившегося» маневрового паровоза за его спиной.

– Ваше благородие, всё готово к маршу! – браво отрапортовал Плахов. – Боепитание наличествует, бомбы розданы, дружинники вон сидят и от нетерпения жуют травинки!

Мучимый удушьем Розен с осторожностью вдохнул полной грудью. Его травленным германским газом лёгким от самого дома недоставало воздуха. С грехом пополам кислород

[1] Reißzeugfabrik E. O. Richter & Co – завод чертёжных инструментов «Эмиль О. Рихтер и компания». Фирма основана в 1841 году.

[2] C'est la vie de monsieur – такова жизнь

вдыхался куда следует, но дальше дело не шло. Воздушная смесь не растворялась в крови. А значит, поручик задыхался. А тут! Ни жжения в трахее, ни покалывания в бронхах, ни клёкота в плевре. Офицер приободрился. С прищуром из-под козырька приставленной ладони он окинул взором лесное приволье. День выдался ведренным, под голубым благолепием небес тратить силы на попрёки не хотелось. И на кой ляд, спрашивается, ему в роте нужен подпоручик! Пускай призывает к порядку их расхлябанное воинство... покуда, любуясь божьим привольем, начальство не надышится до звона в висках.

Чтобы сложить голову «за правое дело», этот июльский день действительно задался на славу. Да и час настал подходящий. Выкатившись в зенит, яростное солнце заливало светом весь приморский мир. Подняв маньчжурское небо на невероятную вышину, пушистые облака наполнили пространство меж ним и землёй прозрачно-свежим воздухом. Раздвинувшись на всю доступную ширь, горизонт уступил место суровой черноте дальних и ближних гор, малахитовой зелени лесов, изумрудно-сочным луговым травам. Сухой жар середины лета обрызгал травы подле комлей шелестящих листвой березняков-осинников кляксами белых, красных, жёлтых и синих полевых цветов. Летняя пора напустила на их нежные соцветья белых, жёлтых, пёстрых и чёрных бабочек. Ясные погоды способствовали разноголосым птичьим переливам и хоровому цвирканью кузнечиков.

Чувствуя прилив сил, Розен окликнул смурого фельдфебеля, внемлющего наставлениям его помощника:

– Плахов!

– Слушаю, ваше благородие!

– Платформу с гаубицей выкатили на позицию?

Плахов подтвердил, что переднюю орудийную платформу отцепили от бронепоезда и откатили за поворот:

– Туда, – фельдфебель указал пальцем, куда именно, – отсюда не видать!

Ротный сделал первый шаг вдогонку за артиллеристами.

– Подпоручик, – уже на ходу он отдал распоряжение по роте, – прикажите бойцам строиться и выдвигайтесь по насыпи вслед за мной! – И велел Плахову: – Однако идёмте, фельдфебель, глянем, как там расположились пушкари!

Белая речная галька железнодорожной насыпи сухо хрустела под армейской обувкой. Шагавший Розен был сосредоточен и хмур. Ещё чуть-чуть, и станет понятно, чего стоят его затраченные на формирование штурмовой роты[1] труды. По численности, конечно, одно название, а не полнокровная боевая единица. Пустяшная горсточка башибузуков[2]. Едва полурота набралась. Одно утешение в помощь – заповеди великих предшественников: «Воюют уменьем, а не числом!» Чего уж сокрушаться, не больно много в области охотников добровольно записываться в смертники. Как про его подчинённых отзывался сам командующий Сергей Сергеевич Толстов: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах!» Топтать сапогами сыпучую гальку было неудобно, однако перед развёртыванием к атаке своего немногочисленного воинства командиру было желательно глянуть на пушку с её прислугой. От её успешного бомбометания зависело слишком много. Успех наступления господина полковника Радивоевича и жизнь доверившихся ему дружинников.

Отставая полшага от переживавшего свои думки офицера, с его левого плеча о чём-то бубнил Кузьма. Розен прислушался:

– Бронированный паровоз, ваше благородие, есть боевой пост командира! Стоишь в наблюдательной башенке и играешь в перебор распределительной доской. Жмёшь кнопки, а в нужном тебе месте от этой забавы цветные лампочки загораются. Поступил сигнал – пали из всех стволов! Однако электричество – это сила! Телефон-телеграф... или динамо-машина. Одна выдаёт ток всей железнодорожной боевой машине, – восторгу Плахова совершенством

[1] Штурмовая рота – выдумка периода германской войны не от хорошей жизни. Артиллерии катастрофически недоставало. Перед началом наступления специально отобранные солдаты (гренадеры) с гранатами, револьверами и ножами подбирались к вражеским окопам, подавляя в них сопротивление.

[2] Башибузуки – «сорвиголовы», иррегулярные войска в Османской империи.

смертоубийственной техники не было конца. – Засвистели пули, паровозная бригада опустила железные ставни с прорезями… – В горле хвастуна запершило. Откашлявшись и сплюнув в полынь гадкую пыль, фельдфебель продолжил распространяться о таившихся в бронированных вагонах чудесах. – Башня, а в ней трёхдюймовая орудийная установка без малого сто двадцать пудов весу! Что скажете, ваше благородие, если узнаете, что её проворачивает на специальных тягах один бомбардир-наводчик? Боекомплект тут же, у канонира под рукой, в особой камере под поворотным кругом.

Поручика утомил трёп Плахова, и он уточнил:

– Кузьма, мы идём в правильном направлении?

Плахову ещё о многом хотелось рассказать. И о паровом отоплении вагонов бронепоезда, их звукоизоляции, громкоговорящей связи и прочих бытовых удобствах на службе у его экипажа.

– Идём? – Кузьма сбился с мысли. Сообразив, что от него требуется, Плахов доложил: – Так точно, ваше благородие! Орудийный фейерверкер хвастал, что их команда спрячет орудие в складках местности. Так что, ваше благородие, нам прямая дорога за этот бугор! – И вновь под стопами идущих шелестит галька, а над ухом Розена нудит фельдфебель. – Бронеплощадка кроме башенной орудийной установки разделена пулемётными казематами. По шесть стволов на каждый борт. Во время стрельбы охлаждение пулемётов идёт из специальной водопроводной системы. Ежели вы, ваше благородие, полагаете, что солдат внутри того железа как сельдей в бочке напихано… – От удачного сравнения Плахов хохотнул. – Ваше благородие ошибается! Внутри сего грозного железа обретается три взвода. Ну и, само собой разумеется, паровозная бригада.

Наконец они пришли. Фельдфебель закончил трепаться, и взору Розена предстал сам «король битв». На обычной четырёхосной товарной платформе с металлическим кузовом системы «Фокс-Арбель», задрав пятидюймовый ствол с углом возвышения в двадцать градусов к приморским небесам, стояло казнозарядное, шестидесятифунтовое английское орудие MK I. Обложенное вкруг лафета мешками с песком, орудие изготовилось к бомбометанию. Кронштейны боковых бортов платформы уже были отданы, и откинутые борта опущены на подспорье из деревянных брусьев. На образовавшейся площадке орудийная прислуга (восемь душ: наводчик, замковый, заряжающий с помощником, установщик, снарядные, подносчик) могла свободно шуровать при орудии. Чуть в стороне, в кустах, поручик разглядел штабель сосновых ящиков с унитарными зарядами.

– Господа на экскурсию? – заметив посторонних с высоты платформы, их окликнул молоденький прапорщик. Девятый в обслуге – он же командир орудия. После его окрика из канавы, поросшей лещиной, на насыпь вылез позёвывающий часовой. Угрожая незнакомцам штыком, нижний чин подал положенную ему уставом караульной службы реплику:

– Стой, кто идёт?

– «Зимний холод, летний зной – всё снесёт наш часовой!» – отреагировал на подобное «рвение в службе» фельдфебель Плахов.

Воздержавшийся от замечаний Розен объявил заспанному растяпе:

– Поручик Розен, командир штурмовой роты! Прибыл к главному артиллерийскому начальству для согласования совместных действий. – На путях за его плечами показалась голова воинской колонны на марше. – Вон и младший офицер с ротой на подходе!

Артиллерийской позицией командовал прапорщик. Выученик Сергиевского артиллерийского училища оказался юн, свеж, белолиц и, на взгляд поручика, малоопытен в житейском плане. Зато, по слухам, прапорщик был зело сведущ в части стрельбы из две тысячи девятисотдвенадцатифунтовых осадных пушек Vickers Mk I.

– Господа офицеры, – со своих верхов откликнулся главный артиллерист, – честь имею, прапорщик Казаков Илья Николаевич…

Розен представился сам и начал рекомендовать командиру орудия младшего ротного офицера:

– Мой помощник подпоручик Лешкевич-Зенович-Ольненский... – Но подбежавший по его знаку Сергей Иеронимович встрял в это дело:

– Свойственник князей Друцких-Любецких, из Рюриковичей!

– Честь имею, подпоручик! – недостаточно знатный прапорщик виновато улыбнулся Лешкевичу-Зеновичу-Ольненскому. – Внучатый племянник генерал-майора Казакова, потомственный дворянин, землевладелец Бобровского уезда. – Родовитый подпоручик удовлетворённо кивнул головой. За личными рекомендациями последовал осмотр орудия, вверенного заботам прапорщика.

– Моё орудие, господа офицеры, по навесной траектории способно бросить на расстояние десяти тысяч ярдов заряд мелинита весом в полтора с четвертью пуда. – Командир штурмовой роты переглянулся с младшим офицером, и прапорщик спохватился: – Сами понимаете, господа, тактико-технические данные британские, – одетый в пошитую в Великобритании форму артиллерист по-русски развёл руками. – В пересчёте на наши длины выйдет девять вёрст... – ровных цифирь не сложилось, но отпрыск воронежских помещиков нашёл выход: – с небольшим гаком! Скажите, что вам, господин поручик, требуется перепахать в сих пределах, и я всё там разворочу.

Розен с сомнением глянул на Master Gunner[1]: «Больно молод, горяч, самоуверен. Не подвёл бы!» – и посчитал нелишним напомнить прапорщику о неудачах предшественников:

– В штабе наступления мне сообщили, что сломить сопротивление врага с наскоку не представилось возможным. Помешали какие-то «объективные обстоятельства». Однако командующий корпусом генерального штаба генерал-майор Шокоров отказал легионерам в этих оправданиях! Оставив два...

– Узнаю Владимира Николаевича, – зарделся румянцем прапорщик. – Крут без меры. Мой брат Аркадий служил под его командой. Говорил, что старик строг, но справедлив.

Розен оставил личные воспоминания артиллериста без комментариев:

– Помехами генерал признал земляные укрепления обороняющихся и мастерскую стрельбу их батарей!

На безоблачно радостное лицо прапорщика набежала тень сомнений:

– Да, да! Контрбатарейный огонь! Меня предупреждали, но я, простите, не учёл... – командир осадного орудия запнулся. Вид забывчивого «студента», от действий которого зависело практически всё, был пугающе комичен.

– О чём вы забыли? – ротный не на шутку взволновался.

– Хотел для корректировки огня подвесить на привязном аэростате наблюдателя с телефонистом-сигнальщиком. Вон там, в полуверстах, господин поручик, – Казаков махнул рукой, – стоит платформа с летучим пузырём и корзиной французской системы «Како». Союзники отслюнили от своих щедрот на общее дело! – Прапорщик по-простецки сплюнул с платформы в заросли чертополоха. – После вашего замечания, господин поручик, придётся выносить управление огнём ещё версты на две вперёд. Пожалуй, прикажу взводу охранения оборудовать земляной наблюдательный пункт в полосе наступления и поручу ординарцу-разведчику протянуть туда телефонный провод. Мороки, господа, с этой связью не оберёшься!

Розен глянул на стрелки часов:

– Управитесь за пару часов?

Ответом было утвердительное:

– Не извольте сомневаться! Вы, господин поручик, можете с ротой сосредотачиваться для броска, а я с Божьей помощью начну артналёт в запланированный интервал времени. Пристреляюсь, зачну интенсивное бомбометание, затем обрушу на передовую позицию вал огня. – Прапорщик не мог не похвастаться своим орудием. – До восьми выстрелов в минуту! Вы подымаетесь вслед за разрывами. Мне сообщают о начале атаки, и, выставляя дымовую завесу, я палю выстрел за выстрелом. – Вызубренный урок отскочил от зубов прапорщика. – Ничего не напутал?

Смеясь, Розен протянул юноше руку и, пожимая его узкую кисть, кивнул:

[1] Master Gunner – мастер-наводчик или стрелок. В Британской армии звание, равное прапорщику.

– Всё в точности, Илья Николаевич! Надеюсь, что наша общая попытка атаковать увенчается успехом!

– Тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить! – прапорщик трижды сплюнул через левое плечо. – Удачи, господа! – Офицеры распрощались, и Розен с подпоручиком Лешкевичем-Зеновичем-Ольненским и не отстающим от них Плаховым отправились к воинской команде. Они уже достаточно далеко отошли от орудийной позиции, но всё ещё могли слышать рассуждения главного артиллериста:

– Всё, да не всё! У малютки есть свои недостатки. Например, частые осечки… Или взять хотя бы проблемы с противооткатным устройством. Моя крошка не оснащена дульным тормозом!

Слыша такое, Розен, втянув голову в плечи, прибавил шагу. Настроение у него вновь испортилось.

* * *

Заплетённая колючим шиповником лещина, утыканная дьяволом шипастыми малиновыми прутами, не хуже колючей проволоки сдерживала движение дружинников, готовившихся к штурму. Хотя… лежать в канаве, укрывшись в зарослях крапивы, не одно и то же, что прикрывать голову ладонями под белыми разрывами бризантных гранат красной артиллерии. Чертыхаясь и поскуливая: кто-то умудрился умостить зад в изодранных чёртовым деревом портах на ежовом барбарисе, кто-то ожёг лицо, шаркнув щекой о шпорник, – гренадеры терпеливо ожидали команды идти убивать врагов и умирать самим. До той поры над целовавшим дёрн земским воинством носились в обе стороны огненные кометы орудийных бомб. Противоборствующие стороны обменивались артиллерийскими ударами. Стоило парочке таких «Змеев Горынычей» рухнуть наземь посередь пролёта, и командиру затаившихся в бурьяне бойцов некого было бы подымать в атаку. Но Бог до времени миловал земцев, греющих потными ладонями железные рубашки ручных гранат.

Между тем их враги там, на возвышенности, укрывшись за жёлтой глинистой полоской бруствера, вжимаясь в землю, ожидали атаку. Басившее до поры отдельными выстрелами орудие прапорщика Казакова завершало пристрелку. С разрывом каждой очередной бомбы орудийная прислуга гаубицы подправляла целик, и снаряды «ложились» всё ближе и ближе к большевистским позициям. Услыхав глухое «бум!», в окопах знали: жди гостинец! С приближением к месту падения в небесах нарастал вой и подсвист посланного «в белый свет как в копеечку» взрывного заряда. И – раз! Загудев, земная твердь под ногами сотрясалась от чудовищной силы взрыва. Вскинувши к небесам сотни пудов грунта, извергшая почву чудовищная сила, надсадно охнув, расшвыривала во все стороны камни, щепки и осколки металла. Затем наваливалась гнетущая тишина, и вознесённые подрывом тяжести с шорохом рушились обратно, хороня под обломками и землёй всё и вся.

Сквозь снарядный посвист, гром разрывов и грохот землетрясений поручик услыхал страстный шепоток: «Ни с небом, ни с ветром не дружись, а земли-матушки держись!» Поручик вздохнул: «Курочкин заклинает судьбу. Добрый воин», – подумалось Розену. В его собственной душе переживания о бренности всего сущего были загнаны понятием долга в отдалённые потёмки. В офицерской груди и без слезливых сомнений всё гудело от нервного напряжения. Он сделался сродни сдавленной до последнего предела пружине, и эта сила заполнила весь объём его тела. Если он сам не трясся от близости смерти, братья по оружию её страшились. «Боятся солдатушки, бравы ребятушки!» – поручик усмехнулся и, пересиливая застивший взор ужас, выглянул из укрытия.

Некогда зелёный луг пестрел чёрными плешинами снарядных воронок. Меж вывернутой взрывами чёрной землёй часто лежали серые трупы легионеров. То постаралась трёхдюймовая «коса смерти». Но теперь самих окопавшихся с той стороны поля большевиков ожидал час расплаты. Ответный огонь красных так и не нащупал позицию прапорщика Казакова. Теперь над их траншеями вырастали хмурые грибы разрывов. Дорвавшийся до прак-

тических стрельб «мастер-наводчик» Казаков позволил себе испробовать всё разнообразие имеющихся боезарядов. Безусловно, в его бомбометании преобладали фугасы, как только что прогудевшая над головой Розена дура, плюхнувшаяся подле водонапорной башни станции Надеждинской.

Шлепок падения. Секундная задержка. Треск разрыва. В небо взметнулся фонтан земли. С грунтом летят куски кирпича, расщеплённые брёвна, ошмётки человеческих тел и скотских туш, обломки орудийных ящиков и прочая мишура. Следом на пристанционную территорию налетает очередной заряд. Термитный снаряд господина изобретателя Стефановича, а может, и инженера Яковлева. Кто его знает, что было под рукой у заряжающего канонира. За полминуты до падения бомбы дистанционная трубка воспламенила порошкообразное вещество её начинки, и горящий огненный вихрь рухнул за бугор. В месте приземления «красного петуха» разгорелась огненная стихия чудовищной силы. Столб дыма и пламени показался над пригорком, и всполохи пожара озарили поле боя адским малиновым светом. Стоило жирной гари опуститься на позиции обороняющихся, как шлейф дыма и серого пепла разорвали белые вспышки бризантной шрапнели. Пришла пора окропить землю «красненьким». Вскочив в полный рост, Розен, срываясь на discantus, проорал:

– Рота, на штурм позиций безбожного врага, вперёд! – Подымая дружинников в атаку, подпоручик с фельдфебелем вторили его призыву. Гортанные команды пугали бойцов не хуже ора охочих до мертвечины ворон. Однако спины поднявшихся сотоварищей понуждали вставать самых робких. – Перебежками, вперёд, марш! – заходился в крике поручик.

Дружинники пробежали десяток саженей, когда в вымерших, развороченных артиллерией окопах оборонявшиеся, готовые стоять до конца, пересилив свои страхи, взяли наступающих земцев на мушку. Вжикнув, первые пули поразили вырвавшихся вперёд молодцов. Охнув или молча, как подкошенные, убитые и раненые упали подле раздувшихся от жары, тронутых тлением трупов чехов и словаков – жертв былых атак.

Не жалея глотки, ротный гаркнул:

– Хоронись! – И, падая наземь, схватил раззявленным ртом пучок жёсткого пырея. Ни проглотить, ни выплюнуть. Не дожидаясь, когда командир отплюётся да откашляется, младший офицер распорядился:

– По-пластунски, вперёд! – крикнул в залёгшую цепь подпоручик Лешкевич-Зенович-Ольненский. Приказ требовал от бойцов пасть небритой мордой в пованивающую кровью землю. Ухватиться за обгорелые травы и, истово лапая дернину скрюченными пальцами, отталкиваясь вперёд локтями и коленями, вихлять задницей в перегонках со смертью. Такова судьба гренадеров нового времени. А над головой пластунов, вспарывая воздух, разлетались веером выпущенные вражескими пулемётами горячие свистящие пули. Поверх пуль, порхавших над перезрелыми травами лёгкими пчёлками, в небе с визгом носились тяжеленные бомбы. Под надсадный орудийный рык продолжалась артиллерийская дуэль.

Наплевав на страх, осатаневший от усталости Розен поднял голову. Срезанная осколками стерня разнотравья не мешала обзору. Он с дружинниками всё-таки дождался подмоги! По фронту трещавших выстрелами траншей принялись падать дымовые снаряды. Разрываясь, они испускали серый, белый, жёлтый дым. Снарядные смеси разгорались. Дымы, густея, смешивались в туманное облако. И вот подхваченная порывом ветра дымовая завеса заволокла мраком половину поля боя. Наконец и на левом фланге лопнула бомба. «Жёлтый flёur[1]! – обрадовался поручик. – Так дымит фосфор! Хорошо дымит, ничего не видно!» Сбиваясь с прицела, ведущийся по наступающим частый ружейно-пулемётный огонь сделался беспорядочно-одиночным. «Несколько минут над передним краем будет висеть жёлтая пелена, – определил Розен. – Пора!» – и крикнул:

– За мной! – заставляя онемевшее от предчувствия неминуемой гибели тело следовать за

[1] Flёur – «покров таинственности».

волей, поручик вскочил. Выхватив из подсумка первую бомбу, ротный устремился к чужим позициям. Из всех стволов не различимый в дымовой завесе враг плескал огнём в накатывающую на окопы волну гренадеров. Сглотнувшие горячий свинец атакующие, оступаясь, падали, но сквозь серо-бело-жёлтый туман силуэты их товарищей неотвратимо приближались к линии обороны. До окопов уже можно добросить ручную бомбу. – Кидай! – швыряя свою, орёт Розен. Щёлкнув капсюлями, чёрные точки гранат летят на головы отстреливающихся. – Падай! – хрипит сорвавший голос ротный. Успевшие упасть носом в перепаханную снарядами землю услышали треск разрывов, не успевшие не услышали ничего. Сражённые рваными кусками гранатных рубашек смельчаки пали смертью храбрых. Не различая, где свои, а где чужие, железный дождь разил направо и налево всех без разбору. Живым дружинникам пришлось припомнить, чему их наспех обучили: «Слышал, как в окопах отгремела твоя бомба, – живо встаёшь на колено и, хватая из подсумка одну за другой, швыряешь оставшиеся гранаты следом. Ещё жив – лезь зачищать траншею. Наган на взвод, в другой руке нож – и айда вниз...»

Кто-то из гренадеров за секунду до командира очертя голову прыгнул в окоп. Его влёт встретило остриё штыка. Четырёхгранник вышел меж лопаток хвата и, застряв в теле героя, оставил красногвардейца без винтовки. Пользуясь случаем, на обезоруженного стрелка бросился товарищ убиенного и тут же сам упал с расколотым черепом. Пехотная лопатка в ближнем бою разит без осечки. А тут жаркая свалка в узкой траншее. Неясно, кто свой, а кого надо насадить на нож. Всё стремительно мельтешит: оскаленные злобой рты, окровавленные лица, соль своей и чужой крови на губах, крики, вопли, стоны – кипит беспощадный рукопашный бой. Сейчас каждый сам себе командир. Успевая уклоняться от замахов множества рук, вооружённых лопатками, отомкнутыми штыками, ножами, схваченными за ствол разряженными винтовками и револьверами, нужно отвечать ударом на удар. Лупить всем, что подвернётся под руку.

Розен было схватил чью-то винтовку, но в давке схлестнувшихся грудь в грудь тел крепкие зубы были полезней. Заламывая шею, поручика сзади потянули за волосы. Меж лопаток болезненно кольнуло остриё, и к пояснице ротного командира побежало горяченькое. Убийственное лезвие не достигло внутренностей. За его напряжённым хребтом хрустнуло, волосы отпустили, и в располосованный ворот гимнастёрки на офицерскую шею плеснуло тёплым, липким, дурно пахнувшим. Держащая убийственный нож рука ослабла, и тяжесть мертвеца свалила поручика на загаженное дно окопа. Ротному и здесь свезло. Британский ботинок спасителя едва не отдавил ему нос. Это на его избавителя, размозжившего шахтёрским кайлом голову красногвардейцу, набросился другой большевик. Топча раненых и павших, непримиримые враги сцепились в поединке, и английские trench boots[1] с гамашами заплясали в паре с юфтевыми русскими сапогами перед вдавленным в грязь лицом Розена.

Пытаясь голыми руками половчей вцепиться в глотку друг друга, борющиеся, матерясь, месили подле носа поручика воняющую мочевиной глинистую слякоть окопного дна. Возня затягивалась. Запалив дыхание, бившиеся насмерть больше не ругались, а, мутузя противника, лишь тяжело и часто сопели. Протяжный крик «Хо-о-о-ох!» сотен легионеров, атакующих траншеи с рубящимися в рукопашной земцами, трубным гласом разнёсся над растерзанным взрывами полем, прахом павших и догорающими станционными строениями. Прислушиваясь к накатывающемуся «О-о-ох!», бьющиеся на мгновение замерли. Потом хлёсткий звук удара, стон – и один из сражавшихся пал поверх трупа, придавившего офицера. Обрушивая стену шанца, победитель, подпрыгнув, навалился пузом на насыпь и, перекатившись через бруствер, утёк.

– Страшен был враг, да милостив Бог! – Знакомая прибаутка разбудила потухшее сознание поручика. Сквозь прорехи выбитых зу-

[1] Английские trench boots – «траншейные ботинки». С 1918 года шились с тройной проспиртованной подошвой.

бов её разбитыми в кровь губами нашёптывал вестовой.

– Семён! – не находя в себе сил шевельнуться, тихонечко позвал Розен.

Над ним завозились-засопели, и тяжесть, давившая грудь, уменьшилась. Стаскивая с поручика тело красногвардейца, дружинник Курочкин приговаривал, покряхтывая:

– О-хо-хо. Потерпите, ваше благородие. Эх! Меньше положишь – больше привезёшь! – Чуть погодя, когда Семёну удалось освободить ротного командира от «довеска», Курочкин, поднатужившись, посадил затёкшего поручика, оперев бессильного спиной о насыпь. Жить было здорово! К офицеру возвращалась полнота ощущений. Крошки земли, сыплясь за разорванный ворот гимнастёрки, щекотали командирскую шею. Синюшная физиономия Розена светлела, глаза обрели осмысленное выражение. Он даже приметил, как вестовой, почерпав пятернёй под ногами, выловил что-то из жёлтого месива.

– Сёма, ты чего там нашёл? – Вопрос был праздный. Поручик наслаждался способностью дышать полной грудью, звуком своего голоса, всем, что могли увидеть его глаза. Умостившийся подле него дружинник протянул ему найденное. Закусив губу, Розен принудил отшибленную руку потянуться и взять занемевшими пальцами облепленную глиной железку. Пытаясь избавиться от двоения в глазах, офицер помотал гудящей головой. Всё едино видимая им картинка плыла в тумане. Он с трудом различал, что держит в руках.

– Давеча тот бугай меня этим самым по голове приложил! – хвастаясь своей удалью, дружинник растёр пальцами запёкшуюся на лбу кровь.

Воды во фляжке не осталось. Хотелось пить. Разлепив спёкшиеся губы, поручик похвалил вестового:

– Ты, братец, молодец! – И улыбнулся своим мыслям. На его чумазой ладони лежал знакомый с детства нож отчима. Знатный, с кастетной рукоятью. Средней длины клинок и шипы кастета были сплошь заляпаны густой кровью, обрывками кожи, волосами, и всё это непотребство густо облепляла глина. Подумавши, командир добавил: – Ты первый, кто выдержал его удар! А может, он наконец постарел?

– Кто? Кто постарел? – всполошился дружинник.

– Не важно! – обмолвился поручик и устало смежил веки. – Главное, что он жив!

Ничего не понявший Семён Курочкин пожалел ротного: «Его благородию изрядно отдавили голову!»

Виктор УСОВ

ВЕРНОСТЬ МЕЧТЕ. ЗАБЫТОЕ ПИСЬМО

Всеволод Вячеславович Трофимов родился 20 мая 1987 года в городе Мичуринске Тамбовской области. Рос разносторонним и весёлым ребёнком. Учёба в школе давалась легко, он успешно занимался танцами. Но главным увлечением стало дзюдо. При этом у Всеволода в мыслях не было, чтобы в школе ему делали поблажки за спортивные успехи, и, приезжая с соревнований, он ночами сидел, навёрстывая пропущенное, готовясь к контрольным, а потом получал заслуженную пятёрку.

Накануне последнего звонка классный руководитель Нина Васильевна Попова дала задание классу написать письмо в будущее, поделиться мечтами и вообразить, что произойдёт за пять лет...

Сводный брат нашего героя, Дмитрий Трофимов, жил со своей мамой в Тамбове, как и все в семье, с детства увлекался спортом и достиг определённых успехов: по дзюдо был кандидатом в мастера спорта, победителем первенства области по боксу. После школы поступил в ПТУ, а в 1995 году был призван в армию, попал в учебное подразделение, готовящее десантников.

После окончания срочной службы продолжил служить по контракту в Таманской дивизии под Москвой. В сентябре 1999 года отправился в Чечню на три месяца. В первый день командировки вместе с сослуживцами попал в засаду. Дмитрий так продуманно и чётко сумел организовать оборону, что пострадали как раз те, кто стремился их погубить...

Мама Димы вспоминала: «При жизни он был удостоен медалей "За отвагу", Суворова, но ни одну из них получить не успел, посмертно награждён орденом Мужества. Дмитрий остался навечно добрым и сильным, не привыкшим отступать перед трудностями».

Когда Дмитрия призвали в армию, родные с тревогой ждали вестей от него, но он неизменно сообщал, что доволен службой в воздушно-десантных войсках, рассказывал о друзьях, изредка проскальзывало сожаление, что из их части

никого в Чечню не посылают. Через два года, уволившись в запас, Дмитрий привёз самое, как он говорил, дорогое – камуфляжную куртку, побывавшую в боях на первой чеченской войне. Матери объяснил: «Товарищ подарил».

Не оставив мечту о военной службе, Дмитрий Трофимов окончил курсы прапорщиков и стал служить в Подмосковье. О том, что Дмитрий с батальоном находится в Чечне, родные узнали уже из писем. Он уверял, что всё спокойно, «даже выстрелов не слышно». Пытаясь успокоить близких, писал: «Если от меня долго не будет писем, то не волнуйтесь...»

День 1 декабря 1999 года был наполнен радостными ожиданиями, вечером ждали поезд для возвращения в Подмосковье. Но закончился этот день трагически – произошло нападение. Дмитрий получил смертельное ранение и погиб, не дожив до 23 лет.

На войне ведь всякое случается... Мама Дмитрия однажды вдруг вспомнила деталь, которая сейчас говорит о многом: возвращаясь в августе из отпуска в часть, Дмитрий взял тот самый бушлат, который когда-то привёз с армейской службы. Она поняла – он взял куртку как талисман, чтобы остаться в живых. Сейчас эта самая пропахшая порохом камуфляжная куртка бережно хранится в семье.

После школы Всеволод Трофимов поступил на экономический факультет ТГУ им. Г. Р. Державина, работал бухгалтером в Промышленно-технологическом колледже и тренером-преподавателем по волейболу и борьбе в детско-юношеской спортивной школе. А мечтал о работе в ФСБ, делая всё, чтобы задуманное осуществилось. С декабря 2009 года проходил службу в Управлении ФСБ России по Тамбовской области. В 2015 году был переведён на службу в Управление «С» («Смерч») Центра специального назначения (ЦСН) ФСБ России (г. Москва). Последняя должность – младший оперуполномоченный 5-й группы 1-го отдела ЦСН ФСБ России. Неоднократно выполнял оперативно-боевые задачи в регионах со сложной оперативной обстановкой.

1 февраля 2020 года, действуя в составе двух снайперских пар на окраине города Алеппо, выполнял боевую задачу по усилению позиций сирийских правительственных войск. В ходе боя был ранен один из его сослуживцев. Погрузив раненого, офицеры ЦСН ФСБ вернулись на боевую позицию, но попали под перекрёстный огонь прорвавшихся в город боевиков. В результате боя погибли все четыре офицера ЦСН ФСБ, включая лейтенанта В. В. Трофимова. Тела погибших удалось вынести только с наступлением темноты, спустя пять часов после боя.

Сослуживцы вспоминают о нём как об очень цельном человеке с правильными жизненными ценностями, который спокойно и ответственно делал своё дело, умел по-настоящему дружить.

Всеволод Вячеславович Трофимов был награждён орденом Святого Георгия IV степени (посмертно), ведомственной медалью ФСБ России, являлся мастером спорта России по стрельбе (2019), мастером спорта России по дзюдо (2000), призёром Тамбовской области по рукопашному бою.

На стеле в память о погибших в локальных войнах в Мичуринске в его честь установлена мемориальная доска.

У него остались жена и двое детей.

...Первая встреча выпускников состоялась не через пять, а лишь через пятнадцать лет, а Всеволода по каким-то причинам на встрече не было. Заветный же конверт с его письмом вскрыли только после трагической гибели. В нём юноша писал об обычных человеческих мечтах и надеждах, а ещё – о сокровенном, о службе в ФСБ. Оказывается, такая цель у Всеволода была уже со школьных лет.

Анатолий ТРУБА

Знаки спасенья

Любовь РЫЖКОВА

* * *

Мы хотим священных знаний,
хоть и не святые сами.
Мы хотим сакральных истин,
ходим рядышком кругами.

Но пока не открывают
нам заветнейшую дверцу.
Оттого бывает грустно
растревоженному сердцу.

Кажется, ещё немного,
но опять мешает что-то,
и опять не открывают
ни оконце, ни ворота.

Ну когда же, Боже правый,
хлынут к нам потоки знаний?
Неужели недостойны
мы божественных признаний?

Или мы живём обманом,
недостойно, нечестиво
и дары небес проносят
мимо, мимо, мимо, мимо?

Видимо, не заслужили
мы – простые человеки,
примитивны и вульгарны,
с мыслями об ипотеке...

Об одежде, пропитанье,
о тщеславии тщедушном...
Мы забыли честь и совесть
в окружении двурушном.

Но когда-нибудь, быть может,
будет день и час приметный,
нас пробудит шорох истин,
шёпот мудрости заветный.

Мы хотим священных знаний,
хоть и не святые сами.
Мы хотим сакральных истин,
потому что боги с нами.

* * *

Все куда-то бегут,
все к каким-то химерам стремятся,
будто главная цель –
ухватить те химеры за хвост.
Ну а жизнь так летит,
ну а дни так стремительно мчатся,
и химеры встают
привиденьями в полный рост.

И я тоже бегу,
то с толпой, то ни с кем, в одиночку,

а зачем – не пойму...
Чтоб занять своё место скорей?
Но я смысла не вижу...
и прячусь в свою оболочку.
И пишу для себя,
а выходит, пишу для людей.

И копаюсь в себе,
за проступки нещадно ругаю
и смысл жизни ищу –
что такое он, с чем он сравним?
Пусть простится мне, что
приближаюсь к опасному краю.
Только где он, тот смысл,
что по-прежнему неуловим?

ЖИЗНЬ ИЗМЕНИЛАСЬ...

Жизнь изменилась, и замкнулся круг,
Как колесо у ненормальной белки.
И страх царит, и властвует испуг,
И вместо звёзд – какие-то «тарелки».

А ведь когда-то был в душе восторг
И жизнь казалась лентой бесконечной
С десятками непройденных дорог
И главною из них – Дорогой Млечной.

Но всё не так, как мыслилось тогда,
Как нам в мечтах наивно представлялось.
Жизнь протекла? Как вешняя вода?
А что осталось, друже, что осталось?

Мы долго ждали и «вступали» в жизнь,
Готовились и вновь чего-то ждали,
А жизнь неслась, и годы пронеслись,
И вот – закат и сумрачные дали...

Ужель закат? А как же круговерть –
Дела, переговоры, встречи, планы?
Ужели всё поглотит злая смерть?
А как же неувиденные страны?

А как же мир, что будет жить без нас?
И новые восходы и закаты?
Я жить хочу – всегда, здесь, и сейчас,
И в будущем, без этой чёрной даты.

Мне метафизика такая ни к чему,
И остановка промелькнёт пусть мимо.
Я полагаю, что пытливому уму
Движение край как необходимо.

Мне вечность, как и многим, по плечу,
И страхом ум лишь чуточку встревожен.
Я жить хочу! Я очень жить хочу,
Ведь Млечный Путь доселе не исхожен.

* * *

Куда бежать, коль некуда бежать?
Кому звонить среди ночей бессонных,
Хоть справочник – толстенная тетрадь –
Давно распух от номеров знакомых.

Кого мне звать, коль некого позвать,
И до кого мне ныне достучаться?
Ведь главное – умение понять,
Чтобы потом навеки попрощаться.

* * *

Меня волнуют старые портреты,
Вернее, фотографии людей,
Что тоже были солнцем обогреты,
Но перешли в бесплотный мир теней.

Встаёт волна, за ней идёт другая –
И в землю, навсегда, навеки – в прах.
А где амбиции и обещанье рая?
У выдумщиков в ветреных устах?

А как же «продолжение банкета»,
Существованье в радостных мирах?
Но кто владеет силою секрета
И властно держит в царственных руках?

В глазах людей на тех старинных фото
Любовь и мука запечатлена,
Но главное – в них есть живое что-то,
Так, может, жизнь и вправду не одна?

ПЕВЕЦ, ПОЭЗИЯ И ПЕНЬЕ...

Как неожиданно и странно
Меня накрыло, как волной,
Какой-то силой безымянной
И непонятной мне самой...

Та сила кличется по-русски
Поэзией, и с давних пор
Волхвы, бояны ли, этруски
Поют, вперяя в небо взор.

Певец, поэзия и пенье –
Единый корень этих слов!
Кого же мучает сомненье,
Тот к песне просто не готов.

СКОМОРОШЬИ КУПЛЕТЫ

Белый светик, белый свет,
Кто-то любит, кто-то нет,
Ну а кто во тьму стремится,
Находя и вкус, и цвет.

Для кого-то высота
Как заветная мечта,
А кому-то глубь по нраву,
Где пекельные места.

Почему один – провор,
А другой же – просто вор,
Вам никто не растолкует –
Ни судья, ни прокурор.

Почему один – дурак,
А другой же – просто так,
Объяснить никто не сможет –
Ни мудрец и ни простак.

Отчего один богат,
А другой горбушке рад?
Ни за что не разобраться,
Хотя вроде бы горазд.

Кто всю жизнь здоров как конь,
Кто-то чахнет – только тронь.
Нам открыть секрет здоровья
Не дозволено и нонь.

Кто всю жизнь в любви живёт,
А другой – наоборот –
Ненавистью полыхает
И причины не найдёт.

В чём причина наших бед,
Кто нам даст простой ответ?
Неужели дело в карме:
Сделал шаг – оставил след.

Наш народ давно сказал:
Что посеял – то пожал.
Коли сеешь всюду злобу –
Не сберечь тебе сусал.

Сеешь горе да беду –
Жди какую-то беду,
Будешь мелочным и жадным –
Так познаешь ты нужду.

В жизни главное для нас –
Равновесие, баланс:
Будешь добрым человеком –
От судьбы тебе аванс.

Миром правит Божий кон,
А не наш земной закон.
Кто те коны нарушает,
Будет многого лишён.

Так что выбор за тобой,
Человече, непростой.
Что же выбрать на распутье
И какой пойти тропой?

Белый светик, белый свет,
Кто-то любит, кто-то нет.
Ну а нам пора закончить
Скомороший наш куплет.

КАРАГАНДИНЦЫ И СТАРПЁРЫ: СМЕРДЯКОВЩИНА НА ЭСТРАДЕ

Как-то выдался пустой вечер, болела голова, нездоровилось. Устроилась перед телевизором. Стала смотреть музыкальную передачу «Старпёр», где собрали певичек и, с позволения сказать, певцов, которые когда-то взмыли на перестроечной волне, испробовали славы, а потом отправились... в Караганду. Сразу оговорюсь, я ничего не имею против города *Караганды*, название которого происходит от наименования кустарника *карагана* (жёлтая акация). В данном случае имеется в виду широко распространённая фраза «*Где-где? В Караганде*» – устойчивое выражение русского языка, которое имеет характер эвфемизма, когда вместо нецензурного слова или табуированного понятия используется замещающее его слово, означающее: а) нежелание прямо отвечать на вопрос о местонахождении объекта; б) его значительную удалённость; в) факт его забвения. Кроме того, данное выражение имеет юмористический оттенок, а наличие рифмы свидетельствует о стремлении к меткости и афористичности речи.

Так вот, отправленных в караганду исполнителей стали быстро забывать, к тому же их быстро потеснили юные и нахальные эстрадные «неофиты», и тех списали в утиль. Но сегодня их всех из этой караганды вытащили на свет Божий, причесали, пригладили, стряхнули нафталин, сбрызнули *о-де-колоном*, замазали морщины косметикой и выпустили на сцену.

Ведущие (их почему-то трое) – такие же старпёры: Змеюка Бандерша, Человек-Павлин и Бедик – Кривоногий Хлюпик. Бандерша чуть похудела, надела чёрное сверхмини-платье со змеиным рисунком, обнажив какие-то пожухлые ноги. И хамит, как всегда, но думает, что шутит, эпатирует. Человек-Павлин молодится

из последних сил, потому и рядится в эти перья, стразы и накладки на все места. Хлюпик играет роль интеллигента, наверное, потому что в очках. (Неужели я тоже интеллигент?)

Жюри – смех на палочке. Их несколько: первая – Халда, ставшая известной после того, как накачала себе губы и спела песню про изумительную природу Гималайских гор.

Второй – Голубой Клоун, он здесь главный критик, потому что знает много мудрёных слов: тесситура, фиоритура, мелизматика, фразировка, вокальная линия... Он артистично жестикулирует, говорит возбуждённо, эмоционально. Почти всех хвалит, но иногда жеманно журит, иногда даже пускает актёрскую слезу.

Третья – Борзая, она вообще не музыкант, и что она делает в жюри, непонятно. Вернее, понятно – рисуется. Она судит всех безапелляционно, нахально, видимо, чувствует за собой серьёзный финансовый тыл. Конечно, это так, время от времени в сети появляются сообщения: то её видели в Милане на шопинге, то на отдыхе на Мальдивах. Она действительно внешне похожа на борзую – сухая, худая, с узким, вытянутым лицом. Прочитала в энциклопедии об этой породе собак: борзая – из породы охотничьих (ловчих) для безоружной охоты (травли) на зверей. И дальше: «Благодаря длинным ногам борзые отличаются высокой скоростью бега, они выносливы и лучше других собак подходят для охоты на открытой местности, где могут видеть и долго преследовать добычу». Недавно Борзая развелась с мужем и, оставшись одна, незамедлительно стала охотиться на богатых мужичков и ухватила какого-то политикана. Значит, на борзую она похожа не только внешне.

Четвёртый член жюри – Шепелявый Пенёк, считается у них классиком. Когда-то он писал примитивные песенки, их пели *беспородные* певцы, иногда он исполнял их сам сипловатым, дефективным голосом. Постепенно он сколотил себе состояние, перестал петь, и теперь он самодовольный и сытый, хотя выглядит потрёпанно и жалко. Он сонно сидит за столом и время от времени что-то изрекает. Все члены жюри не устают называть его гениальным. Слова «гениальный» и «классик» звучат так часто, что вызывают даже удивление и вопрос: что за этим стоит? Но Пенёк этому не удивляется, он даже не изменяется в лице и не пытается остановить поток хвалебного словоблудия. Но не потому, что уверен в своей гениальности, а потому, что уверен в своём состоянии, которое, как он думает, позволяет ему вести себя надменно и нагло. Кстати, точно так же ведёт себя и Губастая Халда. Она вообще только и делает, что просто шлёпает этими выдающимися губами, а присутствующие так увлечённо следят за этим процессом, что даже не вдумываются в смысл сказанных ею слов.

Ещё два члена жюри – Сонная Черепаха, которая давно уже вышла в тираж, но её везде приглашают и осыпают похвалой, и Внучок-Паучок, то ли сын, то ли внук известного деятеля культуры, бездарный и туповатый, как валенок. Если Черепаха хоть в юности недурно пела, то этот изображает пение каким-то странным, глуховатым, словно из подполья, голосом. Но им приторно и умильно восхищаются, находя в его голосе «брутальную мужскую загадку». Интересно, что бы это значило?

Теперь о карагандинцах. Их много, они идут сплошным потоком. Безликие, малоталантливые, часто вовсе безголосые, но их хвалят. Хвалят почти безостановочно, за редким исключением кому-то занижая баллы. Уровень хвальбы зашкаливает, она сочится даже не патокой, а какой-то тягучей медленной лавой.

Вот, например, Алкоголичка, и хотя она вроде не пьющая дама, но голос её давно охрип, огрубел (она и в молодости-то не блистала вокальными данными), а теперь и вовсе звучит вульгарно, отвратительно и пошло. К тому же этому способствует сам выбор песни. Подтанцовка изображает пьяных девок. Это даже не эпатаж, это надругательство над здравым смыслом. Но жюри всё равно её нещадно хвалит, особенно Голубой Клоун. Он в восторге и от песни, и от её прокуренного голоса, он находит в нём некую «плоть», вкус, остроумие и «скоморошье веселье». И весь этот ужас называет блистательным выступлением. При этом Борзая и Черепаха радостно смеются. Им вторит Змеюка Бандерша, которая уже давно не скрывает

свою рептилоидную сущность. Она обращается к соведущему, Кривоногому Хлюпику, которого неизвестно как зовут на самом деле, но она фамильярно и подчёркнуто называет его «Бедик», иногда специально ошибаясь и произнося «Педик», на что он не менее радостно откликается.

Вот ещё один, с позволения сказать, певец со странным именем Мудан, он выходит в ярком костюме цвета фуксии и начинает даже не петь, а воспевать «весеннюю паранойю» и с болезненной страстностью зовёт «в отрыв». Бог бы с ней, с этой мелкотравчатой песенкой, но жюри в неистовом восторге. Голубой Клоун захлёбывается от собственной экспрессии и, видимо, от избытка чувств роняет стакан воды. Наверное, вошёл в образ и почувствовал влияние этой «паранойи».

Дальше выступает стареющая Шансонетка с претензией на душевность, потом – Блеющий Баран с накрашенными бровями. Слушая его, я даже забываю о его блеянии про апрель и капель и сосредоточиваю внимание на этих бровях. Они так чётко выписаны на его лице (нарастил, что ли?), что кажется, будто они живут своей жизнью, отдельной от своего носителя. То они как-то невпопад словам песни взмывают вверх, то выгибаются домиком, изображая то ли страдание, то ли смятение чувств.

После них выступает Чудище Лесное, обладающее, кстати, неплохим голосом, но его вид вызывает омерзение. На нём – невероятных размеров развевающийся плащ, но главное – изо рта торчат клыки. Интересно: как же он с ними поёт?

Следом за ним на сцене появляется певец со странным, противоречивым и даже, я бы сказала, оксюморонным именем – Гад Раевский. Первая часть имени понятна, она отражает его суть, а вот почему он стал Раевским? Видимо, всё из тех же соображений эпатажа (гад из рая?). Всем известно, что в своё время продюсер «раскрутил» его на спор, доказав, что даже из совершенно безголосого исполнителя можно сделать, прошу прощения, звезду. Но раскрутив и получив свой гонорар, он потерял к нему интерес, ведь для раскрутки певца с его стороны всё же нужны или кое-какие способности, или харизма, или хотя бы артистизм, а не сонная рефлексия под видом лиризма, и он надолго осел в караганде.

Все они – наша эстрада, вернее, не наша, а непонятно чья. Хотя... и это понятно, чья она и кто они, все эти люди в перьях, стразах, масках, клыках, пайетках, бирюльках, накладках. Но почему они вылезли на свет Божий и смердят здесь, зарабатывая большие деньги за свой смердёж и ненависть к родным традициям? Кто остановит это зловоние? Невольно вспоминаются советские времена (рука чуть было не вывела эпитет «счастливые»), когда существовала цензура (опять же чуть было машинально не написала «благословенная»), когда на эстраде звучали мелодичные песни. Но я не о тех, утёсовско-бернесовских, с приблатнённым душком, а о настоящих – раздольных, русских, полётных песнях, которые открывают богатство души человека с его вечным стремлением к красоте и гармонии.

Конечно, эта передача – всего лишь частный случай того, что происходит на эстраде. И не только, а в искусстве в целом. Помните, недавно появилась песенка: «Укусила пчела / За самое за за, / За-за-за-за-за-за-за, / За любимое место. / Полюби меня за / Зелёные глаза. / И расскажи-жи всем / Про красавицу-невесту». К сожалению, исполняют её не старпёры, а вполне молодые люди. Так что смердяковщина на эстраде пока процветает. Доколе?

Любовь РЫЖКОВА

По замыслу довлеющего завета...

Вера ПАНЧЕНКО

Родилась 6 мая 1934 года на ст. Бушулей Читинской области, окончила Читинский государственный педагогический институт в 1956 году. Работала журналистом – сначала в районной газете «Хилокский рабочий», затем в областной «Комсомолец Забайкалья», по приезде в Ригу – в республиканской газете «Советская молодёжь», затем несколько лет подряд ездила в Восточную Сибирь и на Дальний Восток, где работала в геологической и геофизической партиях, на обработке сайры (остров Шикотан). В 1973 году была принята в Союз писателей Латвии – тогда СССР, Латвийское отделение.

Автор поэтических сборников: «Моё имя» (Рига, 1966), «Однолюбы» (Иркутск, 1968), «Ветка снега» (Рига, 1973), «Вкус познанья» (Рига, 1977), «Мельница» (Рига, 1981), «Прозрачные колокола» (Рига, 1984), «Из пазухи дня...» (Рига, 2011), «Зов» (Рига, 2016) и сборника «Весло» (Рига, 2017). Публикации последних лет: в журналах «Север» (Петрозаводск, Карелия), «День и ночь» (Красноярск), «Слово Забайкалья» (Чита), «Меценат и мир» (Москва), «Крещатик» (Санкт-Петербург), в сетевом журнале «Новая литература», межконтинентальном – «Грани», в альманахах «Паровозъ» (Москва), «Письмена» (Рига), в антологии забайкальской поэзии «Сказать своё слово».

* * *

Памяти Дондока Улзытуева,
Улан-Удэ

Тяжёлые веки бурята
И меткий внимательный взгляд,
И степи, ветрами объяты,
Песком или снегом пылят.

Веками противу стоянье
Свояло твой верный портрет.
Ума и таланта сиянье
Принёс ты природе в ответ.

Где наши сошлись параллели –
И там твой провидческий свет
Сверкнул, как ургуйка в апреле,
На склоне непройденных лет.

* * *

Что надо поэту от мира,
Когда его лира критична?
Зовёт к совершенству придира –
Оно на земле единично.

Опять что-то надо поэту –
Красоты им страстно воспеты,
Зовёт к совершенству тем паче –
Важней не бывает задачи...

И я выделяю курсивом –
Всеместно, внутри и наружно –
Всё в мире должно быть красивым.
Иначе зачем оно нужно?

* * *

Самородная строка
Самоходна, как река,
Самобытна на века,
Самострельна без курка.

* * *

Мы тоже Россия, мы тоже народ,
И корень един – во языце,
Живя за пределом российских широт,
Границы минуем, как птицы.

Нас предали дважды – и в Пуще, и тут –
Лихие борцы за свободу.
Позвал за собой новоявленный Брут –
Пошли мы, не ведая броду.

И собственной совести выбора нет –
Как овцы, дались на закланье.
За четвертью века мне явлен ответ,
И честно ответить желанье...

Щедры и поныне двуличья дары,
Но в истине – главная сила,
Меняются быстро уставы игры,
А мы носим имя Россия.

* * *

Спасибо, жизнь, за честные науки,
Они хранимы в фокусе строки,
Они слышны в моём сердечном стуке,
Не сбившемся – наукам вопреки.

Ты обучала всем глубинам боли
С невинной и звериной прямотой.
Как? Парадоксами добра и зла – не в холе,
Но в простоте, заведомо святой.

Тобой творима подлинность натуры,
И время всё проверит на зубок,
И лжи тотальные колоратуры
Смолкают... И молчанья смысл глубок.

* * *

А пишется всегда о главном,
Из года в год – и до сих пор,
В движке, как правило, исправном
Идёт естественный отбор.

И далеко не в теме дело –
Штрихи из данности сырой
Душа стяжает крупнотело,
Слагая их в созвучный строй.

Зовёт неясная догадка,
Пока движок ещё не стих, –
За все узлы миропорядка
В ответе мой короткий стих.

* * *

Уютная, дождливая, белёсая
Полуденная полусфера света,
И жизнь – подённая, простоволосая,
По замыслу доветхого завета.

Живу – кошу траву, копаю землю,
А главное – без устали глазею,
Глотаю лета цветовое зелье,
Целебное, как верная левзея.

Полуденная полусфера мира –
Всеобщая, всесильная опека
И подлинность любого ориентира
Для всесторонней сути человека.

Стихия без конца и без начала –
Структурна каждым тоном и прожилкой,
Метафорой живою увенчала
Строй языка – на живопись наживкой.

За смыслами упорная погоня
Ущербна без досмысловой фактуры,
Что, доязыкая, клокочет в горле
И ради слов сдерёт с себя три шкуры...

Извечны смыслы, временем хранимы,
Но не повторна глубь досмысловая –
Полуденного света пантомима
И с нею пуповина родовая.

ВИТАЛИЙ ПОПОВ – УРОЖЕНЕЦ МИЧУРИНСКА. ВЫПУСКНИК НАШЕЙ ШКОЛЫ

Виталий Попов родился 13 июня 1946 года в г. Мичуринске в семье Анастасии Ивановны и Бориса Константиновича Поповых. Виталий в детстве жил с родителями в маленькой комнате на улице Гоголевской, напротив драмтеатра. Родители дружили с актёрами, поэтому Виталий часто посещал спектакли в театре. «Просыпался рано, садился на трёхколёсный велосипед и совершал поездки по всей улице. Когда стал повзрослей, отец брал меня с собой в лес под Колабино».

Отец художника был великолепным фотографом. Многим в городе запомнились фотопортреты красивых женщин, которые висели в витринах на центральной улице города Советской.

1957 ГОД. ПЕРВЫЕ ШАГИ В ПОЗНАНИИ ИСКУССТВА

Занятия в кружке рисования при Доме пионеров, которым руководил А. В. Платицин, проходили очень интересно. Аркадий Васильевич рассказывал об искусстве, о художниках: «В тёплые воскресные дни мы ходили на этюды». А. В. Платицин никогда не расставался с блокнотом и рисовал везде и всегда.

А. В. Платицин о своём ученике: «Закрываю глаза, и передо мной Виташа», – так мило называл В. Попова его первый учитель.

«Всегда скромный, с живыми глазами, в которых можно рассмотреть ограниченные потребности всего того, из чего состоит человеческая жизнь».

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ В. ПОПОВА В Г. МИЧУРИНСКЕ

Историческая справка о гимназии

Далёкий 1880 год... Именно в это время было построено здание школы. Первоначально здесь располагалась городская Дума. Спустя почти 50 лет по настоянию И. В. Мичурина здание было передано Техникуму селекции

Виталий Попов вместе с папой

Мама Виталия Попова

Здание гимназии (бывшая школа № 5), в которой учился Виталий Попов

Народный художник СССР Н. Н. Жуков

А.В. Платицин – учитель и духовный наставник Виталия

плодово-ягодных культур. Первым директором техникума был ученик И. В. Мичурина – Иосиф Степанович Горшков.

В 1956 году образовалась средняя общеобразовательная школа № 5, которую возглавил Михаил Ильич Казначеев.

Учителя Виталия Попова: М. А. Погостовский – завуч, учитель математики и астрономии, Л. А. Силантьева – учитель литературы и русского языка, Е. Ф. Авдеева – учитель физики.

На протяжении многих лет директором школы является Софья Константиновна Кукушкина – не просто умелый руководитель, а человек, душой болеющий за то, что происходит в жизни родной школы.

В 1968 году Виталий Попов знакомится с народным художником СССР Н. Н. Жуковым.

ОБУЧЕНИЕ ВИТАЛИЯ ПОПОВА В МОСКВЕ

В 1968 году после окончания гимназии в Мичуринске Виталий Попов поступил в Московское художественно-промышленное училище имени М. И. Калинина, которое он окончил с отличием.

Училище находилось в Москве: это открывало большие возможности для посещения музеев, театров, выставок.

В этом же году произошло знакомство Виталия с Николаем Николаевичем Жуковым, великолепным мастером рисунка и акварели.

«Шло время, я чувствовал, что нужно продолжать учёбу дальше, и я поступил в Строгановское училище. Учился я хорошо, меня часто посылали от института на ответственную работу», – вспоминал Виталий.

Дипломной работой В. Попова была моногравюра «По Ленинским местам».

Руководителем диплома был Б. С. Софрин, а рецензии написали известный график Г. Ф. Захаров и старший научный сотрудник музея В. И. Ленина В. А. Шабельников.

По окончании института В.Попов получил распределение на комбинат художественных работ Художественного фонда РСФСР.

РАБОТА В «НЕДЕЛЕ» И «СТУДЕНЧЕСКОМ МЕРИДИАНЕ»

По окончании Строгановского высшего училища в 1978 году Виталия Попова приглашают работать в популярнейший еженедельник «Неделя» – воскресное приложение к газете «Известия», где он проходил преддипломную практику. Художнику хотелось попробовать свои силы в области иллюстрации.

Впервые навыки в полиграфии В. Попов получил в газете «Мичуринская правда». Писал небольшие заметки, но больше рисовал. В «Неделе» Виталий Попов работал художественным редактором.

Вступил в Союз журналистов, а затем стал и членом Союза художников.

Во время работы в «Неделе» В. Попов побывал в Италии, Мексике, Перу с группой журналистов.

Во время работы в «Неделе» В. Попов сотрудничал с различными издательствами, такими как: «Политиздат», «Известия», «Правда», «Молодая гвардия», «Русский язык» – и получил приглашение на должность главного художника в журнале «Студенческий меридиан», в котором проработал три года.

1983–1986 годы – главный художник журнала ЦК ВЛКСМ «Студенческий меридиан».

За время работы в полиграфии Виталий Попов оформил и проиллюстрировал более 20 книг.

Виталий Попов – редактор еженедельника «Неделя», воскресного приложения к газете «Известия»

ВИТАЛИЙ ПОПОВ О СВОЁМ РОДНОМ ГОРОДЕ МИЧУРИНСКЕ

«Мичуринск! Как много у меня связано с нашим родным и дорогим городом. Это город моего детства и юности, город моего становления, город дорогих мне людей. Мичуринск красив и неповторим. Храмы, музеи, дома с узорчатыми наличниками, красивая, своеобразная архитектура – всё это лицо города! Он всегда меня вдохновляет и притягивает как художника. Время идёт. Я живу в Подмосковье, но часто бываю в Мичуринске. Город стал наукоградом. Думаю, есть смысл жить и дальше трудиться во славу своего родного города».

Виталий Попов

Виталий Попов на террасе в Музее-усадьбе А. М. Герасимова

На открытии выставки в Музее-усадьбе А. М. Герасимова. Художники: А. Платицин, В. Попов, С. Никиреев

С. М. Никиреев – народный художник СССР, действительный член РАХ, лауреат Государственной премии им. И. Е. Репина, родился, так же как и В. Попов, в нашем городе, один из лучших рисовальщиков мира, друг Виталия Борисовича. Вместе они часто путешествовали по Индии, Кубе, Индонезии.

«Какая величавая простота в образе Виталия Попова! Как прост в своих творческих делах, смел и решителен в жизненных ситуациях! Краток и предельно ясен в оценках и суждениях о жизни творческой и обычной человеческой!»

С. М. Никиреев

С. М. Никиреев и В. Б. Попов

Индонезия. Открытие выставки в г. Джакарте. Художники: С. Никиреев, В. Попов, Г. Поплавский, В. Миронов

В. Б. Попов. Дом на улице Украинской (г. Мичуринск). 1991 г.

В. Б. Попов. Тарбеево. Мичуринский район. 1990 г.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ВЫСТАВКИ В. ПОПОВА В МИЧУРИНСКЕ, ТАМБОВЕ, ЛИПЕЦКЕ, КОРОЛЁВЕ, ЗВЕНИГОРОДЕ

В Музее-усадьбе А. М. Герасимова В. Б. Попов представлял несколько своих персональных выставок. В 1996 году – к 50-летию со дня рождения, в 2006 году – к 60-летию со дня рождения.

В 2011 году в Музее-усадьбе А. М. Герасимова проходят персональные выставки Елены и Виталия Поповых.

В Воронеже в 2006 году вышла книга В. Б. Попова «С этюдником по странам и континентам. Записки художника». Инициатором выпуска данного издания выступила директор Музея-усадьбы народного художника СССР А. М. Герасимова Тамара Ильинична Воронова, ей же принадлежит и вступительная статья «Душой написанные картины...».

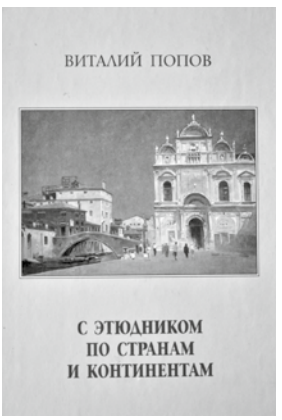
Книга повествует о жизни и творчестве, многочисленных творческих командировках.

Немалое место отводится воспоминаниям о родной Тамбовщине.

В 2016 году, к 70-летию со дня рождения художника, музей издал каталог «В. Б. Попов – настоящий русский художник». Он явился хорошим подарком к 70-летию со дня рождения юбиляра.

Открытие персональной выставки Виталия Попова. Слева-направо: А. В. Платицин, Е. И. Попова, В. Б. Попов, Т. И. Воронова

В. Попов с супругой Еленой в Музее-усадьбе А. М. Герасимова



Книга В. Б. Попова «С этюдником по странам и континентам. Записки художника». 2006 г.

Каталог «В. Б. Попов – настоящий русский художник». 2016 г.

«БЫВАТЬ В ИТАЛИИ – БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ»

Когда Виталий Попов жил и работал в мастерской Н. Н. Жукова, он познакомился с итальянцами Элио Спиятти, Серилио и Джулио Монтанари.

Они часто бывали в Москве и заходили в мастерскую Н. Н. Жукова. Николай Николаевич показывал им свои работы и работы Виталия. Свои картины, выполненные акварелью и гуашью, В. Попов подарил итальянским художникам. Они пригласили его посетить Италию. В. Попов отправился в Милан с целью посетить выставку, которая была организована в обществе советско-итальянской дружбы в г. Реджио-Эмилии. На этой выставке были представлены работы художника.

В буклете были напечатаны восторженные рецензии итальянских искусствоведов о творчестве художника.

По возвращении из Италии Виталий Попов стал членом центрального правления общества «СССР – Италия». Его приглашали с персональными выставками во многие города страны. Выставку В. Попова за 10 дней посетило 5 тысяч человек.

Елена Попова на выставке в Музее-усадьбе А. М. Герасимова. 2011 г.

Ещё одна выставка, «100 храмов России», должна была состояться в 1988 году. Времени до этого знаменательного события оставалось очень мало.

Определиться с тем, какие храмы нужно писать, Виталию Попову помог наш земляк – митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. За короткое время художник объехал несколько городов и областей. Когда произведения были созданы, В. Попов поехал в Италию, где он побывал на открытии своей выставки. Затем эти произведения четыре года «путешествовали» по другим городам, в том числе побывали и в Ватикане.

Делегацию в Ватикан возглавлял Питирим, который преподнёс в подарок Папе Римскому Иоанну Павлу II картину «Зима в Новодевичьем монастыре».

Уникальная серия работ была представлена на выставке в Ватикане. По окончании выставки коллекция была подарена Московской патриархии.

ПРИЗНАНИЕ ТАЛАНТА НАШЕГО ЗЕМЛЯКА ВИТАЛИЯ ПОПОВА

1997 год – награждён серебряной медалью Академии художеств России;

1999 год – присвоено звание заслуженного художника России;

2000 год – награждён золотыми наручными часами Президентом республики Индонезия госпожой Миговати Сукарноцутри за укрепление дружеских и творческих связей между Индонезией и Россией;

2006 год – присвоено звание народного художника России, профессора кафедры живописи МГОУ;

2008 год – награждён дипломом Союза художников России;

2012 год – награждён золотой медалью «Духовность, традиции, мастерство» Союза художников России;

2016 год – награждён нагрудным знаком Тамбовской области «За заслуги перед Тамбовской областью» и наручными часами Тамбовской областной Думы;

2017 год – награждён дипломом Союза художников России.

«С ЭТЮДНИКОМ ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ»

Персональные выставки художника за рубежом проходили в Италии, Швейцарии, Индии, Германии, США, на Мальте. Работы В. Б. Попова находятся у глав государств и правительств Ватикана, Болгарии, Индии, Италии, Индонезии, Камбоджи. Картины художника находятся в музеях и частных коллекциях за рубежом в Австралии, Австрии, Англии, Бангладеш, Болгарии, Германии, Ватикане, Израиле, Индонезии, Китае, Корее, Перу, США, Франции, Японии.

В 2018 году состоялась выставка художников России, путешествовавших по странам АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии). Был издан каталог с вступительной статьёй В. В. Путина и репродукцией В. Б. Попова.

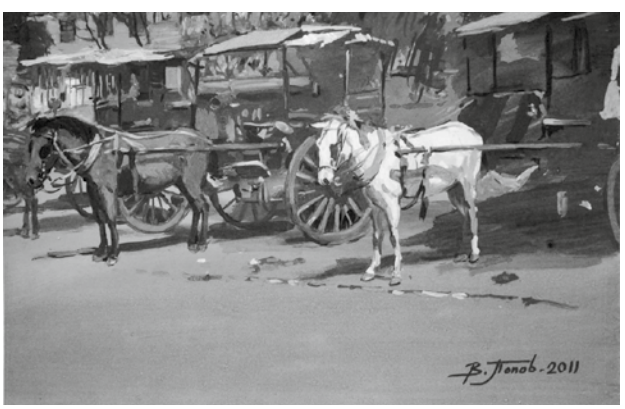
Директор музея Т. И. Воронова, завуч гимназии Е. В. Елисеева, старший научный сотрудник А. Н. Базаркина

Индонезия. Джакарта. На открытии выставки в отеле «Боробудур». Президент Республики Индонезия г-жа Миговати Сукарноцутри. Художники: В. Анисимов; В. Попов. 2000 г.

В. Б. Попов и губернатор провинции Хэйлунцзян Сунь Яо

Пномпень. Камбоджа. В буддийском монастыре. 2015 г.

Кафедральный собор. 2011 г.



Все для туриста. Город Виган. Филиппины. 2011 г.

Китай. Пекин. Дождливо. 2017 г.

ПОРА В КОСМОС...

Один друг говорит другому: «У меня старший брат хочет быть вулканологом, а средний – космонавтом...» Приятель же его спрашивает: «А ты кем хочешь быть?» Друг отвечает: «А я хочу быть врачом, чтобы их от этого вылечить».

3 марта 2021 года на заседании приёмной комиссии Союза писателей России был принят в Союз писателей лётчик-космонавт, Герой России Олег Артемьев.

Олег Артемьев никогда не мечтал быть космонавтом. Более того, вспоминая детство, проведённое на Байконуре, где служил его отец, он признаётся: *«Мы их не очень любили. Они мешали нам жить. Когда на Землю с орбиты возвращался очередной экипаж, всю местную ребятню, включая детсадовцев, "выгоняли" на обочины дорог встречать героев космоса. Летом – жарко, зимой – холодно, а мы стояли под палящим солнцем или ледяным ветром с флажками в руках и ждали. Случалось, часа по три... Затем машины со свистом проносились мимо. Ты же ничего не успеваешь понять или заметить... Всё. Шоу закончено, можно расходиться по домам».*

Любимый анекдот Олега Артемьева

16 апреля 2021 года, в рамках празднования Дня космонавтики, в стенах Российского нового университета председатель Союза писателей России Николай Иванов вручил Олегу Артемьеву членский билет и отметил, что его вступление в Союз писателей – большая удача для литературного сообщества, а тема 60-ле-

тия первого полёта благодатна для повышения интереса к космосу и в целом для патриотического воспитания молодёжи.

«Космос и МКС: как всё устроено на самом деле» – книга, созданная Олегом Артемьевым во время его второго полёта на Международную космическую станцию. При прочтении читатель погружается в жизнь на космической станции, становится участником удивительного путешествия. Будучи профессиональным фотографом, Олег Артемьев сопровождает каждую фотографию объяснениями, как и при каких обстоятельствах сделано это фото: *«Это мы пролетали над Новой Зеландией, а это мы празднуем день рождения и едим торт, а тут мы принимаем грузы, вот наши товарищи выходят в открытый космос, а тут мы пишем тотальный диктант...»*

22 декабря 2021 года в Звёздном городке (Московская область) состоялось вручение командировочного предписания члену Союза писателей России, лётчику-космонавту Олегу Артемьеву, 18 марта планирующему совершить очередной полёт на околоземную орбиту. Такое же командировочное предписание вручено генеральным директором издательства АНО «Литературная Россия» Виктором Кашлевым Олегу Германовичу как специальному корреспонденту этой газеты. Председатель Союза писателей России Николай Иванов передал также флаг Союза писателей, который космонавт доставит после полёта обратно на Землю и вернёт писателям России. Присутствующий на мероприятии поэт Василий Попов выступил в качестве компьютерного художника. Нарисованный им «компьютерный» космонавт также был командирован в космос.

Поручение стать спецкором совершенно не случайно, ведь ещё перед первым полётом на Олега Германовича Роскосмосом были официально возложены обязанности блогера и дано поручение вести отчёты с орбиты.

«На самом деле сам я блогером не хотел становиться, – рассказал космонавт. – *Перед моим первым полётом пришла продвинутая пиар-команда, которая дала задание открыть для Роскосмоса Instagram, Twitter, другие соцсети и делать из космоса репортажи. Сначала было тяжело, а потом пошла обратная связь. Оказалось, это очень полезно для самообразования. В России после этого многие люди заинтересовались космонавтикой. Надо отметить, у американцев лет пять до нас подобная деятельность стала обязательной частью работы. Теперь и у нас даётся время, чтобы вести странички в соцсетях».*

Сегодня Олег Артемьев – самый популярный российский космонавт-блогер. Например, на протяжении своего первого полугодового полёта он выкладывал фотографии и рассказы о жизни на МКС. Только в Instagram у него сразу появилось более 120 тысяч подписчиков. Особую любовь интернет-сообщества космонавт завоевал, когда записал видео о том, как делать селфи в невесомости, а его фотографии суперлуния опубликовали многие СМИ.

В итоге после череды событий все звёзды сошлись, и двум рабочим секретарям, Василию Попову и мне, Анатолию Трубе, представилась почётная возможность проводить нашего друга и коллегу в космос – мы были командированы Союзом писателей России на космодром Байконур. Во избежание обвинений в расточительстве

денег Союза писателей России считаю необходимым отметить, что финансовая поддержка этой поездки была оказана ректором Российского нового университета Владимиром Алексеевичем Зерновым, а Василий Попов летел на собственные средства. О самом путешествии расскажет его дневник.

15 марта 2022 года

Утро, ставшее началом незабываемого «космического путешествия» писательского десанта, началось по-настоящему рано. Москва просыпалась, а в аэропорту Домодедово собирались участники экспедиции – писатели, учёные, общественные и политические деятели, студенты-бауманцы, которых ждал борт самолёта «Уральских авиалиний», единственный рейс на Байконур.

Обстановка на борту была торжественной и праздничной. Складывалось ощущение, что находишься не в самолёте, а на торжественном мероприятии, банкете, все друг друга знают, представляют друг другу и непринуждённо общаются.

Неожиданно по громкой связи из кабины пилотов эмоциональную речь произнёс Александр Лазаренко, представитель поисково-спасательной службы РКК «Энергия», который поздравил пассажиров с удачным началом экспедиции, передал привет от Олега Артемьева и пообещал незабываемые приключения, что немного напрягло, особенно когда знаешь, что находишься на высоте семь тысяч километров над землёй.

Но всё хорошее заканчивается, и по истечении трёх часов самолёт прибыл в небольшой аэропорт Казахстана. При этом у всех присутствующих было ощущение, что никуда из России не вылетали: прошли с российским паспортом паспортный контроль, по дороге в город Байконур автобус остановила российская полиция, даже номера у встречающихся автомобилей были российских регионов. И наконец, самый приятный факт – в магазинах принимают русские рубли и карты «Мир» к оплате, так что действительно комфортно.

Отъезжая от аэропорта, все с интересом разглядывали местность, поля и степные просторы. Ничего особенного, стандартные русские пейзажи, и вдруг... Посреди поля пасутся ВЕРБЛЮДЫ! Не коровы, не кони, а мохнатые, такие огромные верблюды. Да и в самом городе во многих местах установлены скульптурные композиции двугорбых.

Олега Артемьева спросили: если бы ему предоставили час на прогулку, как бы он её провёл в городе Байконур?

– Я бы прошёл по постоянным моим маршрутам. Пошёл бы посмотреть «крайний» дом, в котором я жил. Это дом № 2 на улице Янгеля. Затем сходил бы по маршруту стадион «Десятилетие» – спортивный комплекс «Маяк», где у меня были тренировки по борьбе. Шёл бы прямиком через дворы, третий гастроном, площадь. После того как обошёл бы окрестности вокруг стадиона и «Маяка», направился бы по улице Осташёва, мимо первого гастронома, дома № 6, где моему отцу дали квартиру. Затем прошёл бы мимо тридцатой школы, офицерской столовой, стелы «Наука и космос», через Солдатский парк свернул бы в сторону Дома культуры строителей и второй музыкальной школы. Этим маршрутом – от музыкалки до Янгеля, 2, – я через день проходил. Потом развернулся и прошёл бы через «деревянный» городок, первую музыкальную школу, детский сад, куда я ходил и которого уже нет. Завернул бы на источник за парком. В детстве с отцом мы по утрам туда бегали, купались, зарядку делали. Родители с друзьями там встречались, отдыхали, шашлыки жарили. Затем от источника двинул бы в сторону Дворца пионеров – через площадь, Арбат, это бывшая улица Ленина. В ДЮСШ зашёл бы, где занимался. Во дворе там раньше стоял самолёт, интересное место для игр было. Потом спустился бы к речке, где у нас был Клуб юных моряков. Но, к сожалению, там осталась только бетонная плита. Довольно памятное место. А потом просто пошёл бы по городу и прогулялся. В свою 211-ю школу обязательно зашёл бы. По перрону мотовоза погулял. В детстве мы там, хоть и нельзя было, бегали и играли. Ещё интересным местом был автопарк. Там сейчас «Арсенал». Раньше там тягачи стоя-

ли на танковой тяге. Мест интересных было много в городе.

В отличие от почётного гражданина города Байконур Олега Артемьева, у нашей экспедиции было четыре дня для общения с городом, и все незамедлительно этим воспользовались. Все вновь прибывшие быстро рассеялись по городу.

Особых эмоций ни архитектура, ни достопримечательности Байконура не производят. Примечательно, что посреди города лежит большая ракета, а вместо назойливой рекламы на билбордах – портреты выдающихся конструкторов, лётчиков и испытателей, что очень патриотично.

Ещё один интересный факт, который заставил меня, как уроженца города-сада Мичуринска, уважать трудолюбивых местных жителей, – по всему городу тянется оросительная система, именно так здесь и борются с неимоверной летней жарой, когда асфальт в прямом смысле плавится под ногами. А здесь огромное количество плодовых деревьев, и во время цветения здесь безумно красиво.

16 марта 2022 года

Космодром любит солнце, трудолюбивых людей, и для нашей команды сегодня будет много интересного. Путешествие по «площадкам» Байконура, а так тут называют все объекты, разделяя их обозначения просто числами, началось с восхода солнца.

Программа второго дня, впрочем, как и всех последующих, очень насыщенна! Нам представилась возможность объехать добрую половину действующих и законсервированных объектов Байконура и буквально своими руками прикоснуться к мощной отрасли нашей страны.

Особенным стало посещение Музея истории космодрома Байконур, где познакомились с историей полигона, тех, кто его создавал и чьи имена совсем недавно перестали быть секретными. Создана уникальная возможность прикоснуться к экспонатам музея, которые имеют непосредственное отношение к эпохе С. П. Королёва. Кроме того, посчастливилось посетить макет легендарного космического корабля «Буран» в натуральную величину и посидеть в кабине управления кораблём.

Полезным было общение с директором музея Айгерим Ержановной Зайцевой, которой мы преподнесли журналы «Александръ» с космической тематикой и книги. Была достигнута договорённость о создании временной, а со временем и постоянной экспозиции с произведениями на космическую тему членов Союза писателей России.

Уже поздно вечером, в 20:30, мы с Василием Поповым осуществили то, что было одной из целей нашей поездки, – встретились с Олегом Артемьевым. Общались в прямом смысле слова через решётку, а точнее, через забор. Человек находился на карантине, но пришёл на встречу, в ходе которой обговорили идею создания книги с рабочим названием «Пора в космос», содержащей литературные произведения писателей Союза и фотографии Олега Артемьева, которые он будет присылать напрямую из космоса. Договорились обменяться адресами и телефонами для поддержания связи. Эмоционально попрощавшись, мы возвратились в гостиницу, понимая, что прошёл очередной день на Байконуре, насыщенный прогулками, открытиями, знакомством с интересными людьми. И хоть степная погода нас сегодня не баловала и холодный порывистый ветер пронизывал насквозь, это казалось мелочью по сравнению с общением с влюблёнными в космос людьми.

17 марта 2022 года

По прогнозу погоды на Байконуре в этот день обещали снег, на практике же снег в степи – это маленькие такие две снежинки. Хотя не будем лукавить и признаемся, что это обрадовало. «Меньше снега – больше сможем разглядеть» – оптимизм необходим в путешествии.

Легендарный стартовый комплекс «Протон». Мы побывали на точке, с которой в космос отправилось множество космических аппаратов и модулей космических станций. Для примера, в 2021 году именно с этой площадки в Год науки и технологий запустили знаменитый модуль «Наука», который расширил российский

сегмент МКС. Кстати, это первый российский модуль на МКС за последние 11 лет.

Самым же ярким впечатлением стал комплекс сооружений программы «Энергия – Буран», на котором состоялось знакомство с человеком, подорвавшим четыре тонны секретной документации и оборудования. Но обо всём по порядку...

Вначале было показано место, где при запуске ракет-носителей принимаются самые ответственные решения, – командный пункт. Множество кнопок, индикаторов, мониторов – аппаратура той эпохи. Представилась возможность посидеть в кресле операторов и посмотреть, как всё это работает. Можно сказать, почувствовали себя сотрудниками Байконура 80-х годов. Экскурсию для нас проводил сотрудник ЦЭНКИ, принимавший участие в подготовке и пуске «Энергии – Бурана». Он с душой рассказывал и про оборудование, и про тонкости работы, а главное, делился житейскими историями.

Отправились дальше. С безопасного расстояния увидели стартовый комплекс. Обошли транспортно-установочные агрегаты. Здесь их ласково зовут «кузнечики». Страшно было бы встретиться с такими насекомыми. Технические монстры – изделия исполинской величины словно оставлены здесь внеземной цивилизацией! Впечатляет!

В конце дня посетили Международную космическую школу, где узнали, как готовят тех, кто буквально родился с космическим геном. Самое популярное хобби у детей, что и неудивительно, – моделирование и запуск ракет! В стенах школы находится мастерская, где школьники могут собрать свою первую ракету, осуществить запуск и применить теоретические знания на практике. Школьники старались и произвели на приезжих гостей яркое впечатление. Команда «ключ на старт», обратный отсчёт – и вжух... Самодельная ракета поднялась на 20–30 метров, и можно было легко понять, какие изделия были хорошо рассчитаны и спроектированы, а над чем ещё нужно поработать. Аэродинамику не обмануть.

А Василий сегодня буквально почувствовал себя космонавтом. Запрыгнул в спускаемый аппарат, разместился в кресле, кстати, достаточно даже удобном, и провёл тестирование эргономики капсулы.

В завершение мы, конечно же, подарили журналы и книги для школы с обещанием дружить и развивать начавшуюся дружбу в дальнейшем.

18 марта 2022 года

Самый ответственный день! Начался ещё раньше обычного, по-честному, и так не спалось. День старта!

Накануне были предупреждены, что утром будет поездка на важную для истории космодрома площадку – памятник, напоминающий о том, почему космос – это опасная и непредсказуемая отрасль. И почему здесь важны порядок, контроль, перепроверки систем и этим никогда нельзя пренебрегать. Собственно, с площадки под шифром № 41 мы и начали этот незабываемый день.

Суровая погода. Лежит снег, и завывает пронизывающий ветер. Вся атмосфера усугубляет трагизм произошедшего. Мемориальный комплекс, посвящённый ракетчикам, погибшим 24 октября 1960 года, во время первого запуска ракеты Р-16, когда в ходе предпусковых проверок и подготовки к запуску внештатно сработала автоматика и запустился двигатель второй ступени, разрушив баки с топливом. В результате произошёл сильный взрыв и пожар. Боевой расчёт, готовивший ракету к пуску, оказался в огненной ловушке. 76 человек погибли на месте.

К сожалению, это не единственная трагедия, произошедшая именно в эту дату, – спустя три года, также 24 октября, случилась вторая авария, и произошёл взрыв на космодроме. Теперь в этот день пуски ракет не производят, отменяются даже операции с незаправленными ракетами. Кто-то может сказать, что это суеверие, но зачем испытывать судьбу?

Памятник расположен прямо на разрушенной взрывом стартовой позиции. И честно говоря, заставляет задуматься и посмотреть на происходящее серьёзно. Космос – это не аттракцион, и за многие нынешние правила заплачено непомерной ценой.

Наш космический десант не упустил возможность исследовать и подземную часть комплекса, служившую укрытием для боевого расчёта во время пуска ракеты. Она вся изрыта туннелями и так же интересна, как и то, что видно на поверхности. Целый маленький завод, обеспечивающий пуск ракеты.

Следующая остановка – монтажно-испытательный комплекс (МИК) ракеты «Зенит». Выглядит посвежее, чем другие объекты космодрома. На ж/д путях стоит транспортно-установочный агрегат. Внутри МИК впечатляет масштабами. Здесь расположено различное оборудование для сборки, транспортировки и термостатирования ракеты-носителя. Также обустроено «чистое помещение» для сборки головной части ракеты – космического аппарата с защитным обтекателем. Жаль, что самого интересного – ракеты – в МИК не оказалось. Теперь здесь планируется реконструкция под совместный проект Роскосмоса и Казахстанского космического агентства «Байтерек» с РН «Союз-5».

Погода суровая – тяжёлые плотные тучи и холодный сильный ветер, но мы следуем дальше по маршруту. Приехали на стартовый комплекс РН «Зенит». Здесь две пусковые площадки, но в рабочем состоянии только одна. Работники космодрома рассказывают, что «основная» пострадала во время аварии ракеты на старте – теперь там глубокий кратер. Резервный стартовый комплекс, пожалуй, самый современный из всех на Байконуре. К тому же он наиболее автоматизирован и потому более безопасен для персонала.

«И снится нам не рокот космодрома...» Улыбающиеся ребята в лёгких комбинезонах с сосредоточенными лицами проследовали к автобусам. Это заняло мало времени: всего две минуты по дорожке и две около автобуса. Четыре минуты, а сколько эмоций это вызывает. Чувство искренней радости и тревоги. Молишься – пусть всё пройдёт как надо, без сюрпризов. С Богом, ребята!

Вторая площадка. Три героя дня – космонавты – уже в скафандрах вышли и направляются с докладом к руководителю Роскосмоса. Впереди всех идёт улыбающийся и довольный поэт Василий Попов. Он ещё раз пообщался с Олегом Артемьевым и успел познакомиться с Дмитрием Рогозиным. Получил приглашение прибыть на старт в командный пункт. Союз писателей снова впереди.

Вопреки многим опасениям погода вечером не подвела. Туман, стоящий весь день над степью, как по волшебству рассеялся, и участникам мероприятия открылся прекрасный вид на стартовую площадку. Подготовка. Обратный отсчёт. Старт. Дух захватило. Отделилась первая ступень, и крики всеобщего ликования перекрыли рокот ракеты.

Старт прошёл успешно!

Стыковка космического корабля «Союз МС-21» к модулю «Причал МКС» запланирована на 22:05 по московскому времени.

Трансляцию стыковки мы смотрели в прямом эфире уже в гостинице:

22:15 – стыковка состоялась в ручном режиме. Идёт проверка герметичности. Открытие люков запланировано через 2 часа.

00:55 – люки между кораблём «Союз МС-21» и станцией открыты! Экипаж МКС встретил прибывших космонавтов.

Люки между кораблём «С. П. Королёв» («Союз МС-21») и станцией открыты! Экипаж МКС тепло встречает прибывших космонавтов в их космическом доме.

«Добро пожаловать на Международную космическую станцию, наши дорогие Олег, Денис и Сергей! Буквально три часа назад вы были на Земле, и вот теперь мы встречаем вас на борту станции. А для нового модуля "Причал", кстати, это была первая стыковка! Ещё пару часов – и будем ужинать за одним столом. Мы ведь и сюрприз для вас подготовили!» – написал на своей странице во «ВКонтакте» космонавт Антон Шкаплеров сразу после стыковки.

После открытия люков на МКС начал работу экипаж из десяти человек в составе космонавтов Роскосмоса Олега Артемьева, Дениса Матвеева, Сергея Корсакова, Антона Шкаплерова и Петра Дуброва, а также астронавтов

NASA Марка Ванде Хая, Раджа Чари, Томаса Маршберна, Кайлы Бэррон и астронавта ESA Маттиаса Маурера.

19 марта 2022 года

Космодром опустел, суета закончилась, все ещё раз утром поздравляют друг друга с улыбками на лицах, а главное, со спокойствием на душе. Свершилось! Ещё долго эмоции будут переворачивать всё внутри и преследовать мысль: «Ну как после такого можно вернуться к обычной жизни?».

Уезжал из Байконура с двояким чувством – сопричастности к великому (в космосе летает мой журнал «Александръ»), с чувством исполненного долга (всё, что задумали, – сделали) и присутствием некоторой досады на себя, что не решился в тот вечер перед стартом попросить контактные данные для связи с Олегом Артемьевым. Совершенно понятно, что теперь до МКС не дозвонишься, а космонавтам теперь не до земных дел.

29 марта 2022 года

В 21:00 раздался телефонный звонок. Смутил необычный номер, и я с мыслью, что снова звонят мошенники, ответил на вызов.

«Привет! Говорим быстро, а то связь дорогая», – раздался знакомый голос Олега Артемьева.

В итоге проговорили 25 минут. Успели обменяться контактами, обсудить возможные совместные действия и мероприятия по созданию книги «Пора в космос».

Командировка на Байконур продолжается.

Анатолий ТРУБА

X10
ЭНЕКОМ